

индустрии ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№1 (2), 2023

SOCIO-CULTURAL RESEARCH TECHNOLOGIES

experience
INDUSTRIES

(16+)

Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT), 2023, 1(2).

Главный редактор

С. А. Маленко (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия).

Заместитель главного редактора

А. Г. Некита (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия).

Редакционная коллегия:

- Е. В. Быкова (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
Г. В. Варакина (Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия);
А. П. Воеводин (Луганская государственная академия культуры и искусств им. М. Матусовского, Россия);
О. А. Габриелян (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия);
Д. П. Гавра (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия).
В. Ч. Добрева (Университет библиотекзнания и информационных технологий, София, Болгария);
В. Е. Добровольская (Российский государственный университет им. А. Н. Косыгина, (Технологии. Дизайн. Искусство), Москва, Россия);
А. Б. Ефременков (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
Н. А. Лукьянова (Томский политехнический университет, Россия);
Б. В. Марков (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
Неби Мехдиев (Тракийский университет, Эдирне, Турция);
А. В. Павлов (Высшая школа экономики, Москва, Россия);
В. В. Савчук (Санкт-Петербургский государственный университет, Россия);
С. З. Семерник (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь);
С. В. Тихонова (Саратовский национальный исследовательский государственный университета им. Н. Г. Чернышевского, Россия);
Е. О. Труфанов (Институт философии РАН, Москва, Россия);
О. А. Фихтнер (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
О. К. Шевченко (Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия).

Редакция:

- Н. А. Кашей (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
Т. А. Афанасьева (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
С. В. Донских (Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, Беларусь);
В. В. Матвеев (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
В. А. Смирнов (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия);
В. О. Шипулин (Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, Великий Новгород, Россия).

Переводчик: А. В. Власова.

Технический редактор: Д. А. Ванюшкин.

Учредитель и издатель

ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого»

Адрес учредителя и издателя: 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41. Телефон: 8 (8162) 627244

Адрес редакции: 173003, Россия, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, 41, ауд. 3402. Телефон: 8 (8162) 338830

E-mail: **experience@novsu.ru**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Выписка из реестра зарегистрированных средств массовой информации № ФС77-83574 от 13 июля 2022 г.

Официальный сайт журнала: **<https://eiscrt.press>**

Дата выхода: 29.03.2023.

© **Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2023**

© **Авторы статей, 2023.**

Все права защищены



(16+)

Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT), 2023, 1(2).

Editor-in-Chief

S. A. Malenko (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

A. G. Nekita (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia)

Editorial Board:

- E. V. Bykova (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
G. V. Varakina (Russian State University named after I.I. A.N. Kosygin (Technology.
Design. Art), Moscow, Russia);
A. P. Voevodin (Luhansk State Academy of Culture and Arts named
after M. Matusovsky, Russia);
O. A. Gabrielyan (V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia);
D. P. Gavra (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia).
V. C. Dobрева (University of Library Science and Information Technology,
Sofia, Bulgaria);
V. E. Dobrovolskaya (Russian State University named after I.I. A.N. Kosygin
(Technology. Design. Art), Moscow, Russia);
A. B. Efremkov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia);
N. A. Lukyanova (Tomsk Polytechnic University, Russia);
B. V. Markov (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
Nebi Mehdiyev (Trakiy University, Edirne, Turkey);
A. V. Pavlov (Higher School of Economics, Moscow, Russia);
V. V. Savchuk (Saint-Peterburg State University (SpbU), Russia);
S. Z. Semernik (Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus);
S. V. Tikhonova (Saratov State University (SSU), Russia);
E. O. Trufanova (RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russia);
O. A. Fikhtner (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia);
O. K. Shevchenko (V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia).

Editorial:

- N. A. Kashchey (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia);
T. A. Afanasieva (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia);
S. V. Danskikh (Yanka Kupala State University of Grodno, Belarus);
V. V. Matveev (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia);
V. A. Smirnov (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia);
V. O. Shipulin (Yaroslav-the-Wise Novgorod State University,
Veliky Novgorod, Russia).

Translation Editor: A. V. Vlasova.
Technical Editor: D. A. Vanyushkin.

Founder and editor

FSBEI HE "Yaroslav-the-Wise Novgorod State University".
Address of founder and editor: 173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41. Tel.: 8 (8162) 627244.

Corresponding address: 173003, Russia, Veliky Novgorod,
ul. B. St. Petersburgskaya, 41, of. 3402. Tel.: 8 (8162) 338830.

E-mail: **experience@novsu.ru**

The edition is registered by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor).

Extract from the register of registered mass media
No. FS77-83574 dated July 13, 2022.

Official website of the edition: **<https://eiscrt.press>**

Release date: 29.03.2023.

© **Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, 2023.**

© **Authors of articles, 2023.**

All rights reserved.



СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

Колонка главного редактора. Полюса индустрии впечатлений: от увлекательного досуга к идеологеме «расчеловечивания».	9
Сергей Маленко	

рефлексии

Фанатский дискурс: особенности создания и потребления на примере футбольных сообществ в социальной сети ВКонтакте.	23
Вероника Катермина, Анна Гнедаш	

Человек успешный?	45
Софья Тарасова	

традиции

Маска в индустрии впечатлений как социокультурный инструмент конструирования модного образа.	69
Юлия Кондакова	

Социально-философские аспекты сказкотерапии: впечатляющее продвижение от индивида к личности.	85
Ирина Красова	

Гражданская сакральность детства в советской киномифологии.	109
Сергей Маленко, Андрей Некита	

Yalta-45: Шок-контент в смеховом хронотопе Ялтинского мира.	140
Олег Шевченко	

ГОРИЗОНТЫ

- Блистательное и ужасающее восхождение американского Сверхчеловека в жанре супергероики. **168**
Дмитрий Лосев.....
- Воздействие техногенной виртуальной реальности: от впечатлений к мировоззрению личности. **194**
Ольга Москвитина.....
- Голливудские молодежные антиутопии: социокультурные проекции страха современников по поводу будущих миров. **217**
Илья Сююмов.....

CONTENTS OF THE ISSUE

- Editor-in-Chief's column.** The Poles of the Experience Industry: From the Entertaining Leisure to the Ideologeme of "dehumanization". **9**
Sergey Malenko

reflections

- Fan discourse: peculiarities of creation and consumption on the example of football communities in the VKontakte social network. **23**
Veronika Katermina, Anna Gnedash.....

- Successful person? **45**
Sofyu Tarasova.....

traditions

- The mask in the experience industry as a socio-cultural tool for designing a fashionable image. **69**
Yuliya Kondakova

- Socio-philosophical aspects of fairy tale therapy: from the individual to the individual. **85**
Irina Krasova.....

- Civic sacredness of childhood in soviet film mythology. **109**
Sergey Malenko, Andrey Nekita.....

- Yalta-45: shock content in the funny chronotope of the Yalta World. **140**
Oleg Shevchenko



horizons

- Stunning and terrifying ascent of the american Superhuman in the superhero genre. **168**
Dmitrii Losev.....
- The impact of man-made virtual reality: from impressions to a person's worldview. **194**
Olga Moskvitina.....
- Hollywood youth dystopias: sociocultural projections of contemporaries' fear about future worlds. **217**
Ilya Suzumov.....

Колонка главного редактора

Сергей Маленко,
Новгородский государственный
университет им. Ярослава
Мудрого
(Великий Новгород, Россия).

Sergey Malenko,
Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).



[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-09-21](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-09-21)

ПОЛЮСА ИНДУСТРИИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ: ОТ УВЛЕКАТЕЛЬНОГО ДОСУГА К ИДЕОЛОГЕМЕ «РАСЧЕЛОВЕЧИВАНИЯ»

Дорогие читатели!

Сегодня мы предлагаем Вашему вниманию второй выпуск нашего нового издательского проекта: электронного сетевого журнала «Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований / Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies» (EISCRT). Показательно, что буквально сразу после своего учреждения журнал стал заметным научным и медийным явлением. Выступая 8 февраля с поздравлениями новгородским

ученым по случаю Дня российской науки, губернатор Новгородской области Андрей Никитин специально отметил тот факт, что «в декабре 2022 года вышел первый выпуск нового научного журнала НовГУ – “Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований”» [Никитин. Цит. по: Кузьмина 2023].

Тематическая направленность нового издания изначально ориентируется именно на междисциплинарное исследование субъективных вымыслов и спектра их эмоциональных презентаций. Они традиционно разворачиваются в логике мифологического мышления, созидающей, как мы уже отмечали в прошлом номере журнала, параллельное социально и культурно значимое пространство коммуникации, что, собственно, и позволяет понять специфику современного человека и особенностей его бытия.

Выпуск открывает работа наших краснодарских коллег, представляющих Кубанский государственный университет – Вероники Катерминой и Анны Гнедаш. Авторы представляют исследование, посвященное изучению одного из ярчайших феноменов массовой культуры – спортивного, сетевого фанатского дискурса. Опираясь на анализ трех наиболее популярных сетевых футбольных сообществ, авторы пытаются определить культурно-значимые концепты коммуникации футбольных фанатов. При этом оказывается, что эмоционально-заряженные футбольные сообщества склонны формироваться как моногендерные мужские общности, представляющие себя несокрушимыми, престижными победителями. Более того, современный фанатский дискурс, по убеждению коллег,

полностью соответствует идеологической формуле: «Футбол – это мужская война».

Феномен успешности становится предметом научной рефлексии Софьи Тарасовой, старшего научного сотрудника Психологического института РАО (г. Москва). На материалах исследований, проведённых автором в ряде элитных московских школ, изучается феномен тревожности и агрессивности подростков. Обнаружив адаптивный и дезадаптивный перфекционизм подростков, рассматриваемый с позиций философии потребления, автор делает вывод о том, что внешняя успешность в подростковой среде скрывает значительные риски суицида, приводит к повышенной тревожности, враждебности и гневу, что, в итоге, накладывает значительный отпечаток как на мировоззрение и жизненные ожидания школьников, так и оказывает в дальнейшем значительное влияние на их последующую взрослую жизнь.

Рубрику «Традиции» открывает статья Юлии Кондаковой. Коллега из Уральского государственного архитектурно-художественного университета имени Н. С. Алфёрова задаётся вопросом о роли маски как средства модной презентации культурных смыслов. Современная маска, по мнению автора, становится сегодня полноценным символом культуры, поскольку не только является предметом украшения, но превращается уже и в средство защиты, в модный и даже в утилитарный объект.

Аспирант кафедры философии Донецкого национального университета Ирина Красова предлагает поразмышлять о потенциале метода сказкотерапии, активно применяемого для

расшифровки закодированных символов, которыми буквально переполнены сказки. Значимость подобной процедуры определяется соответствием архетипических образов сказки с внутренним опытом каждой конкретной личности и формированием характерной для нее эмоциональной картины мира.

Гражданская сакральность детства в послевоенном советском кинематографе становится предметом научного анализа Сергея Маленко и Андрея Некиты. Кинематограф изначально формировался именно как «фабрика впечатлений», поэтому использование его как инструмента для визуализации специфической мифологии советского человека становится необычайно эффективным инструментом как собственно в художественном, так и в политико-идеологическом плане. А тема детства превращается в классический пример визуализации советского героя как принципиально нового типа героизма и героического.

Олег Шевченко, доктор философских наук, представляющий Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, продолжая анализировать значимость советского наследия, обращается к рассмотрению шок-контента в сатирическом и смеховом хронотопе Ялтинского мира. Особенную роль это приобретает сегодня в свете резкой активизации гибридных информационных войн. Намеренное создание искаженных образов роли Ялтинского мира в создании послевоенного миропорядка, может быть, с успехом использовано и для формирования отечественной шок-контентной базы нового

мироустройства, позволяющей нашей стране адекватно и всесторонне отвечать на острейшие вызовы современности.

Аспирант кафедры философии, культурологии и социологии Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого Дмитрий Лосев продолжает рефлексировать над ролью киноиндустрии в формировании образа Сверхчеловека в американских комиксах. Автор устанавливает, что образы Супергероев соответствуют традиции мифологии насилия и в условиях современной массовой культуры превращаются в значимый элемент «мягкой силы».

Его коллега, аспирант Илья Сюзюмов, анализирует мифологию будущего в голливудских антиутопических кинопроизведениях начала XXI века. Созданные в этом жанре кинообразы обладают необыкновенной и устойчивой потребительской популярностью, особенно среди молодого поколения. Это позволяет ненавязчиво внедрять в сознание обывателя значимые политико-идеологические смыслы, которые бессознательно закрепляют ощущения страха, тревоги и неуверенности по поводу будущего в качестве базовых экзистенциалов для целых поколений массовой зрительской аудитории.

Старший научный сотрудник Психологического института РАО Ольга Москвитина представляет результаты исследований о влиянии виртуальной, цифровой реальности на формирование мировоззрения индивида. Она утверждает, что характерная для сегодняшнего дня доминанта цифровых образов и инструментов приводит к значительным искажениям традиционных

представлений человека о самом себе и своем месте в обществе, становятся причиной социального разделения и разобщения, а в конечном итоге и «расчеловечивания» людей.

Редакция журнала «Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований / Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies» (EISCRT) благодарит всех авторов за создание оригинального проблемного поля и формирование пространства исследовательской рефлексии по поводу прошлого, настоящего и будущего индустрии впечатлений!

Мы ждем в наших новых выпусках оригинальные идеи и творческие новации исследователей в области общественных и гуманитарных наук, философии, культурологии, медиа, социологии, педагогики и экономики культуры, искусствоведения, дизайна, деятелей культуры и искусства, организаторов производства и презентации впечатлений, теоретиков и практиков в области культурных и креативных индустрий. От всей души приглашаем всех заинтересованных специалистов к заинтересованному диалогу и продуктивному обмену мнениями на страницах нашего издания.

Литература

Кузьмина, Е. (2023, 8 февраля). Андрей Никитин поздравил новгородских учёных с их главным праздником. *Информационный портал «Новгородские ведомости»*. Режим доступа: <https://novvedomosti.ru/news/education/86775/> (дата обращения: 08.02.2023).

Для цитирования статьи:

Маленко, С. А. (2023). Полюса индустрии впечатлений: от увлекательного досуга к идеологеме «расчеловечивания». *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT), 1(2), 09–21.* [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-09-21](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-09-21)

Editor-in-Chief's Column

THE POLES OF THE EXPERIENCE INDUSTRY: FROM THE ENTERTAINING LEISURE TO THE IDEOLOGEME OF "DEHUMANIZATION"

Dear readers!

Today we bring to your attention the second issue of our new publishing project: the electronic online journal «Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований / Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies» (EISCRT). It is significant that literally immediately after its establishment, the magazine became a notable scientific and media phenomenon. Speaking on February 8 with congratulations to the Novgorod scientists on the occasion of the Day of Russian Science, the Governor of the Novgorod region Andrey Nikitin specifically noted the fact that «in December 2022, the first issue of a new scientific journal of NovSU – "Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies"» [Nikitin. Cit. by: Kuzmina 2023].

The thematic focus of the new edition is initially focused on the interdisciplinary study of subjective fictions and the spectrum of their emotional presentations. They traditionally unfold in the logic of mythological thinking, creating, as we already noted in the last issue of the magazine, a parallel socially and culturally significant

communication space, which, in fact, allows us to understand the specifics of modern man and the peculiarities of his being.

The issue opens with the work by our Krasnodar colleagues from Kuban State University – Veronika Katermina and Anna Gnedash. The authors present a research devoted to the study of one of the brightest phenomena of mass culture – sports fan online discourse. Relying on the analysis of the three most popular online football communities, the authors try to determine the culturally significant concepts of football fans' communication. At the same time, it turns out that emotionally charged football communities tend to form as mono-gender male communities, presenting themselves as invincible, prestigious winners. Moreover, modern fan discourse, according to colleagues, is fully consistent with the ideological formula: “Football is a man's war”.

The phenomenon of success becomes the subject of scientific reflection by Sofya Tarasova, a senior researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education (Moscow). On the materials of research conducted by the author in a number of elite Moscow schools, the phenomenon of anxiety and aggressiveness of adolescents is studied. Having discovered the adaptive and maladaptive perfectionism of adolescents, considered from the standpoint of the philosophy of consumption, the author concludes that external success in the adolescent environment hides significant risks of suicide, leads to increased anxiety, hostility and anger, which, as a result, leaves a significant imprint on both the worldview and life expectations of schoolchildren, and in the future has a significant impact on their subsequent adult life.

The column "Traditions" opens with an article by Yulia Kondakova. Our colleague from the Ural State University of Architecture and Art wonders about the role of the mask as a means of fashionable presentation of cultural meanings. The modern mask, according to the author, is becoming a full-fledged symbol of culture today, since it is not only an object of decoration, but is already turning into a means of protection, into a fashionable and even a utilitarian object.

Irina Krasova, a post-graduate student of the Department of Philosophy of Donetsk National University, suggests reflecting on the potential of the fairy tale therapy method, which is actively used to decipher the coded symbols with which fairy tales are literally overflowing. The significance of such a procedure is determined by the correspondence of archetypal fairy tale images with the inner experience of each individual and the formation of their characteristic emotional worldview.

The civic sacredness of childhood in the post-war Soviet cinema becomes the subject of scientific analysis by Sergei Malenko and Andrey Nekita. Cinematography was originally formed precisely as a "factory of impressions", therefore, using it as a tool for visualizing the specific mythology of the Soviet person becomes an unusually effective tool, both artistically and politically and ideologically. And the theme of childhood turns into a classic example of the visualization of the Soviet hero as a fundamentally new type of heroism and the heroic.

Oleg Shevchenko, Doctor of Philosophy, representing V.I. Vernadsky Crimean Federal University, continuing to analyze the

significance of the Soviet heritage, turns to the consideration of shock content in the satirical and laughter chronotope of the Yalta conference. This is acquiring a special role today in the light of the sharp intensification of hybrid information wars. The intentional creation of distorted images of the role of the Yalta Peace in the creation of the post-war world order can be successfully used to form a domestic shock-content base of the new world order, allowing our country to adequately and comprehensively respond to the most acute challenges of our time.

Postgraduate student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology of Yaroslav the Wise Novgorod State University Dmitry Losev continues to reflect on the role of the film industry in shaping the image of the Superman in American comics. The author establishes that the images of Superheroes correspond to the tradition of the mythology of violence and in the conditions of modern mass culture turn into a significant element of "soft power".

His colleague, graduate student Ilya Syuzumov, analyzes the mythology of the future in Hollywood dystopian films of the early 21st century. Film images created in this genre have an unusual and stable consumer popularity, especially among the younger generation. This makes it possible to unobtrusively introduce meaningful political and ideological meanings into the minds of ordinary people, which unconsciously consolidate feelings of fear, anxiety and uncertainty about the future as the basic existential values for entire generations of the mass viewing audience.

Olga Moskvitina, senior researcher at the Psychological Institute of the Russian Academy of Education, presents the results of research

on the influence of virtual, digital reality on the formation of an individual's worldview. She argues that the dominance of digital images and tools, which is typical for today, leads to significant distortions of a person's traditional ideas about himself and his place in society, become the cause of social division and disunity, and ultimately the "dehumanization" of people.

The editorial Board of the journal «Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований / Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies» (EISCRT) would like to thank all the authors for creating an original problem field and a space for research reflection on the past, present and future of the experience industry!

In our new issues, we are waiting for original ideas and creative innovations of researchers in the field of social and human sciences, philosophy, cultural studies, media, sociology, pedagogy and economics of culture, art history, design, cultural and art figures, organizers of production and presentation of impressions, theorists and practitioners in the field of cultural and creative industries. We cordially invite all interested specialists to an interested dialogue and productive exchange of opinions on the pages of our publication.

References

Kuzmina, E. (2023, February 8). Andrei Nikitin pozdravil novgorodskikh uchenykh s ikh glavnym prazdnikom [Andrei Nikitin congratulated Novgorod scientists on their main holiday]. *Informatsionnyi portal «Novgorodskie vedomosti»* [Information portal "Novgorod Vedomosti"]. Available at: <https://novvedomosti.ru/news/education/86775/> (accessed: 08.02.2023). (In Russ.).

For article citations:

Malenko, S. A. (2023). The Poles of the Experience Industry: From the Entertaining Leisure to the Ideologeme of "dehumanization". *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 09–21. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-09-21](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-09-21)

рефлексии

УДК 81'373.43

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-23-44](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-23-44)

ФАНАТСКИЙ ДИСКУРС: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ И ПОТРЕБЛЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ ФУТБОЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ ВКОНТАКТЕ



Вероника Катермина,
Кубанский государственный
университет
(Краснодар, Россия)

Veronika V. Katermina,
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

ORCID: 0000-0001-9141-9867
e-mail: katermina_v@mail.ru



Анна Гнедаш,
Кубанский государственный
университет
(Краснодар, Россия)

Anna Gnedash,
Kuban State University
(Krasnodar, Russia)

ORCID: 0000-0002-3516-107X
e-mail: anna_gnedash@inbox.ru

Для цитирования статьи:

Катермина, В.В., & Гнедаш, А.А. (2023). Фанатский дискурс: особенности создания и потребления на примере футбольных сообществ в социальной сети ВКонтакте. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 23–44. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-23-44](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-23-44)

Аннотация: исследование посвящено анализу особенностей формирования сетевого фанатского дискурса в асинхронных мультимодальных дискурсивных полях в Интернет на примере футбольных сообществ в социальной сети ВКонтакте. Эмпирической базой исследования стали сетевые данные (посты на стене сообществ и групп, комментарии к постам, статистика лайков постов и комментариев, статистика репостов, популярные посты), полученные из 3 самых популярных российских сетевых сообществ, посвящённых футбольной тематике и выгруженные через интерфейс API ВКонтакте (Топ-100 сообщений-постов и около 500 000 комментариев к ним за период 1 января 2022 г. по 31 августа 2022 г.). Три полученных дата-сета были подвергнуты процедурам Data Science, математического моделирования, реляционной социологии, корпусной лингвистики и лингводискурсивного анализа. На основе обработанных сетевых данных были построены и проанализированы дискурсивные поля футбольных сообществ. Это позволило описать культурно значимые концепты и обусловленные ними сценарии коммуникативного поведения футбольных фанатов, а также выявить универсальные и специфические сценарии коммуникационных и социально-политических паттернов поведения в фанатской культуре.

Ключевые слова: Интернет, дискурс, футбольные фанатские сообщества. ВКонтакте, сетевой анализ, лингводискурсивный анализ

Введение

Футбольные фанатские движения – одно из самых распространенных субкультурных явлений в современной публичной сфере [Hellekson 2018; Jenkins 2018]. А. Илле предлагает называть футбольными фанатами «<...> ту часть футбольных болельщиков, которая придерживается определенной

специфической субкультуры (нормы и ценности, специфические практики и символики) и действует в соответствии с ней» [Илле 1999]. Как отмечает А. В. Якуба, «у футбольных фанатов имеется своя специфическая культура, определенные правила и модели поведения, социальные и духовные потребности, а также интересы» [Якуба 2015: 15]. И. Е. Колегова и В. А. Кондратенко отмечают, что фанатские практики являются «неотъемлемой частью социальной идентичности <...> с одной стороны, структура фанатского сообщества крайне неоднородна, но с другой – довольно формализована» [Колегова, Кондратенко 2020: 121], а фанатское движение можно рассматривать как «совокупность локальных групп, формирующих в своем единстве субкультуру фанатского движения» [Колегова, Кондратенко 2020: 121].

Футбольные фанаты во многих современных странах представляют значительную социально-демографическую группу, их нередко рассматривают как серьезную политическую силу в период избирательных кампаний и для поддержки находящихся на вершине власти политических лидеров. Например, в 1990-х гг. Тони Блэр использовал футбол как часть своей популистской политики в отношении предвыборной мобилизации электората и для контраста с политикой жесткого регулирования футбольных сообществ (особенно «хулиганов» и «ультрас») со стороны действующего правительства консерваторов [Dunning 2000]. В

Италии в период пребывания Сильвио Берлускони на посту премьер-министра футбол и политические власти были тесно переплетены [Roversi 2000]. Французская политика также находится в зависимости от периодических общенациональных забастовок игроков, возглавляемых «Professional Clubs' Union».

В российской научной среде исследователи до 2020 г. писали о достаточно «аполитичной культуре» фанатских сообществ. Например, российский исследователь М. В. Кузнецов называет футбольный фанатизм уникальным явлением, не имеющим в своей основе никакой политической идеологии [Кузнецов, 2014]. Анализируя российские онлайн-сообщества, Н. А. Рябченко определила, что участники футбольных сообществ «формируют моногендерное сообщество, разделяя когнитивные, аффективные и ценностные культурные и политические ориентации в отношении футбола как истинно мужского мира – богатых, победителей, сильных и успешных; мира «футбол как война», в которой никто не гибнет, но есть первые и есть проигравшие <...>. «Болеем за первых» становится основным элементом политической культуры в таком сообществе, и так как эти первые – «другие», зарубежные клубы и футболисты, то тема патриотизма и сплоченности на основе любви к «своим» фактически нивелируется в сообществе» [Рябченко 2020: 263].

Похожие выводы делает И. В. Самаркина, рассматривая

политическую картину мира 13 крупнейших сетевых активно-деятельностных сообщества в России, среди которых сообщество «Реальный футбол», и определяя их «тип кластерного профиля политической картины мира» как онлайн неполитическую активность [Самаркина 2021: 97].

В настоящее время концепт И. Е. Колеговой и В. А. Кондратенко о «пластичной идентичности» участников футбольного фанатского сообщества [Колегова, Кондратенко 2020: 127] позволяет нам предположить, что фрагментарное «Я» фанатов может наполняться новыми смыслами в зависимости от внешних факторов, например, в условиях пандемии COVID-19 и / или специальной военной операции.

Данное предположение позволило нам конструировать исследовательские задачи в отношении анализа процессов создания и потребления сетевого фанатского дискурса на примере футбольных сообществ в социальной сети ВКонтакте в современной России.

МЕТОДОЛОГИЯ И ЭМПИРИЧЕСКАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

В Интернет-пространстве сообщества футбольных фанатов создают и потребляют особый сетевой дискурс, вырабатывая и наполняя его в процессе онлайн-коммуникации когнитивными,

аффективными и ценностными социокультурными и политическими ориентациями, смыслами и практиками.

В результате анализа всех футбольных сообществ и сообществ в ВКонтakte, тематика которых наиболее близка к футболу, нами было выделено 3 крупнейших футбольных ВК-паблика в русскоговорящем сегменте Интернет. Такими ВК-сообществами стали: «Российский Футбол: РПЛ», «Одержимые футболом», «Футбол» (Таблица 1).

Таблица 1. Исследуемые сообщества в ВК, 2022.

Group ID	Ссылка на группу	Название	Число участников	Короткий адрес
25505197	https://vk.com/club25505197	Российский Футбол: РПЛ	594436	https://vk.com/rfs_org
31687	https://vk.com/club31687	Футбол	559327	https://vk.com/fans.football
41	https://vk.com/club41	Одержимые футболом	552425	https://vk.com/club41

В данных сообществах методом специальной выборки через программный интерфейс API ВКонтakte были выгружены Топ-100 сообщений за период 1 января 2022 г. по 31 августа 2022 г. Три полученных дата-сета были подвергнуты процедурам Data Science (позволяющих работать с неструктурированными сетевыми данными, которыми являются данные, выгружаемые с платформ социальных сетей), математического моделирования, реляционной социологии, корпусной лингвистики и лингводискурсивного анализа. Данная методика разработана и

апробирована научным коллективом Н. А. Рябченко, О. П. Малышевой, В. В. Катерминой и А. А. Гнедаш [Рябченко и др. 2021а: 135–160; Рябченко и др. 2018: 139–162; Рябченко и др. 2019: 92–106; Рябченко и др. 2021b: 81–94].

РЕЗУЛЬТАТЫ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

ВК-сообщество

«Одержимые футболом» [Одержимые футболом, без даты]

Сообщество «Одержимые футболом» в ВК имеет порядка 552425 подписчиков с момента создания; на 31 августа 2022 г. количество записей в сообществе составило 108243 сообщения. Организаторы сообщества позиционируют его как «In goal we trust. Если вы неравнодушны к футболу – вам сюда. А если вы одержимы футболом, то вы уже тут! = Спорт, футбол, гол, sport, football, goal, soccer, трансферы, главные новости» [Одержимые футболом, без даты].

Данное сообщество в большей степени отражает события зарубежного футбольного контента, чем российский футбольный контент, который также присутствует.

Зарубежная тематика прежде всего представлена именами футболистов Мбаппе, Ибра (Златан Ибрагимович), Эрик тен Хаг;

названиями футбольных команд – «Милан», «Атлетико», «Барселона».

Эмоциональная специфика пользователей данного сообщества в данный период выражается следующими средствами:

– Использование превосходных степеней сравнения прилагательных (лучший, мощнейший):

 Мбаппе: «Я всегда считал Роналду **лучшим**, но играя с Месси в этом сезоне я понял, что прав».

 Кто, на ваш взгляд, **лучший** правый защитник в истории футбола?

 Кто, на ваш взгляд, **лучший** страйкер в истории футбола?

 **Мощнейшие** трио в центре поля.

 **Мощнейшая** речь Ибры после чемпионства «Милана»
#vkfootball.

– Использование междометий, усиленных за счет редупликации:

Воу воу воу 

– Использование графических стилистических средств и неформальной лексики (ужасно – перен. разговорное, оценка чего-л.; отмазать – жарг. помочь кому-либо избежать наказания или иных неприятных последствий; убийственный – перен. разг. крайний, чрезвычайный (о чём-н. неприятном, отрицательном)):

🏆 *Чемпионыыыы!* 💪 *«Королевский клуб» проделал
сложнейший путь к трофею.*

📉 *«Челси» ужасно не везёт с нападающими на протяжении
многих лет!*

✅ *Гринвуда отмазали*

🔥 *У «Барселоны» была убийственная связка*

– *Использование риторических вопросов:*

Узнаете малого? 😊

? *Как думаете, как будет выглядеть топ-4 в этом сезоне
АПЛ? Пишите в комментариях 👉*

Кто прав в этой ситуации? 😞

👮 *Тен Хага ждёт непростое испытание. Как думаете, сколько
побед одержит «МЮ» в первых 10 турах?*

🤖 *Вам не кажется, что Симеоне слишком дорого обходится
«Атлетико»?*

Особо следует отметить использование такого приема, как прецедентность. По Ю. Н. Караулову, прецедентные тексты – «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т. е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется

неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987: 216].

Прецедентность:

В бой идут одни старики. Как вам такая сборная ветеранов?

😄 *Идеальная команда из бывших и действующих игроков Клоппа. Кто самое слабое звено?👉*

ВК-сообщество

«Российский футбол» [Российский Футбол: РПЛ, без даты]

Сообщество «Российский Футбол: РПЛ» в ВК имеет порядка 594436 подписчиков с момента создания; на 31 августа 2022 г. количество записей в сообществе составило 158140 сообщений. Организаторы сообщества позиционируют его как «Неофициальное сообщество любителей российского футбола. Последние результаты матчей РПЛ. Новости, скандалы, интервью, фото и всё самое интересное, что происходит в нашем родном российском чемпионате» [Российский Футбол: РПЛ, без даты]. Сообщество было создано накануне «Чемпионата мира по футболу – 2018» и до 2022 г. являлось зеркальным отражением событий, происходящих в основном в российской футбольной сфере офлайн.

Результаты анализа показали, что в данный период в сообществе основной акцент делался на двух событиях: политических и чисто спортивных.

В первом случае активно обсуждались события, связанные с Украинским конфликтом и его последствиями. Так, в следующих сообщениях среди ключевых лексем можно выделить такие, как «демонстративно игнорировать акцию в поддержку Украины», «три условия УЕФА для возвращения клубов РПЛ в Еврокубки», «отказался надеть футболку в поддержку Украины», «отчислили из клуба АПЛ из-за постоянной критики российских игроков», «ответил полякам за оскорбление России» и другие.

Среди данных сообщений отметим поведение футболистов:

Российский футболист демонстративно проигнорировал акцию в поддержку Украины на матче чемпионата Чех.

Назаров отказался надеть футболку в поддержку Украины и был вынужден покинуть Чехию Российский фут...

Также следует выделить поведение зарубежных фанатов:

Фанаты «МанСити» призывают выгнать Зинченко из-за нападков на российских футболистов Полузащитник а...

Англичане высмеяли русофобскую выходку украинского футболиста.

Действия футбольных организаций также служат доказательством происходящего в ВК-сообществе «Российский футбол».

Стали известны три условия УЕФА для возвращения клубов РПЛ в Еврокубки...

Украинского хавбека отчислили из клуба АПЛ из-за постоянной критики российских игроков.

 *Стало известно, как УЕФА накажет Украину за поведение фанатов на матче против России.*

Особо выделим действия ведущего «МатчТВ»:

Ведущий «МатчТВ» Антон Анисимов ответил полякам за оскорбление России.

Таким образом, в онлайн-комментариях мы можем видеть реальное отражение происходящих событий на поле и вне его: реакцию российских спортсменов и официальных лиц, зарубежных болельщиков и специалистов, особо выделим и обсуждение бытовых проблем.

В плане чисто спортивных новостей активно обсуждаются события, связанные с финансовыми проблемами:

*«Краснодар» может прекратить существование.
«Краснодар» испытывает серьезные финансовые проблемы.*

С несоответствием сертификатов уровня стадионов:

«Рубин» может заменить «Факел» в РПЛ. Стадион «Факела» не соответствует сертификату уровня РПЛ.

Обсуждение личности футболистов и их положением в командах:

🔄 Артём Дзюба может вернуться в «Зенит». Нападающий Артём Дзюба так и не нашел себе новый клуб.

Бакаев недоволен своим положением в «Зените». Бывший полузащитник московского «Спартака» Зелимхан...

Результаты футбольных матчей:

Спартак вышел на чистое первое место, «Ростов» поднялся на третью строчку.

Зенит в четвертый раз подряд стал Чемпионом России 🏆

Уровень работы судейства:

Эксперт заявил о двух результативных судейских ошибках против «Спартака» в матче с «Локомотивом»...

Арбитра матча «Зенит» - «Бетис» обвинили в серии результативных ошибок.

При обсуждении пользователями соцсетей данного сообщества можно отметить преобладание лексики с отрицательной коннотацией с ярко выраженной эмоционально-

экспрессивной семантикой: *демонстративный* – совершаемый с целью демонстрации чего-либо; *вызывающий, нарочитый*; *игнорировать* – умышленно не замечать чего-либо, не обращать внимания на что-либо; *отказываться* – не быть в состоянии что-нибудь делать; *выгонять* – заставляя покинуть какое-либо место; *русофобия* – предвзятое, подозрительное, неприязненное, враждебное отношение к русскому народу, России, русскому языку, русским; *оскорбление* – умышленное унижение чести и достоинства личности; *обвинять* – считать виноватым, неправым кого-либо; *упрекать* кого-либо в чём-либо.

ВК-сообщество «Футбол» [Футбол, без даты]

Сообщество «Футбол» в ВК имеет порядка 559327 подписчиков с момента создания; на 31 августа 2022 г. количество записей в сообществе составило 104844 сообщения. Организаторы сообщества позиционируют его как «Мы знаем о футболе всё! 🔥» [Футбол, без даты]. В сообщениях данного сообщества доминируют эмоциональные вопросительно-утвердительные конструкции, сопровождающиеся эмоджи:

На каком месте ваш любимый клуб...?🤔👉

Что вообще происходит...🔥😱

⚡ Вот это поворот...🔥😱

Стоит выделить графические стилистические приемы и неформальную лексику, также свидетельствующие об эмоциональной специфике пользователей данного сообщества:

Настоящие русские пацаны... 😂👍

⚡ ВAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAAАААМ💣

🔥 Сумасшедший матч от трио Месси-Мбаппе-Неймара.

К более нейтральной лексике можно отнести номинацию фамилий игроков, названий команд и футбольных премий:

- Лионель Месси – футболист Аргентинской ассоциации;
- Карим Мостафа Бензема – французский футболист, нападающий и капитан испанского клуба «Реал Мадрид», игрок сборной Франции;
- Килиан Мбаппе Лоттен – французский футболист, нападающий клуба «Пари Сен-Жермен» и сборной Франции;
- Неймар да Силва Сантос Жуниор – бразильский футболист, нападающий, вингер и атакующий полузащитник французского клуба «Пари Сен-Жермен» и национальной сборной Бразилии.

«Золотой мяч» – ежегодная футбольная награда, присуждаемая лучшему футболисту календарного года французским журналом «France Football».

«Реал» – Реал Мадрид» – испанский профессиональный футбольный клуб из города Мадрид, признан ФИФА лучшим футбольным клубом XX века.

🤖 *Месси сравнился с Бензема в рейтинге претендентов на «Золотой мяч» Карим Бензема по-прежнему лид...*

🔄 «Реал» готовится к большим переменам – 8 игроков может покинуть клуб летом.

Как показало наше исследование, продуцируемый и потребляемый сетевой фанатский дискурс формирует социально-политические практики футбольных фанатов, в основном в онлайн-пространстве, но с возможностью политической мобилизации в офлайн-среду в зависимости от накопленного политического потенциала и при наличии внешних триггеров. Наиболее подверженным такой мобилизации является ВК-сообщество «Российский футбол», идентичность участников которого очень пластична и особенно резонирует с современными внешнеполитическими событиями. Фанатский дискурс двух других сетевых сообществ (ВК-сообщество «Футбол» и ВК-сообщество «Одержимые футболом») в большей степени сосредоточен вокруг производства и потребления футбольных тем и мало касается политической конфликтной проблематики.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (Отделение гуманитарных и общественных наук) в рамках научного проекта № 20-012-00033 «Лингвистические модели социально-политической

коммуникации в online-пространстве: дискурсивные поля, паттерны и гибридная методология анализа сетевых данных» (2020–2022 гг., рук. В. В. Катермина).

Литература

- Илле, А. М. (1999). Футбольный фанатизм в России: фанатские движения и субкультура футбольных фанатов. В книге: *Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга*. Санкт-Петербург: Норма. Режим доступа: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/ille.htm> (дата обращения: 12.12.2022).
- Караулов, Ю. Н. (1987). Русский язык и языковая личность. Москва: Наука.
- Колегова, И. Е., & Кондратенко, В. А. (2020). Движение футбольных фанатов: структура и коллективные идентичности. *Интеракция. Интервью. Интерпретация*, 12(1), 118–135. <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.7>
- Кузнецов, М. В. (2014). Структура футбольного фанатского движения. *Аналитика культурологии*, 29, 144–148.
- Одержимые футболом (без даты). *ВКонтакте*. Режим доступа: <https://vk.com/club41> (дата обращения: 05.12.2022).
- Российский Футбол: РПЛ (без даты). *ВКонтакте*. Режим доступа: <https://vk.com/club25505197> (дата обращения: 05.12.2022).
- Рябченко, Н. А. (2020). Новые методики исследования сетевых сообществ граждан в онлайн-пространстве: сетевые идеологические дискурсы и формируемая общественная повестка дня. *Политика развития в условиях цифровизации общества: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием* (стр. 260–265). Краснодар: Вика-Принт. https://www.kubsu.ru/sbornik_materialov_conferencii_2020.pdf (дата обращения: 05.12.2022).
- Рябченко, Н. А., Гнедаш, А. А., Малышева, О. П., & Катермина, В. В. (2021a). Управление политическим контентом в онлайн-пространстве современных государств: как Twitter не позволил Д. Трампу выиграть президентские выборы в 2020 г. *Политическая наука*, 4, 135–160. <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>
- Рябченко, Н. А., Катермина, В. В., Гнедаш, А. А., & Малышева, О. П. (2018). Политический контент социальных движений в online-пространстве современных государств: методология анализа и исследовательская практика. *Южно-российский журнал социальных наук*, 19(3), 139–162. <http://www.doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>
- Рябченко, Н. А., Малышева, О. П., & Гнедаш, А. А. (2019). Управление политическим контентом в социальных сетях в период предвыборной

- кампании в эпоху постправды. *Полис: Политические исследования*, 2, 92–106. <https://doi.org/https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Рябченко, Н. А., Малышева, О. П., Катермина, В. В., & Гнедаш, А. А. (2021b). Модель коммуникации «говорящий – слушающий» в условиях цифровизации лингвистического поворота: опыт сетевого и лингводискурсивного анализа контента видеохостинга "Youtube". *Политическая лингвистика*, 1(85), 81–94. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_07.
- Самаркина, И. В. (2021). Политическая картина мира сообществ «ВКонтакте»: опыт анализа субъективного пространства политики в условиях сетевого общества. *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*, 17(1), 87–102. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.107>
- Футбол (без даты). *ВКонтакте*. Режим доступа: <https://vk.com/club31687> (дата обращения: 05.12.2022).
- Якуба, Я. В. (2015). *Криминализация субкультур футбольных фанатов в условиях развития Интернет-коммуникации* [Кандидатская диссертация]. Краснодар.
- Dunning, E. (2000). Towards a Sociological Understanding of Football Hooliganism as a World Phenomenon. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 8(2), 141–162. <https://doi.org/10.1023/a:1008773923878>
- Hellekson, K. (2018). The Fan Experience. In Booth, P.(ed.), *A Companion to Media Fandom and Fan Studies*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Jenkins, H. (2018). Fandom, Negotiation, and Participatory Culture. In Booth, P. (ed.), *A Companion to Media Fandom and Fan Studies*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Roversi, A., & Balestri, C. (2000). Italian Ultras Today: Change or Decline? *European Journal on Criminal Policy and Research*, 8, 183–199. <https://doi.org/10.1023/A:1008757125695>

Информация об авторах

Катермина Вероника Викторовна – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии, Кубанский государственный университет (Россия, 350040, Краснодар, ул. Ставропольская, 149), ORCID: 0000-0001-9141-9867, katermina_v@mail.ru

Гнедаш Анна Александровна – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет (Россия, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149), ORCID: 0000-0002-3516-107X, anna_gnedash@inbox.ru

FAN DISCOURSE: PECULIARITIES OF CREATION AND CONSUMPTION ON THE EXAMPLE OF FOOTBALL COMMUNITIES IN VK.COM SOCIAL NETWORK

Veronika Katermina, Anna Gnedash

Abstract: the study is devoted to the analysis of the features of the formation of online fan discourse in asynchronous multimodal discursive fields on the Internet using the example of football communities in the social network VKontakte. The empirical base of the study was network data (posts on the wall of communities and groups, comments on posts, statistics on likes of posts and comments, statistics on reposts, popular posts) obtained from the 3 most popular Russian football-themed online communities and uploaded through the VKontakte API interface. Discursive fields of football communities were built and analyzed based on network data using the methods of network linguistics. This made it possible to describe culturally significant concepts and the scenarios of communicative behavior of football fans determined by them as well as to identify universal and specific scenarios of communication patterns of behavior in fan culture.

Keywords: Internet, discourse, football fan communities. VKontakte, network analysis, linguodiscursive analysis.

References

- Dunning, E. (2000). Towards a Sociological Understanding of Football Hooliganism as a World Phenomenon. *European Journal on Criminal Policy and Research*, 8(2), 141–162. <https://doi.org/10.1023/a:1008773923878>
- Futbol [Football] (n.d.). *VKontakte* [VKontakte]. (In Russ). Available at: <https://vk.com/club31687> (accessed: 05.12.2022).
- Hellekson, K. (2018). The Fan Experience. In Booth, P.(ed.), *A Companion to Media Fandom and Fan Studies*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Iakuba, Ia. V. (2015). *Kriminalizatsiia subkul'tur futbol'nykh fanatov v usloviakh razvitiia Internet-kommunikatsii* [Kandidatskaia dissertatsiia] [Criminalization of subcultures of football fans in the context of the development of Internet communication [Candidate Dissertation]]. Krasnodar. (In Russ).
- Ille, A. M. (1999). Futbol'nyi fanatizm v Rossii: fanatskie dvizheniia i subkul'tura futbol'nykh fanatov [Football fanaticism in Russia: fan movements and subculture of football fans]. In *Molodezhnye dvizheniia i subkul'tury Sankt-Peterburga* [Youth movements and subcultures of St. Petersburg]. Sankt-

- Peterburg: Norma Publ. (In Russ). Available at: <http://subculture.narod.ru/texts/book2/ille.htm> (accessed: 12.12.2022).
- Jenkins, H. (2018). Fandom, Negotiation, and Participatory Culture. In Booth, P.(ed.), *A Companion to Media Fandom and Fan Studies*. Hoboken: John Wiley & Sons.
- Karaulov, Iu. N. (1987). Russkii iazyk i iazykovaia lichnost' [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka Publ. (In Russ).
- Kolegova, I. E., & Kondratenko, V. A. (2020). Dvizhenie futbol'nykh fanatov: struktura i kollektivnye identichnosti. *Interaktsiia. Interv'iu* [The Football Fan Movement: Structure and Collective Identities]. *Interaktsiia. Interv'iu. Interpretatsiia* [Interaction. Interview. Interpretation], 12(1), 118–135. (In Russ). <https://doi.org/10.19181/inter.2020.21.7>
- Kuznetsov, M. V. (2014). Struktura futbol'nogo fanatskogo dvizheniia [The structure of the football fan movement]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of cultural studies], 29, 144–148. (In Russ).
- Oderzhimye futbolom [Supported by football] (n.d.). *Vkontakte* [VKontakte]. (In Russ). Available at: <https://vk.com/club41> (accessed: 05.12.2022).
- Riabchenko, N. A. (2020). Novye metodiki issledovaniia setevykh soobshchestv grazhdan v onlain-prostranstve: setevye ideologicheskie diskursy i formiruemaia obshchestvennaia povestka dnia [New methods of research of citizens' network communities in the online space: network ideological discourses and the public agenda being formed]. *Politika razvitiia v usloviakh tsifrovizatsii obshchestva: materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Development policy in the context of digitalization of society: materials of the All-Russian Scientific Conference with International participation] (pp. 260–265). Krasnodar: Vika-Print. (In Russ). Available at: https://www.kubsu.ru/sbornik_materialov_conferencii_2020.pdf (accessed: 05.12.2022).
- Riabchenko, N. A., Gnedash, A. A., Malysheva, O. P., & Katermina, V. V. (2021a). Upravlenie politicheskim kontentom v onlain-prostranstve sovremennykh gosudarstv: kak Twitter ne pozvolil D. Trampu vyigrat' prezidentskie vybory v 2020 g. [Managing political content in the online space of Modern states: how Twitter did not allow Donald Trump to win the presidential election in 2020.] *Politicheskaiia nauka* [Political Science], 4, 135–160. (In Russ). <http://www.doi.org/10.31249/poln/2021.04.06>
- Riabchenko, N. A., Katermina, V. V., Gnedash, A. A., & Malysheva, O. P. (2018). Politicheskii kontent sotsial'nykh dvizhenii v online-prostranstve sovremennykh gosudarstv: metodologiya analiza i issledovatel'skaia praktika [Political content of social movements in the online space of modern states: methodology of analysis and research practice.]. *Iuzhno-*

rossiiskii zhurnal sotsial'nykh nauk [South Russian Journal of Social Sciences], 19(3), 139–162. (In Russ). <http://www.doi.org/10.31429/26190567-19-3-139-162>

- Riabchenko, N. A., Malysheva, O. P., & Gnedash, A. A. (2019). Upravlenie politicheskim kontentom v sotsial'nykh setiakh v period predvybornoi kampanii v epokhu postpravdy [Managing political content in social networks during the election campaign in the post-truth era]. *Polis: Politicheskie issledovaniia* [Polis: Political Studies], 2, 92–106. (In Russ). <https://doi.org/https://doi.org/10.17976/jpps/2019.02.07>
- Riabchenko, N. A., Malysheva, O. P., Katermina, V. V., & Gnedash, A. A. (2021b). Model' kommunikatsii «govoriashchii – slushaiushchii» v usloviakh tsifrovizatsii lingvisticheskogo povorota: opyt setevogo i lingvodiskursivnogo analiza kontenta videokhostinga "Youtube" [The speaker–listener communication model in the context of the digitalization of linguistic turn: the experience of network and linguodiscursive analysis of the content of the Youtube video hosting]. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics], 1(85), 81–94. (In Russ). https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_01_07.
- Rossiiskii Futbol: RPL [Russian football: RPL] (n.d.). *VKontakte* [VKontakte]. (In Russ). Available at: <https://vk.com/club25505197> (accessed: 05.12.2022).
- Roversi, A., & Balestri, C. (2000). Italian Ultras Today: Change or Decline? *European Journal on Criminal Policy and Research*, 8, 183–199. <https://doi.org/10.1023/A:1008757125695>
- Samarkina, I. V. (2021). Politicheskaiia kartina mira soobshchestv «VKontakte»: opyt analiza sub"ektivnogo prostranstva politiki v usloviakh setevogo obshchestva [The political picture of the world of the VKontakte community: the experience of analyzing the subjective space of politics in a network community]. *Politicheskaiia ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise: POLITEX], 17(1), 87–102. (In Russ). <https://doi.org/10.21638/spbu23.2021.107>

Author's information

Katermina Veronika Viktorovna – Doctor of Philology, Professor, Department of English Philology, Kuban State University (149, Stavropolskaya ul., Krasnodar, 350040, Russia), ORCID: 0000-0001-9141-9867, katermina_v@mail.ru

Gnedash Anna Aleksandrovna – Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Public Policy and Public Administration, Kuban State University (149, Stavropolskaya ul., Krasnodar, 350040, Russia), ORCID: 0000-0002-3516-107X, anna_gnedash@inbox.ru

For citation:

Katermina, V. V., & Gnedash, A. A. (2023). Fan discourse: peculiarities of creation and consumption on the example of football communities in Vk.com social network. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 23-44. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-23-44](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-23-44)

УДК 159.9

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-45-67](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-45-67)

ЧЕЛОВЕК УСПЕШНЫЙ?



Софья Тарасова,
Психологический институт
РАО (Москва, Россия)

Sofya Tarasova,
Psychological
Institute of RAE
(Moscow, Russia)

ORCID: 0000-0002-5621-2999
e-mail: syutarasov@yandex.ru

Для цитирования статьи:

Тарасова, С. Ю. (2023). Человек успешный? *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 45–67.
[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-45-67](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-45-67)

Аннотация: в работе рассматриваются факторы риска психического здоровья успешного школьника. Цель исследования – выявление взаимосвязей личностной тревожности и агрессивности подростков в престижных образовательных организациях. Агрессия рассматривается как поведение, агрессивность – готовность субъекта к агрессивному поведению. Описано разделение адаптивного и дезадаптивного перфекционизма. Сделана попытка анализа происхождения этого феномена в культуре. Дезадаптивный перфекционизм рассмотрен с позиции философии потребления, в том числе, потребления впечатлений. За внешней

успешностью ученика вполне могут скрываться риски суицида. Анализ психологических особенностей подростков группы риска по дезадаптивному перфекционизму проводился с помощью количественных и качественных методов исследования. По результатам исследования, маркерами дезадаптивного состояния успешного школьника являются личностная тревожность, дезадаптивный перфекционизм, враждебность, гнев. В группу риска по тревожности входит порядка 20 % участников исследования. Объективно успехи учеников хорошие, но подростки сомневаются даже в очевидном успехе. В данном случае тревога вызвана страхом не соответствовать установленным для себя высоким стандартам. Самооценочная тревожность связана с компонентами Образа Я: интеллект, ситуация в школе, общение, уверенность в себе. Несоответствие собственным стандартам и прокрастинация связаны с гневом. По результатам качественных методов исследования, психологические риски могут достигать уровня суицидальных рисков. Описаны психологические маркеры тревожности успешного ученика. Констатируется, что профилактическая работа в школе должна быть комплексной и междисциплинарной, ориентированной на тандем учитель-психолог.

Ключевые слова: успешность, тревожность, перфекционизм, философия потребления, потребление впечатлений, факторы суицидального риска.

В ощущалку вечером махнем?
Олдос Хаксли [Хаксли 2018: 205]

Хотя мы говорим о том, что в психологических проблемах отдельного человека «виновато» общество, порождаемый техническим прогрессом современный образ жизни и культивируемый массовым сознанием образ мыслей, но это еще не дает ясного представления о путях решения таких проблем...

И если психологические проблемы порождаются неустранимыми причинами вне человека, то может ли он избавиться от них собственными силами?

М. Е. Сандомирский [Сандомирский 2005: 527]

Введение

Число деструктивных проявлений среди подростков в последние годы растет. Порой деструктивные проявления, агрессия и аутоагрессия возникают в статусных школах, школах с высоким рейтингом, в гимназиях. Это обычно происходит

неожиданно для учителей, классного руководителя и администрации. Возможно ли раннее выявление такой «спящей» деструкции с помощью психологических методов? Что может в этой связи сделать учитель?

В диссертационной работе автора статьи, апробация которой проводилась в одной из московских школ с высоким рейтингом, акцент был сделан на тревожности. В лонгитюдном исследовании мы изучали тревожность детей и подростков на поведенческом, психологическом и физиологическом уровнях. Была обнаружена группа риска по тревожности, которую ранее А. М. Прихожан описала как благополучных, неадекватно тревожных детей [Прихожан 2009]. Хотя их положение в учебном коллективе, внешность, социальный статус родителей и успеваемость хорошие, эти ребята демонстрируют устойчивое наличие разлитой тревоги. Часто они не уверены в себе, у них очень высокий страх ошибки. С одной стороны, конфликтность самооценки заставляет стремиться к успеху, с другой – ведет к сомнениям: «хорош ли я?». А учителя порой подобное стремление даже поощряют. В самоотчете дети и подростки достаточно осознанно говорят: «Боюсь, учительница двойку поставит. Боюсь, у меня не будет друзей. Боюсь, перестану быть лидером в классе». Я-реальное никогда не приближается к Я-идеальному, порождая замкнутый порочный круг улучшения себя. Они нацелены на успех в своем классе. Причем, этот успех касается разных жизненных сфер.

Психологическим маркером в подростковом возрасте являются высокие значения дезадаптивного перфекционизма

опросника Слейни [Slaney 2001]. Группа риска на протяжении всего школьного обучения стабильно составляет около трети учеников. Эти же школьники, по результатам включенного наблюдения, консультативного наблюдения, склонны к аутоагрессивному поведению. Причем, неожиданно для классного руководителя и родителей. Мы назвали эту группу «дезадаптивные перфекционисты» и именно эти дети – предмет нашей беседы.

Тревожность защищает привычное представление человека о себе. Самооценочная тревожность связана с критичностью, требовательностью к себе, особым отношением к успехам и неудачам. Самооценочная тревожность является важным регулятором поведения человека и зависит от его взаимоотношений с окружающими, особенно значимыми другими людьми, родственниками, друзьями. Высокая самооценочная тревожность может становиться потребностью, так как разрешает человеку не совершать тот или иной трудный выбор: «Я неудачник по жизни, нечего и начинать...». Самооценочную тревожность можно рассматривать как сценарий психологической защиты и анализировать как результат взаимодействия личности и ее окружения. Самооценочная тревожность связана с дезадаптивным перфекционизмом [Abdullahi 2019; Doyle & Catling 2022; Lloyd et al. 2015; Miller et al. 2017; Robinson & Wade 2021].

В настоящей статье мы ориентируемся на модель перфекционизма Р. Слейни. «Почти совершенная шкала Р. Слейни (Almost Perfect Scale, APS) включает в себя важные аспекты перфекционизма, которых нет в других опросниках. Слейни, как и

Фрост, исходит из того, что перфекционизм может иметь не только отрицательные, но и положительные аспекты. К положительным относятся высокие стандарты деятельности и стремление к порядку и организованности, к отрицательным – ощущение несоответствия стандартов и деятельности, тревога, прокрастинация, неспособность начать действовать и сложности в отношениях с людьми» [Щипицына 2014: 240]. Ключевым фактором здесь выступает «*несоответствие*» – страх не соответствовать установленным для самого себя высоким стандартам. Кроме того, выбор модели Слейни обусловлен успешным опытом применения опросника данного автора в статусных школах с успешными учениками.

Проанализируем социальную сторону самооценочной тревожности с истоков – с первых лет жизни. Обратимся к психоанализу, ведь он рассматривает адаптацию к среде как основу развития человека. Разработанный в российской психологии культурно-исторический подход Л. С. Выготского не противоречит психоанализу. Напряжение матери передается младенцу. Это «теорема тревоги № 1» по Г. С. Саллиvenu [Прихожан 2009]. Благодаря материнской заботе мир «прячет свои когти»: смягчается жестокий биологический закон, по которому выживание одного живого существа требует уничтожения других живых существ. В нормальном варианте развития формируется базовое доверие к миру. В невротизированной семье тревожность изначально возникает в диаде «мать – ребенок», а позднее закрепляется и в дальнейших

важных для человека отношениях, например, с учительницей в начальных классах.

К подростковому периоду установленные, воспитанные стандарты интериоризируются. В норме возникает адаптивный перфекционизм: невозможность перманентно соответствовать собственным стандартам рождает и закрепляет высокий уровень самоценочной тревоги.

Потребности постепенно обретают статус ненасыщаемых, складывается невротический порочный круг. Перфекционизм в его чрезмерной форме проявляется в попытках доказать себе и социуму собственную успешность, даже ценой телесного истощения. Прекрасной метафорой в этом случае является образ пресловутого ослика с морковкой. Взрослые перфекционисты готовы поработать сверхурочно, почти бесплатно, поэтому их весьма любят работодатели.

В подобных процессах важную роль играют семья, школа, да и общество в целом, в котором надо быть успешным. Первое издание книги Карен Хорни «Невротическая личность нашего времени» увидело свет в 1937 году. Исследовательница утверждает: «Стремление к обладанию, собственности может служить в нашей культуре защитой от беспомощности и чувства собственной незначительности или унижения, поскольку богатство дает и власть, и престиж» [Хорни 1993: 135]. Можно задать вопрос, а что изменилось с тех пор? С появлением и развитием новых технологий коммуникации, социальных платформ пространство «схлопывается». Шутер расстрелял одноклассников в Америке, а увидели, «потребители» это подростки по всему миру.

Информационное давление и настойчивые призывы к тому, что необходимо быть крутым и успешным, быть «супер» тоже значительно усилилось, наложившись на свойственную подростковому возрасту эмоциональную незрелость. Взять, например, название ролика в Интернете: «Мои губы больше всех, значит ждет меня успех». В комментариях к подобным роликам легко встретить характеристику: «паразит», внушаемый, ничего конструктивного не делает, а жить хочет очень хорошо, «мир мне обязан». Интересно, что еще Карен Хорни подробно описала подобную паразитическую натуру.

Эрих Фромм говорил, что мир – один большой предмет нашего обладания. А американский писатель Олдос Хаксли нарисовал потребление впечатлений в своей знаменитой антиутопии «О, дивный, новый мир». Вспомним привычные для мира будущего Хаксли сеансы гипнопедии: «Овчинки не стоят починки, овчинки не стоят <...>. – Чем старое чинить, лучше новое купить <...>. – Люблю новое носить, люблю новое носить <...>» [Хаксли 2018: 63]. «Счастливы вы! – воскликнул Главноуправитель. – На вас не жалели трудов, чтобы сделать вашу жизнь в эмоциональном отношении легкой – оградить вас, насколько возможно, от эмоций и переживаний вообще <...>. А если уж не повезет и в сплошной череде развлечений обнаружится разрыв, то ведь всегда есть сома <...>. А возвратясь, окажешься уже на той стороне расселины – и снова ты на твердой и надежной почве ежедневных трудов и утех, снова резво порхаешь от ощущалки к ощущалке» [Хаксли 2018: 68]. Возникает вполне закономерный вопрос, а счастлив ли на самом деле добродетельный успешный

член такого общества потребления? Ведь для него создали все условия. Или у него внутри по-прежнему лишь тоска и скука?

Метаанализ подтверждает, перфекционизм может быть связан с самыми различными деструкциями: от проблемной самооценки и нарушений пищевого поведения, до депрессии и суицида. Некоторые специалисты полагают, что перфекционизм является трансдиагностическим фактором при тревоге, нарушениях пищевого поведения и депрессии [Egan et al. 2011]. Поэтому целесообразно своевременно выявлять и работать именно с перфекционизмом, пока не появились болезненные симптомы. Согласно Блатту, «перфекционистский» человек настолько сильно сосредоточен на самом себе, что в результате страдает межличностное общение [Blatt 1974]. Вновь вспомним классика: «Очевидно, что тенденция ущемлять или эксплуатировать окружающих, подобно всем другим враждебным тенденциям <...> не только возникает вследствие нарушенных личных взаимоотношений, но и сама в результате ведет к дальнейшему их ухудшению <...> невротик может жить в постоянном страхе, что кто-то перехитрит его, украдет у него деньги или идеи, поэтому он будет подозревать в действиях каждого человека корыстное начало» [Хорни 1993: 144].

Обратной стороной страха или тревоги является агрессия. А. Гуггенбюль считает страх и агрессивность «антропологическими константами» [Гуггенбюль 2006]. В истории общества меняются только формы страхов и агрессии, тогда как суть их остается неизменной. Не существует и единого мнения, относительно того, что такое агрессия. Гуггенбюль считает, что

она «является не реакцией на внешние воздействия, а настоящим инстинктом, уже в животном царстве служащим целям самосохранения. У людей данный инстинкт получил чрезмерное развитие, выбился из колеи, приобрел гротескные формы» [Гуггенбюль 2006: 11]. Нас привлекло следующее определение агрессии: «противоречащее нормам человеческого сосуществования поведение, направленное на причинение физического или психического ущерба или вреда» [Tarasova et al. 2016]. Агрессивность – относительно устойчивая черта личности, зависящая от многих факторов. Уровень агрессивности человека связан с усвоением социальных норм, страхом наказания, наличием адекватных стратегий совладания со стрессом и др. Враждебность – негативная установка к кому-то другому, отражает предрасположенность к агрессии.

Мы предположили, что подростки группы риска по дезадаптивному перфекционизму обладают личностными особенностями, которые проявляются как деструктивные тенденции. Эти деструктивные проявления не лежат на поверхности и не очевидны для учителя в школе. Более того, учитель часто не ожидает от такого успешного ребенка каких-либо проблем. Несмотря на это, деструктивные тенденции дезадаптивного перфекциониста проявляются в поведении.

Цель нашего исследования – выявление взаимосвязей личностной тревожности и агрессивности подростков в престижных образовательных организациях. При этом нас интересуют проявления дезадаптивного перфекционизма. Кроме

того, предпринята попытка описать поведенческие признаки тревожности успешного ученика для школьных учителей.

Методы

Методика Прихожан для изучения образа «Я» для подростков 12–17 лет [Прихожан 2009]. Факторы: *поведение*: самооценка поведения относительно требований взрослых. *Интеллект, положение в школе*: самооценка интеллекта и школьной успешности. Сопоставляется с реальным положением в классе. *Ситуация в школе*: самооценка ситуации в школе, вызывает ли школа положительное эмоциональное отношение или тревогу. *Внешность*: самооценка физической привлекательности для сверстников. *Тревожность*: самооценка уровня тревожности. *Общение*: самооценка навыков общения. *Счастье и удовлетворенность*: переживание удовлетворенности-неудовлетворенности актуальной жизненной ситуацией (например, насколько я удачлив?). *Положение в семье*: самооценка положения в семье. *Уверенность в себе*: самооценка уверенности в себе, в собственных силах.

Опросник агрессии Басса-Перри в адаптации С. Н. Ениколопова [Ениколопов 2007]. Шкалы: *физическая агрессия; гнев; враждебность* – самоотчет о готовности вести себя агрессивно.

Шкала перфекционизма APS-R в адаптации С. Н. Ениколопова [Ясная & Ениколопов 2013]. Шкалы адаптивного перфекционизма: *стандарты и порядок. Дезадаптивный перфекционизм. несоответствие* стандартам. *Отношения* –

трудности в межличностных взаимоотношениях. *Прокрастинация/тревога*. Прокрастинация – неспособность начать действовать.

Незаконченные предложения. Использовались для выявления персональных проблем участников исследования.

Тест руки Вагнера [Семаго 2016]. Интерпретативная проективная методика, в которой интерпретируется личностное значение положения руки для обследуемого. Использовалась для выявления существенных потребностей, мотивов, конфликтов личности. Также тест направлен на обнаружение *ожидания агрессии* со стороны окружения.

Патопсихологическое обследование. Использовалось для изучения адаптационных возможностей школьника.

Развернутая психологическая беседа. Сбор психологического анамнеза. Использовались для изучения социальной ситуации развития участников исследования.

Образные субтесты Е. Торранса [Туник 1998]. Направлены на креативность. Здесь анализировались как проективная рисуночная методика.

Социометрия. Проводилась в своей социальной группе (классе).

В настоящем исследовании количественные опросные методики сочетались с качественными полупроективными методиками. Это позволяет взаимно проверить результаты.

Методы анализа данных. Применялись методы описательной статистики.

Участники исследования.

Исследование проводилось на базе трех престижных школ:

- школа 1 – гимназия в г. Дмитрове (Московская область);
- школа 2 – школа с углубленным изучением иностранного языка г. Москвы (так называемая «На Кутузовском», Кутузовский проспект считается престижным районом в Москве);
- школа 3 – общеобразовательная школа г. Москвы.

Школы названы престижными, так как в них при поступлении проводится конкурсный отбор. Всего в исследовании приняло участие 200 подростков, 110 мальчиков и 90 девочек. Подростки участвовали в исследовании добровольно.

Результаты

Опишем результаты. Мы посмотрели, какова группа риска по личностной тревоге в каждой школе в процентном выражении. Для этого посчитали численность подростков группы риска по фактору *тревожность, самооценка уровня тревожности* методики Прихожан. В группу риска вошли учащиеся с показателями более 8 по данному фактору. В гимназии города Дмитрова нами не были обнаружены эмоционально благополучные ученики, зато обнаружены только высокотревожные. В двух других школах численность подростков группы риска колеблется от 16% до 20%. Такие результаты получены, хотя мы старались проводить исследование, когда отсутствовали предпосылки роста ситуативной тревожности учеников, то есть в дни, свободные от контрольных и проверочных работ. Добавим, что гимназия активно участвует в различных конкурсах и олимпиадах. Количество медалистов в гимназии

составляет до 35 % от числа выпускников, а в некоммерческие вузы ежегодно поступают более 80 % закончивших гимназию.

Тревожность традиционно коррелирует с агрессивностью. Значения прокрастинации/тревоги по Слейни положительно коррелируют с гневом и враждебностью подростков (от $r = 0,28$ до $r = 0,52$ при $p < 0,05$). Согласно социометрии, самые враждебные ученики более изолированы в классе. В настоящей работе тоже подтверждается наличие трудностей в общении, связанных с непомерными требованиями к самому себе.

Показатели дезадаптивного перфекционизма связаны с компонентами Образа «Я» (табл. 1).

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа компонентов Образа «Я» и показателей дезадаптивного перфекционизма в гимназии.

Шкалы методик	Коэффициенты корреляции r-Спирмена		
	Порядок (адаптивный перфекционизм)	Межличностные взаимоотношения (дезадаптивный перфекционизм)	Прокрастинация/Тревога (дезадаптивный перфекционизм)
	r	r	r
Поведение	.64**	-.62*	-.70*
Интеллект	.54*	-.72*	-.74***
Ситуация в школе	.62**	-.74***	-.76***
Внешность	.53*	n.s.	n.s.
Тревожность	-.70**	.73***	.76***
Общение	.66**	-.53*	-.69*
Счастье и удовлетворенность	.61**	-.58*	-.62*
Положение в семье	n.s.	-.59*	n.s.
Уверенность в себе	.66**	n.s.	-.48*

В двух других школах получены сходные картины самооценочной тревожности. Наиболее важные компоненты

Образца «Я:» ситуация в школе, самооценка интеллекта, общение, счастье и удовлетворенность.

Ранее мы выявили школьников групп риска по тревожности. У этих же подростков, согласно патопсихологическому обследованию, тесту руки, образному субтесту Торранса и данным включенного наблюдения, наблюдаются деструктивные тенденции личности.

Таким образом, подростки группы риска по дезадаптивному перфекционизму обладают личностными особенностями, которые проявляются в виде деструктивных тенденций. Высокий уровень самооценочной тревожности сложно увидеть без специальной психологической диагностики. Прокрастинация как невозможность из-за тревоги сделать выбор, начать действовать проявляется в поведении подростка. Стремление к совершенству порождает проблемы там, где их, казалось бы, быть не должно.

В рамках более масштабного исследования мы также изучали непрестижные школы. С помощью той же батареи методик в непрестижных школах выявлена другая картина тревожности и дезадаптации.

Обобщения

1. Школы, в которые происходит отбор учащихся, условно назвали престижными. В группу риска по тревожности входит порядка 20 % участников исследования. Объективно успехи учеников хорошие, но подростки сомневаются в успехе.

2. Маркерами дезадаптивного состояния успешного школьника являются личностная тревожность, дезадаптивный

перфекционизм, враждебность, гнев. Самооценочная тревожность связана с компонентами Образа «Я»: интеллект, ситуация в школе, общение, уверенность в себе.

3. Ранее мы выявили высокотревожных учеников. По результатам качественных методов исследования, психологические риски у этих же школьников могут достигать уровня деструктивных тенденций личности. Разработана и апробирована батарея современных психологических методик, позволяющая своевременно выявлять деструктивные тенденции личности успешного ученика.

Заключение

Выводы настоящего исследования не противоречат выводам других авторов. Развивая идеи А. П. Назаретяна, А. М. Столяренко с коллегами говорит о возможности деструктивного информационно-психологического влияния на человека [Назаретян 2001; Столяренко и др. 2019]. Благодаря Интернету информация поступает сверхбыстро и оперативно. «Адресное психологическое воздействие на информационно-психологические ресурсы оппонента зачастую осуществляется в заранее запланированное время, по мере возникновения потребности» [Столяренко и др. 2019].

Чем не сеанс гипнопедии из светлого будущего? Сегодня нередко употребляется термин «клиповое мышление»: фрагментарное, обрывочное и поэтому не критичное. А конкретные технологии прекрасно описал руководитель центра общественной политики Дж. Овертон [Столяренко и др. 2019].

Основная идея в том, что человек решает все сам. А на практике его к нужному решению (покупке, голосу на политических выборах) умело подвели. Пример подобной провокации есть в старом фильме «Назад в будущее»: «Никто не смеет называть меня трусом!» (нищевродом, глупцом и т. д.).

Роль учителя. Каким быть учителю?

Как и учитель одаренного ребенка, учитель успешного ученика должен обладать рядом личностных качеств. В учительской среде желательно развивать и поддерживать программы, направленные на пропаганду здорового психического образа жизни, чтобы смягчить пагубные последствия сложной работы. Необходимо продвигать ценность заботы о своем психическом здоровье. Это является профилактикой профессионального выгорания.

Исследование психотерапевтического альянса «врач – пациент» показало, что чем более перфекционистски настроен пациент, тем менее реалистично он воспринимает своего психотерапевта [Blatt 1974]. В первоначальном анализе альянса «врач – пациент», проведенном Блаттом, он исследовал связь между перфекционистскими установками пациента до лечения и восприятием пациентом роджерсианских черт терапевта (эмпатическое понимание, безусловное уважение). Уже в начале терапии пациенты с более высоким уровнем дезадаптивного перфекционизма воспринимают своего терапевта как менее эмпатичного и более осуждающего, чем другие пациенты. На наш взгляд, эти данные можно перенести на альянс «учитель – ученик».

Нужен педагог, увлеченный своим учительством, видящий перед собой не оценки, а личность ученика в целом. Такие учителя получают удовольствие от учеников как от интересных людей. Чаще обсуждают с ними темы, не имеющие прямого отношения к предмету, показывают большое уважение к своим собеседникам, прислушиваются к их мнению. «При правильном их применении слова способны быть всепроникающими как рентгеновские лучи... но на кой нужна пронзительность статье об очередном фордослужении или о новейших достижениях в запаховой музыке?.. Можно ли сказать нечто, когда перед тобой ничто?» [Хаксли 2018: 82]. Как у Станислава Лема: «человеку нужен человек» [Горенштейн & Тарковский 1969: 76].

Учителям можно помочь развить указанные выше профессионально важные качества путем тренингов. У такого тренинга три задачи. Первая: достижение рефлексии самого себя, собственного характера и понимания других людей. Вторая задача: тренировка умений создавать для детей индивидуальные программы. Третья задача тренинга: повышение личностной сензитивности и улучшение техники общения, слушания. Многие успешные ученики испытывают трудности именно из-за неумения учителями и администрацией школ их слушать.

Признаки тревожности:

Итак, маркеры тревожности успешного ученика. Ее основной маркер: дезадаптивный перфекционизм. Деструктивные тенденции дезадаптивного перфекциониста проявляются в поведении. Дезадаптивные перфекционисты пользуются относительной

популярностью в классе, но у них высокий страх ошибки. Могут обращаться к учителю, классному руководителю, школьному психологу с запросом: «Помогите вернуть пошатнувшееся положение в классе».

С точки зрения психосоматического единства, несоответствие идеалу может проявляться на телесном, физиологическом уровне. Таким образом, психосоматические проявления вплоть до пищевых нарушений становятся вторым маркером тревожности.

Третьим маркером успешного ученика из группы риска является прокрастинация. Неспособность начать действовать хорошо видна равнодушному педагогу даже в стенах школы.

Ярким признаком тревожности становится агрессия. Согласно социометрическим исследованиям, дезадаптивные перфекционисты обычно не статусные, но и не изгои. Они весьма чувствительны к своему положению в классе, среди сверстников, друзей. Если кто-то из соучеников попытался изменить сложившуюся ситуацию, «отвержение и предательство приводят в бешенство».

Агрессия может перенаправиться вовнутрь личности и превратиться в аутоагрессию. Довольно часто подростки пишут мрачные стихи на манер эпохи Серебряного века. Если они их скрывают и демонстрируют исподтишка, редко, только какому-то учителю, которому доверяют, – это тревожный знак, просьба о помощи. Или дети заинтересовались вопросом: «Почему те, у кого все хорошо, совершают суицид?» и решили провести на эту тему в школе социологический опрос, интервью. Высокий интерес к

сюжету «Анны Карениной» Льва Толстого, по нашим наблюдениям, тоже говорит о деструктивных тенденциях личности. В таких случаях нужно деликатно организовать психологическую помощь.

Литература

- Горенштейн, Ф. Н., & Тарковский, А. А. (1969). Солярис. Литературный сценарий по одноименному роману С. Лема. 3-й вариант. 1969. *Архив киноконцерна «Мосфильм», Фонд 2453, Опись 8, № 1886*, 85.
- Гуггенбюль, А. (2006). *Зловещее очарование насилия. Профилактика детской агрессивности и жестокости*. Москва: Когито-Центр.
- Ениколопов, С. Н., & Цибульский Н. П. (2007). Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри. *Психологический журнал*, 1, 115–124.
- Назаретян, А. П. (2001). *Психология стихийного массового поведения*. Москва: PerSe.
- Прихожан, А. М. (2009). *Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст*. Санкт-Петербург: Питер.
- Сандомирский, М. Е. (2005). *Психосоматика и телесная психотерапия*. Москва: Класс.
- Семаго, Н. Я., & Семаго, М. М. (2016). *Диагностический комплект психолога*. Москва: Издательство Академии повышения квалификации работников образования РФ.
- Столяренко, А. М., Сердюк, Н. В., Вахнина, В. В., Боева, О. М., & Грищенко, Л. Л. (2019). Психологические аспекты деструктивного информационно-психологического воздействия. *Психология и право*, 9(4), 75–89. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090406>
- Туник, Е. Е. (1998). *Диагностика креативности. Тест Торранса*. Санкт-Петербург: Иматон.
- Хаксли, О. (2018). *О дивный новый мир*. Москва: Зарубежная классика.
- Хорни, К. (1993). *Невротическая личность нашего времени. Самоанализ*. Москва: Прогресс.
- Щипицына, А. С. (2014). Методики измерения перфекционизма. *Вестник ПГГПУ, серия № 1 «Психологические и педагогические науки»*, 1, 235–245.
- Ясная, В. А., & Ениколопов, С. Н. (2013). Современные модели перфекционизма. *Психологические исследования*, 6(29). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i29.701>
- Abdullahi, A. (2019). The Association of Rumination and Perfectionism to Social Anxiety. *Psychiatry*, 82(4), 345–353. <https://doi.org/10.1080/00332747.2019.1608783>
- Blatt, S. J. (1974). Level of object representation in anaclitic and introjective depression. *Psychoanalytic Study of the Child*, 29, 107–157.

- Doyle, I., & Catling, J. (2022). The Influence of Perfectionism, Self-Esteem and Resilience on Young People's. *Mental Health J Psychol*, 156(3), 224-240. <https://doi.org/10.1080/00223980.2022.2027854>
- Egan, S., Wade, T., & Shafran, R. (2011). Perfectionism as a transdiagnostic process: a clinical review. *Clinical Psychology Review*, 31(2), 203-212. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2010.04.009>
- Lloyd, S., Schmidt, U., Khondoker, M., & Tchanturia, K. (2015). Can Psychological Interventions Reduce Perfectionism? A Systematic Review and Meta-Analysis. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 43(6), 705-31. <https://doi.org/10.1017/S1352465814000162>
- Miller, R., Hilsenroth, M., & Hewitt, P. (2017). Perfectionism and Therapeutic Alliance: A Review of the Clinical Research. *Res Psychother*, 20(1), 264. <https://doi.org/10.4081/ripppo.2017.264>
- Robinson, K., & Wade, T. (2021). Perfectionism interventions targeting disordered eating: A systematic review and Meta-Analysis. *Int J Eat Disord*, 54(4), 473-487. <https://doi.org/10.1002/eat.23483>
- Slaney, R. B., Rice, K. G., Mobley, M., Trippi, J., & Ashby J. S. (2001). The revised Almost Perfect Scale. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 34(3), 130-145. <https://doi.org/10.1080/07481756.2002.12069030>
- Tarasova, S. Ju., Osnitsky, A. K., & Enikolopov, S. N. (2016). Social-psychological Aspects of Bullying: Interconnection of Aggressiveness and School Anxiety. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 8(4), 102-116. <https://doi:10.17759/psyedu.2016080411>.

Информация об авторе

Тарасова Софья Юрьевна – кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Психологический институт РАО (Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4), ORCID: 0000-0002-5621-2999, syutarasov@yandex.ru

SUCCESSFUL PERSON?

Sofyu Tarasova

Abstract: the paper examines risk factors for the mental health of a successful student. The purpose of the study is to discover the correlations between personal anxiety and aggressiveness of adolescents studying at prestigious educational institutions. Aggression is seen as behavior while aggressiveness is seen as the state of being ready to exhibit such behavior. The division between adaptive and maladaptive perfectionism is described. Maladaptive perfectionism is examined from the perspective of the philosophy of consumption. The external success of the student may well hide the risks of suicide. Analysis of the psychological characteristics of adolescents at risk for maladaptive perfectionism was carried out using quantitative and qualitative research methods. Maladaptive perfectionism is associated with the philosophy

of consumption, the consumption of impressions. According to the results of the research, the markers of maladaptive behavior of a successful student are personal anxiety, maladaptive perfectionism, hostility, and anger. About 20 % of the participants of the study fall into the risk group for anxiety. Objectively, their performance is high, but teenagers often have doubts about their success, demonstrate tendencies for delaying, inability to begin doing something. In this case the anxiety is caused by the fear of not conforming to self-imposed high standards. Self-esteem anxiety is related to the components of Self-Image: intelligence, situation at school, communication, self-confidence. Failure to live up to one's own standards and procrastination are associated with anger. According to the results of qualitative research methods, psychological risks can reach the level of suicidal risks. Psychological markers of anxiety of a successful student are described. It is stated that preventive work at school should be comprehensive and interdisciplinary, focused on the teacher-psychologist tandem.

Keywords: success, anxiety, perfectionism, philosophy of consumption, consumption of impressions, destructive personality tendencies, risk factors.

References

- Abdullahi, A. (2019). The Association of Rumination and Perfectionism to Social Anxiety. *Psychiatry*, 82(4), 345-353. <https://doi.org/10.1080/00332747.2019.1608783>
- Blatt, S. J. (1974). Level of object representation in anaclitic and introjective depression. *Psychoanalytic Study of the Child*, 29, 107-157.
- Doyle, I., & Catling, J. (2022). The Influence of Perfectionism, Self-Esteem and Resilience on Young People's. *Mental Health J Psychol*, 156(3), 224-240. <https://doi.org/10.1080/00223980.2022.2027854>
- Egan, S., Wade, T., & Shafran, R. (2011). Perfectionism as a transdiagnostic process: a clinical review. *Clinical Psychology Review*, 31(2), 203-212. <https://doi.org/10.1016/j.cpr.2010.04.009>
- Enikolopov, S. N., & Tsibul'skii, N. P. (2007). Psikhometricheskii analiz russkoyazychnoi versii oprosnika diagnostiki agressii A. Bassa i M. Perri [Psychometric analysis of the Russian version of the questionnaire for the diagnosis of aggression by A. Bass and M. Perry]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological journal], 1, 115-124. (In Russ).
- Gorenshtein, F. N., & Tarkovskii, A. A. (1969). Soliaris. Literaturnyi stsenarii po odnoimennomu romanu S.Lema. Z-i variant. 1969 [Solaris. A literary script based on the novel of the same name by S. Lem. The Z-th option. 1969]. *Arkhiv kinokontserna «Mosfil'm»* [Archive of the Mosfilm Film Concern]. *Foundation 2453, Inventory 8, Serial number 1886*, 85.
- Guggenbiul', A. (2006). *Zloveshchee ocharovanie nasiliia. Profilaktika detskoj agressivnosti i zhestokosti* [The sinister charm of violence. Prevention of child aggression and cruelty]. Moscow: Kogito Center Publ. (In Russ).
- Khaksli, O. (2018). *O divnyi novyi mir* [Oh brave new world]. Moscow: Foreign classics Publ. (In Russ).

- Khorni, K. (1993). *Nevroticheskaia lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz* [The neurotic personality of our time. Introspection]. Moscow: Progress Publ. (In Russ).
- Lloyd, S., Schmidt, U., Khondoker, M., & Tchanturia, K. (2015). Can Psychological Interventions Reduce Perfectionism? A Systematic Review and Meta-Analysis. *Behavioural and Cognitive Psychotherapy*, 43(6), 705-31. <https://doi.org/10.1017/S1352465814000162>
- Miller, R., Hilsenroth, M., & Hewitt, P. (2017). Perfectionism and Therapeutic Alliance: A Review of the Clinical Research. *Res Psychother*, 20(1), 264. <https://doi.org/10.4081/ripppo.2017.264>
- Nazaretian, A. P. (2001). *Psikhologiya stikhiinogo massovogo povedeniia* [Psychology of spontaneous mass behavior]. Moscow: PerSe Publ. (In Russ).
- Prikhozhan, A.M. (2009). *Psikhologiya trevozhnosti: doskol'nyi i shkol'nyi vozrast* [Psychology of anxiety: preschool and school age]. St. Petersburg: Piter Publ. (In Russ).
- Robinson, K., & Wade, T. (2021). Perfectionism interventions targeting disordered eating: A systematic review and Meta-Analysis. *Int J Eat Disord*, 54(4), 473-487. <https://doi.org/10.1002/eat.23483>
- Sandomirskii, M. E. (2005). *Psikhosomatika i telesnaya psikhoterapiya* [Psychosomatics and body psychotherapy]. Moscow: Klass Publ. (In Russ).
- Semago, N. Ya., & Semago M. M. (2016). *Diagnosticheskii komplet psikhologa* [Psychologist diagnostic kit]. Moscow: Publishing house of the Academy of advanced training of educators of the Russian Federation. (In Russ).
- Shchipitsyna, A. S. (2014). Metodiki izmereniia perfektsionizma [Methods of measuring perfectionism]. *Vestnik PGGPU, seriia № 1 «Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki»* [Bulletin of PGGPU, series No. 1 "Psychological and pedagogical sciences"], 1, 235-245. (In Russ).
- Slaney, R. B., Rice, K. G., Mobley, M., Trippi, J., & Ashby, J. S. (2001). The revised Almost Perfect Scale. *Measurement and Evaluation in Counseling and Development*, 34(3), 130-145. <https://doi.org/10.1080/07481756.2002.12069030>
- Stoliarenko, A. M., Serdiuk, N. V., Vakhnina, V. V., Boeva, O. M., & Grishchenko, L. L. (2019). Psikhologicheskie aspekty destruktivnogo informatsionno-psikhologicheskogo vozdeistviia [Psychological aspects of destructive informational and psychological impact]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and law], 9(4), 75-89. (In Russ). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2019090406>
- Tarasova, S. Ju., Osnitsky, A. K., & Enikolopov, S. N. (2016). Social-psychological Aspects of Bullying: Interconnection of Aggressiveness and School Anxiety. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*, 8(4), 102-116. <https://doi.org/10.17759/psyedu.2016080411>
- Tunik, E. E. (1998). *Diagnostika kreativnosti. Test Torrensa* [Diagnostics of creativity. Torrance test]. St. Petersburg: Imaton Publ. (In Russ).
- Yasnaya, V., & Enikolopov, S. (2013). Sovremennye modeli perfektsionizma [Modern models of perfectionism]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological Research], 6(29). (In Russ). <https://doi.org/10.54359/ps.v6i29>

Author's information

Tarasova Sofya Yuryevna – Candidate of Psychological Sciences, Senior Researcher, Psychological Institute of RAO (9, p. 4, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russia), ORCID: 0000-0002-5621-2999, syutarasov@yandex.ru

For citation:

Tarasova, S. Yu. (2023). Successful person? *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 45-67. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-45-67](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-45-67)

традиции

УДК 391.8

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-69-84](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-69-84)

МАСКА В ИНДУСТРИИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ИНСТРУМЕНТ КОНСТРУИРОВАНИЯ МОДНОГО ОБРАЗА



Юлия Кондакова,
Уральский
государственный
архитектурно-
художественный
университет
им. Н. С. Алфёрова
(Екатеринбург, Россия)

Yuliya Kondakova,
Ural State University of
Architecture and Art
(Yekaterinburg, Russia)

ORCID: 0000-0002-4753-3002
e-mail: jkondakova@yandex.ru

Для цитирования статьи:

Кондакова, Ю. В. (2023). Маска в индустрии впечатлений как социокультурный инструмент конструирования модного образа. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 69–84. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-69-84](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-69-84)

Аннотация: статья посвящена изучению феномена маски в индустрии впечатлений как модного средства самовыражения и актуального инструмента репрезентации культурных смыслов. Предпринята попытка анализа значения маски в архаической и современной культуре, новизна связана с изучением социальной маски и цифровой маски как модного элемента социокультурной коммуникации. Вопрос о репрезентации человека с помощью маскировки является на сегодняшний день чрезвычайно острым,

что обусловлено пандемией 2020 г. и связанной с нею необходимостью ношения маски в жизни каждого человека в качестве предмета ежедневного использования. Целью исследования является обоснование роли маски как модного символа современной культуры, сочетающего в себе функции средства защиты, утилитарного и ритуального объекта, украшения, образа и коммуникационного кода.

Ключевые слова: мода, образ, культура, дизайн одежды, индустрия впечатлений, маска, цифровая маска, цифровизация, модная идентичность, социокультурная коммуникация.

Введение

Увеличивающаяся скорость социальных изменений, большой объём воспринимаемой информации, коммуникационные шумы, изобилие разнообразия и проявлений избыточности во всех сферах жизни – всё это побуждает человека обратиться к своему внутреннему самоощущению, и, в зависимости от его потребностей, скрыться от мира или иначе репрезентовать себя, что возможно с помощью маски как инструмента в индустрии впечатлений для формирования модной идентичности. Цель исследования заключается в выявлении специфики маски как социокультурного инструмента конструирования модного образа. Актуальность обусловлена тем, что вопрос о репрезентации человека посредством маскировки является на сегодняшний день как никогда острым, что связано в большей степени с пандемией 2020 г. и обусловлено необходимостью ношения маски в жизни каждого человека в качестве предмета ежедневного использования. Автор статьи обращается к общенаучным методам познания, используя системный метод, компаративистский и структурно-функциональный подходы. Научной базой исследования являются публикации российских и зарубежных ученых, посвященные практическим аспектам исследований,

связанных с анализом феномена маски в контексте индустрии впечатлений. Вопрос о сущности маски и её влиянии на развитие социума так или иначе освещали в своих трудах Ф. О. Вальтер («Дионис» [Вальтер 2016]), К. Леви-Стросс («Путь масок» [Леви-Стросс 2000]), Г. И. Гурджиев («Взгляды из реального мира» [Гурджиев 2018]), О. М. Гребенникова («Маска в социокультурном пространстве: генезис, функции, сущность» [Гребенникова 2006]) и др.

Основная часть

Любопытно, что с началом пандемии качество защитных свойств маски спровоцировало множество споров и обсуждений, что позволяет утверждать, что главной ее функцией всё-таки является демонстрация определенной социальной позиции, а также создание впечатления заинтересованности в защите, стремления к ней.



Рис. 1. У певицы Билли Айлиш маска еще до пандемии стала полноценной составляющей образа. Фотографии размещены в свободном доступе на платформе: <https://www.shoppingschool.ru/articles/modnye-maski.html>

Действительно, маска способна реализовывать множественные функции, порой выполняя одну ключевую (например, защитную), порой совмещая несколько (утилитарная, гигиеническая вкупе с функцией позиционирования в материальном мире, рис. 1).

В современных условиях модная индустрия бросает пандемии коллективный вызов (идентичные действия предпринимают как небольшие бренды, так и крупные корпорации – французский конгломерат «LVMH», испанская компания «Zara», шведская «H&M Group», итальянская «Prada» и др.), активно перестраивая собственные производства под выпуск медицинских масок, что позволяет говорить, что неприметная ранее «медицинская маска имеет все шансы стать важным символом современной культуры и моды в частности» [Астафьев 2020].

Действительно, стремящаяся к новизне формы и качеству материала маска преобразилась до неузнаваемости: «дизайнерские бренды быстро наладили производство разных вариантов защитных масок, сочетающих в себе инновационный дизайн, безопасность, универсальность, стильное оформление, продвинутые технологии производства и фирменную роскошь» [Бёртон 2021: 147].

Характерно, что маска стала активно появляться на подиуме задолго до пандемии: стоит вспомнить показ «Louis Vuitton» (весна 2008 г.), когда источником вдохновения Марка Джейкобса стал образ медсестры: показ открыли модели, которые выходили на

подиум в белых халатах и полупрозрачных масках с сумками-саквояжами (рис. 2, 3, 4).



Рис. 2, 3, 4. Показ Louis Vuitton, весна 2008. Фотографии размещены в свободном доступе на платформах: <https://clck.ru/33ZzGD>, <https://clck.ru/33ZzFk>, <https://clck.ru/33ZzF9>

Сегодня можно сказать, что «эффектное начало шоу обернулось зловещей приметой времени» [Сотник 2020]. Характерно, что с наступлением пандемии дизайнер немедленно вернулся к прежним идеям, представив модную фотосессию с черными респираторами (рис. 6), которая позволила модной прессе представить этот эксперимент как модный манифест, подчеркивающий впечатление скрывающейся под маской угрожающей неопределенности, которое возникло в период пандемии: «вписать утилитарную и непривлекательную внешне вещь в повседневные образы <...>, что наверняка захочется повторить и когда шумиха вокруг COVID-2019 уляжется» [Маска для Марка 2020].



Рис. 5. Черная маска-респиратор – главная составляющая модного образа от Марка Джейкобса. Фотография размещена в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33ZzjF>

Создающая ощущение защиты маска всегда имела большое значение в архаических культурах и являлась одним из незаменимых инструментов ритуала, обладая символическим значением, она наделяла человека магическими силами и способствовала сакрализации ритуального действия. Маски традиционно сопутствовали обрядам жрецов и сопровождали человека в иной мир после его смерти, соединяя материальное, конкретное и запредельное, духовное (рис.6) Таким образом, мистическая составляющая масок позволяет ее носителям подчеркивать стремление к покорению разрушительных стихийных сил и создавать впечатление могущества, управления хаосом, моделируя такой «образцовый маскарад, где мы можем почувствовать себя бессмертными, а свои тела – телами постлюдей» [Глигоровска 2021: 82].



Рис.6. Погребальная маска. Культура Ламбайеке, 980–1450 гг. н. э. Золото, хризолит, растительная смола. Музей золота, Перу. Фотография размещена в свободном доступе на платформе: https://womanadvice.ru/sites/default/files/zolotaya_maska.jpg

Для представителя древних культур выделение лица, как части тела, покрываемой маской, не было характерно, поэтому на ранних этапах становления феномена маски визуальной выразительностью наделялось всё тело, что довольно символично, так как и сам человек, надевая маску, не являлся отдельным индивидом – он присваивал себе коллективное лицо всей группы, лишаясь при этом своего собственного. В современной жизни всеобщее использование маски в обиходе связано не только с её прямым назначением, но также с потребностью людей в защите, не столько в физической, но не в меньшей степени – психологической. Так, согласно информации Интернет-издания «Japan Today» [Baseel 2014], современные подростки носят маску

в стремлении показать свою отчуждённость от общества, заявляя желание сохранить анонимность. Этот аксессуар позволяет реализовать довольно противоречивое желание: слиться с толпой и обратить на себя внимание: на подиуме маска создает впечатление элемента нового облика, и, словно присваивая новую идентичность, «придает образу загадочную драматичность» [Малютина 2020].

В архаических культурах присутствие маски в ритуалах объясняется не только защитными механизмами, но и возможностью распределить ответственность между представителями группы: не человек взывает к богам, а коллектив. Через рассмотрение этой поведенческой стратегии, а также многих других, связанных с масочностью, можно проследить, каково влияние сути маски на становление человеческого сообщества. В частности, исследователь архаичных культур Р. Жирар отмечал наличие смыслового единства, объединяющего маски различных стилей и форм: «Нельзя сказать, что маски изображают человеческое лицо, но они всегда связаны с ним в том смысле, что должны его скрывать, заменять или так или иначе его замещать» [Жирар 2000: 58].

Маска является важным элементом социокультурной коммуникации, наряду с целым рядом других визуальных атрибутов образа: цвета, фактуры, формы одежды и аксессуаров (рис. 7, 8). Все эти атрибуты так или иначе представляют собой составляющие символической маскировки тела, заявляющей о себе как в материальном плане (конкретный объект), так и в социальном (роль).

Поведенческая маскировка человека, куда более сложная и развитая, может быть выражена и во внешнем виде, лице, одежде, манере двигаться и нести в себе информацию не только о его личности, но и об окружении, среде и в целом о социуме, в котором он находится. Не стоит забывать, что воспетая рэпером Future в его культовой песне маска, ставшая частью его образа, стала «символом протеста, который всегда тесно ассоциировался с хип-хопом и уличной культурой в целом» [Астафьев 2020].



Рис.7. Маска из коллекции дизайнерских масок от Marine Serre, 2020. Фотография размещена в свободном доступе на платформе:
<https://fb.ru/media/i/1/5/3/3/2/0/3/i/1533203.jpg>



Рис. 8. Показ Dolce & Gabbana, весна-лето 2019. Фотография размещена в свободном доступе на платформе:
<https://mavink.com/explore/Future-Mask-Off>

Тренд на уличную моду заставил дизайнеров сфокусировать внимание на характерных черных масках в стразах, закрывающих

пол-лица. Таким образом, маска подчеркивает, что «мода может стать одной из форм сопротивления <...> это мощный способ выразить протест, потому что она позволяет создать визуальный образ, который смогут увидеть все люди, независимо от их класса, расы, образования и социального положения» [Куреши 2017].

Характерно, что в труде О. Штайн «Маска: стратегии идентичности» [Штайн 2016], функция маски распространяется на лицо носителя, аксессуары, одежду, передающие ту или иную информацию. Речь идет о социальной маске, представляющей собой не что иное, как символический инструмент, который позволяет рассказать о непосредственном окружении, а также дать целостное представление о социуме и культуре. Так, в частности, модная одежда, в ее материальном или же виртуальном исполнении обладает возможностями продемонстрировать принадлежность к представителям элиты или, напротив, нивелировать социальные различия, сделав это явно или мнимо (подчеркнув статус посредством знаковых деталей). Совокупность символов, проецируемых посредством одежды (внешнего облика, определенного поведения) позволяет стирать или выражать гендерные границы, являясь одной из основ визуальной коммуникации. Основным отличием социальной маски от материальных, в частности ритуально-обрядовых и бытовых, является её главная цель – репрезентация, «присвоение» своего тела и изучение себя.

Осваивая границы своего «Я» посредством визуального маркирования образа, человек посредством маскировки делает следующий шаг – к метаморфозе и переходу за пределы личных

границ, ведь «в маске воплощено игровое начало жизни, в основе ее лежит совсем особое взаимоотношение действительности и образа, характерное для древнейших обрядово-зрелищных форм» [Бахтин 1990: 48]. В наши дни социум ничуть не меньше жаждет впечатлений. Отвечая социальным трансформациям, мода ломает общепринятые традиции, в том числе используя визуальные образы известных личностей, посредством которых индустрия имиджмейкинга преобразует субъектов в объекты желания. Отдаляя звезду от толпы поклонников, маска усиливает социальную дистанцию, делая образ невыразимо притягательным (рис. 9).

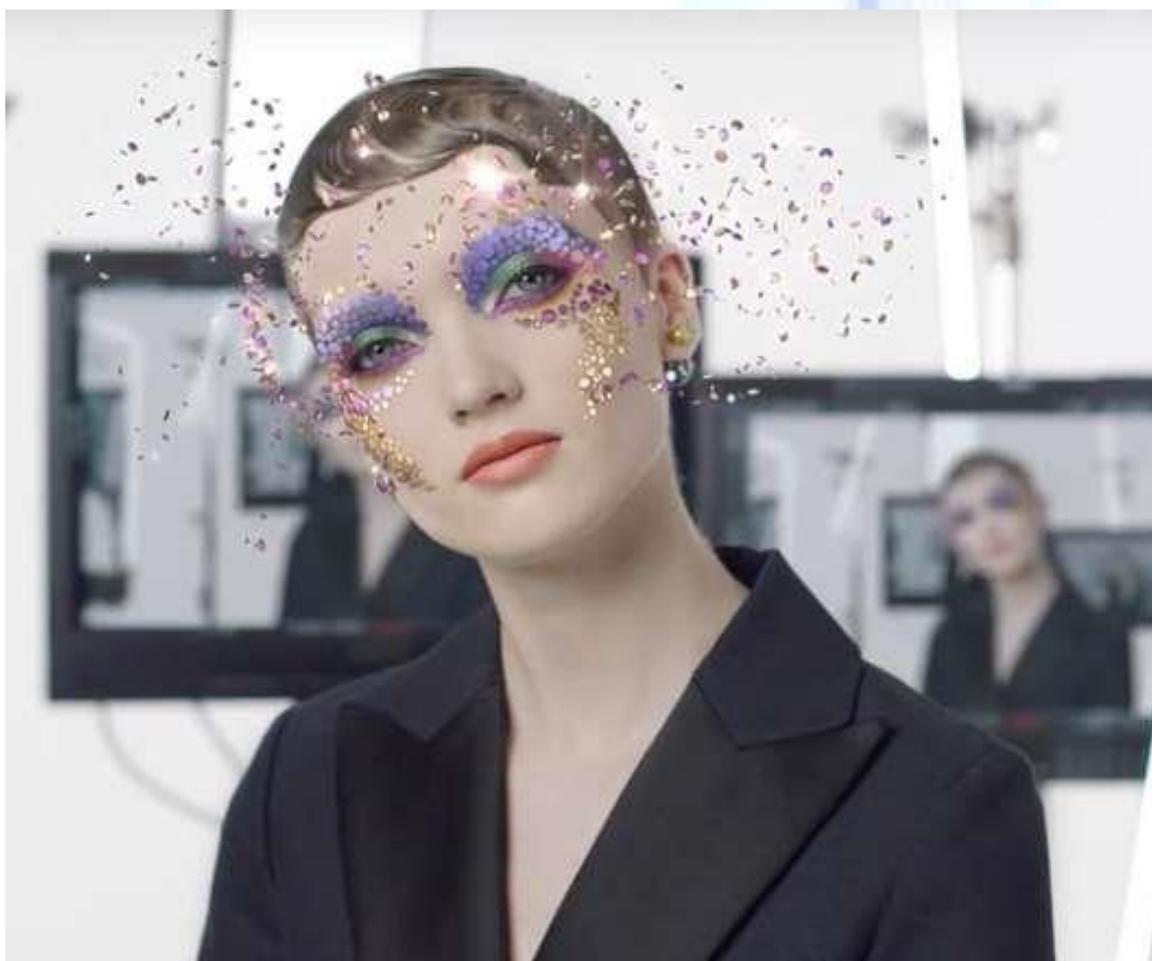


Рис.9. AR-маска становится частью образа пользователя Интернета. Фотография размещена в свободном доступе на платформе: <https://www.virtualrealitypulse.com/thumbs/large/c/o/b/cob132cf13528ec5f6de6640523b9ac1960284bo.jpg>

Впрочем, маска – это не только аксессуар, целиком относящийся к иконам моды, активное развитие виртуальной реальности предоставляет и рядовому пользователю возможность использовать цифровую маску (ее разновидности: AR- и VR-маски в социальных сетях, аватары, виртуальная одежда).

Продуктивность использования аватара как концептуального образа для реализации онлайн-коммуникации определяется ростом востребованности самоидентификации с помощью цифровых инструментов: в обществе растет «запрос на взаимодействие не с самой личностью, а с ее “цифровым двойником”, неким системно виртуализированным образом» [Горбунов 2018: 8]. Сегодня репрезентация индивида в Интернет-пространстве является настолько же значимой, как его и позиционирование в материальном мире, в связи с этим в наши дни актуальность такого явления как цифровой гардероб только возрастает.

Вывод

Индустрия впечатлений всегда в той или иной степени связана с культурными преобразованиями и изменениями в социуме, характерными для определенного времени. Популярность маски, ее превращение в модный аксессуар в период пандемии рубежа 2020-х годов – это модный ответ на необходимость держать дистанцию, а развитие цифровизации в наши дни дает новые возможности для создания и тиражирования массочного образа. Физическая изоляция людей и изменившиеся нормы жизни социума сделали цифровую коммуникацию

основной, в связи с этим появляется потребность в самоидентификации с помощью новых инструментов. Цифровая одежда, как и аватар, становятся оригинальным средством самовыражения, позволяя человеку не просто менять одежду, но и выстраивать новую идентичность.

Литература

- Астафьев, Д. (2020, 25 марта). Как медицинские маски повлияли на модную индустрию. *GQ Russia*. Режим доступа: <https://www.gq.ru/style/masks-2020> (дата обращения: 5.10.2022).
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература.
- Бёртон, Л. (2021). Модные маски: возвращение четырехсотлетней традиции. *«Новая норма»: гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии* (стр. 136–154). Москва: Новое литературное обозрение.
- Вальтер, Ф. О. (2016). *Дионис: миф и культ*. Москва: Клуб Касталия.
- Глигоровска, К. (2021). Таинственный ящик Пандоры. *«Новая норма»: гардеробные и телесные практики в эпоху пандемии* (стр. 78–88). Москва: Новое литературное обозрение.
- Горбунов, А. С. (2018). Личность и цифровые технологии в информационном массовом обществе. *Вестник Московского государственного областного университета*, 4, 8–16.
- Гребенникова, О. М. (2006). *Маска в социокультурном пространстве: генезис, функции, сущность* [Кандидатская диссертация]. Омск.
- Гурджиев, Г. И. (2018). *Взгляды из реального мира*. Москва: Aenigma.
- Жирар, Р. (2000). *Насилие и священное*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Куреши, А. (2017, 1 марта). С улиц на подиум: как одеться для революции. *ИноСМИ*. Режим доступа: <https://inosmi.ru/social/20170301/238800410.html> (дата обращения: 6.10.2022).
- Леви-Стросс, К. (2000). *Путь масок*. Москва: Республика.
- Малютина, А. (2020, 4 марта). Мода на коронавирус: как медицинские маски стали популярным аксессуаром. *РБК*. Режим доступа: <https://style.rbc.ru/items/5e5f9e619a7947b37676fcee> (дата обращения: 5.10.2022).
- Маска для Марка: Марк Джейкобс превращает респиратор в модный манифест (2020, 15 марта). *Elle.ru*. Режим доступа: <https://www.elle.ru/moda/novosty/maska-dlya-marka-mark-dzheikobs-prevrashaet-respirator-v-modnyi-manifest-id6860186/> (дата обращения: 5.10.2022).

Сотник, Н. (2020, 27 февраля). Архивный показ Louis Vuitton весна 2008. *The Blueprint*. Режим доступа: <https://theblueprint.ru/fashion/deja-vu/louis-vuitton-2008> (дата обращения: 4.10.2022).

Штайн, О. А. (2016). *Маска: стратегии идентичности*. Санкт-Петербург: Алетейя.

Baseel, С. (2014, 23 февраля). Why do Japanese people wear surgical masks? It's not always for health reasons. *Japan Today*. Режим доступа: <https://japantoday.com/category/features/lifestyle/why-do-japanese-people-wear-surgical-masks-its-not-always-for-health-reasons> (дата обращения: 9.10.2022).

Информация об авторе

Кондакова Юлия Васильевна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры социальных и гуманитарных наук, Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н. С. Алфёрова (Россия, 620075, Екатеринбург, ул. Карла Либкнехта, 31), ORCID: 0000-0002-4753-3002, jkondakova@yandex.ru

THE MASK IN THE EXPERIENCE INDUSTRY AS A SOCIO-CULTURAL TOOL FOR DESIGNING A FASHIONABLE IMAGE

Yuliya Kondakova

Abstract: the article is devoted to the study of the mask phenomenon in the experience industry as a fashionable means of self-expression and an actual tool for the representation of cultural meanings. An attempt is made to analyze the meaning of the mask in archaic and modern culture, the novelty is associated with the study of the social mask and digital mask as a fashionable element of socio-cultural communication. The issue of the representation of a person through disguise is extremely acute today, due to the 2020 pandemic and the associated need to wear a mask in the life of every person as an object of daily use. The purpose of the study is to substantiate the role of the mask as a fashionable symbol of modern culture, combining the functions of a means of protection, a utilitarian and ritual object, decoration, image and communication code.

Keywords: fashion, image, culture, fashion design, experience industry, mask, digital mask, digitalization, fashion identity, socio-cultural communication.

References

Astaf'ev, D. (2020, March 25). Kak meditsinskie maski povliiali na modnuiu industriiu [How medical masks have influenced the fashion industry]. *GQ Russia* [GQ Russia]. (In Russ). Available at: <https://www.gq.ru/style/masks-2020> (accessed: 5.10.2022).

- Bakhtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaia kul'tura srednevekov'ia i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Artistic literature Publ. (In Russ).
- Baseel, S. (2014, February 23). Why do Japanese people wear surgical masks? It's not always for health reasons. *Japan Today*. Available at: <https://japantoday.com/category/features/lifestyle/why-do-japanese-people-wear-surgical-masks-its-not-always-for-health-reasons> (accessed: 9.10.2022).
- Berton, L. (2021). Modnye maski: vozvrashchenie chetyrekhsotletnei traditsii [Fashionable masks: the return of a four-hundred-year tradition]. «*Novaia norma*»: *garderobnye i telesnye praktiki v epokhu pandemii* ["The New Norm": wardrobe and body practices in the era of the pandemic] (pp. 136-154). Moscow: New Literary Review Publ. (In Russ).
- Gligorovska, K. (2021). Tainstvennyi iashchik Pandory [The Mysterious Pandora's Box]. «*Novaia norma*»: *garderobnye i telesnye praktiki v epokhu pandemii* ["The New Norm": wardrobe and body practices in the era of the pandemic] (pp. 78-88). Moscow: New Literary Review Publ. (In Russ).
- Gorbunov, A. S. (2018). Lichnost' i tsifrovye tekhnologii v informatsionnom massovom obshchestve [Personality and digital technologies in the mass information society]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta* [Bulletin of the Moscow State Regional University], 4, 8-16. (In Russ).
- Grebennikova, O. M. (2006). *Maska v sotsiokul'turnom prostranstve: genezis, funktsii, sushchnost'* [Kandidatskaia dissertatsiia] [The mask in the socio-cultural space: genesis, functions, essence [Candidate dissertation]]. Omsk.
- Gurdzhiev, G. I. (2018). *Vzgliady iz real'nogo mira* [Views from the real world]. Moscow: Aenigma Publ. (In Russ).
- Kureshi, A. (2017, March 1). S ulits na podium: kak odet'sia dlia revoliutsii [From the streets to the podium: how to dress for the revolution]. *InoSMI* [InoSMI]. (In Russ). Available at: <https://inosmi.ru/social/20170301/238800410.html> (accessed: 6.10.2022).
- Levi-Stross, K. (2000). *Put' masok* [The Way of masks]. Moscow: Republic Publ. (In Russ).
- Maliutina, A. (2020, March 4). *Moda na koronavirus: kak meditsinskie maski stali populiarnym aksesuarom* [Coronavirus Fashion: How medical masks became a popular accessory]. *RBC* [RBC]. (In Russ). Available at: <https://style.rbc.ru/items/5e5f9e619a7947b37676fcee> (accessed: 5.10.2022).
- Maska dlia Marka: Mark Dzheikobs prevrashchaet respirator v modnyi manifest [Mask for Mark: Marc Jacobs turns a respirator into a fashion manifesto] (2020, March 15). *Elle.ru* [Elle.ru]. (In Russ). Available at: <https://www.elle.ru/moda/novosty/maska-dlya-marka-mark-dzheikobs-prevrashchaet-respirator-v-modnyi-manifest-id6860186/> (accessed: 5.10.2022).
- Shtain, O. A. (2016). *Maska: strategii identichnosti* [Mask: identity strategies]. Sankt-Peterburg: Alethea Publ.

- Sotnik, N. (2020, February 27). Arkhivnyi pokaz Louis Vuitton vesna 2008 [Louis Vuitton Spring 2008 Archive Show]. *The Blueprint*. (In Russ). Available at: <https://theblueprint.ru/fashion/deja-vu/louis-vuitton-2008> (accessed: 4.10.2022).
- Val'ter, F. O. (2016). *Dionis: mif i kul't* [Dionysus: Myth and Cult]. Moscow: Castalia Club Publ. (In Russ).
- Zhirar, R. (2000). *Nasilie i sviashchennoe* [Violence and the Sacred]. Moscow: New Literary Review Publ. (In Russ).

Author's information

Kondakova Yuliiya Vasilyevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Ural State University of Architecture and Art (31, Karl Liebknecht ul., Yekaterinburg, 620137, Russia), ORCID: 0000-0002-4753-3002, jkondakova@yandex.ru

For citation:

Kondakova, Yu. V. (2023). The mask in the experience industry as a socio-cultural tool for designing a fashionable image. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 69-84. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-69-84](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-69-84)

УДК 167.7

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-85-108](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-85-108)

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ СКАЗКОТЕРАПИИ: ВПЕЧАТЛЯЮЩЕЕ ПРОДВИЖЕНИЕ ОТ ИНДИВИДА К ЛИЧНОСТИ



Ирина Красова,
Донецкий национальный
университет
(Донецк, Россия)

Irina Krasova,
Donetsk national university
(Donetsk, Russia)

ORCID: 0000-0002-9065-0976
e-mail: krasova.irisha@mail.ru

Для цитирования статьи:

Красова, И. Е. (2023). Социально-философские аспекты сказкотерапии: впечатляющее продвижение от индивида к личности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 85–108. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-85-108](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-85-108)

Аннотация: метод сказкотерапии в последнее время все более становится востребованным. И это не удивительно, ведь рациональное и иррациональное как в человеческой культуре, так и в человеческом сознании находятся в неразрывной связи. И если мышление носит рациональный характер, то эмоциональная реакция на мир часто является иррациональной и вытекает из бессознательной природы психики человека. Поэтому даже для самого человека спектр его эмоциональных реакций на

мир, а также внутренние механизмы их формирования и проявления, зачастую не являются до конца ни прозрачными, ни понятными. Использование таких современных и актуальных технологий как сказкотерапия как раз и позволяет через суггестивное воздействие, непосредственно затрагивающее архетипические образы, осуществить интеграцию с бессознательными содержаниями. Посредством воздействия на бессознательное человека через сокрытые в сказках смыслы осуществляется как культурно-лингвистическое воздействие на индивида, так и терапевтическое исцеление групповых и индивидуальных психических отклонений и болезней. В настоящее время метод сказкотерапии становится все более востребованным в деятельности практического психолога, что, безусловно, повышает интерес исследователей к применению смысла и текста сказок в целях психологической терапии. С позиций философской герменевтики сказка представляется набором закодированных символов, формирующих ценностные установки и придающих смысл происходящим событиям и совершаемым поступкам через вымышленную историю. Сказка содержит открытые для истолкования символы и метафоры, которые требуют глубокого осмысления и сопоставления с внутренним опытом личности. В статье проанализированы научно-философские подходы к определению сущности сказкотерапии, как значимого и актуального метода современной практической психологии, исследованы и показаны возможности сказкотерапии в прикладной психологии. На примере отдельных сказок продемонстрировано влияние сказкотерапии на формирование эмоциональной картины мира. А целью данного исследования является выявление потенциала сказкотерапии в контексте перехода от индивида к личности при взрослении или индивидуализации человека.

Ключевые слова: рациональное, иррациональное, индивид, личность, сказкотерапия, нарративность, социализация, лингвокультурология, архетипические образы, бессознательное.

Введение

Любой человек рождается как индивид, а его становление как личности происходит в процессе социализации. На процесс формирования и развития гармоничной и полноценно развитой личности оказывают влияние как факторы внешнего порядка (окружение, воспитание, условия жизнедеятельности и обучения, тип семейного воспитания и т. д.), так и глубинные, внутренние факторы, обусловленные развитием психических явлений и процессов. Традиционно значительным потенциалом в

формировании внутреннего мира человека и становления его как полноценной личности обладает сказка. С раннего детства сказки проникают в жизнь человека, наполняя ее яркими образами, а затем осознанными смыслами и значениями.

В процессе становления личности возникают различные трудности, в том числе, проблемы эмоционального характера. Для изучения индивидуальных различий в ощущении и восприятии эмоций серьезный интерес представляет целый ряд работ, реализованных в многомерном подходе, изучающих восприятие человеком собственных эмоций. В этих работах были получены данные о существующих среди людей различиях в степени эмоциональной дифференцированности или точности описания человеком своего внутреннего состояния. Как правило, субъекты с низкой эмоциональной дифференцированностью описывают свое состояние в терминах удовольствие – неудовольствие. Тогда как люди, обладающие высокой эмоциональной дифференцированностью, используют более точные названия эмоций для обозначения различий между ними. Данные исследования подводят нас к необходимости изучения философского значения метода сказкотерапии, как способа воспитания личности с глубоким эмоциональным и нравственно-духовным наполнением.

Основная часть

Путем образно-символической интеграции рационального и иррационального возможно обретение человеком внутреннего

ощущения целостности, большей связанности своих рациональных мотивов и иррациональных реакций на мир.

В культуре этот аспект непосредственно проявляется в художественных образах. Одним из способов работы с этими пластами психики является сказкотерапия. Сказкотерапия – это метод воздействия моральных и нравственных качеств на личностный рост человека с помощью сказки, символические смыслы которой и заставляют человека глубже раскрыть свои чувства и эмоции и пробуждать в нем эмпатию.

Современные исследователи отмечают высокую педагогическую ценность сказкотерапии, как перспективного направления прикладной психологии. Например, И. В. Вачков считает возможным «использование сказок в программе «Психологическая азбука» <...> для начальной школы с опорой на указанные особенности волшебных сказок» [Вачков 2007: 16].

Следует также обратить внимание на работу А. Е. Наговицына и В. И. Пономаревой [Наговицына, Пономарева 2014], в которых систематизируется метафорический материал, оптимизируется классификация сказок, а также разрабатывается теория и методология сказкотерапии.

Одной из наиболее перспективных разработок современных исследователей является модификация учения К. Г. Юнга об архетипах коллективного бессознательного в направлении фундаментальных идей сказкотерапии, что и позволяет психологу создать своеобразную «систему координат», способную оперативно описать проблему клиента и сориентироваться в работе с ней. Такой взгляд на проблему, например, предлагают



работы Т. Д. Зинкевич-Евстигнеевой [Зинкевич-Евстигнеева 2010], О. И. Каяшевой [Каяшева 2012] и Н. Огненко (Погосовой) [Огненко (Погосова) 2008].

Метод сказкотерапии как таковой базируется на разработках и достижениях лингвокультурологии. Проблема взаимодействия языка и культуры давно находится в объективе исследования лингвистов как одна из актуальных задач этой науки. Проблема влияния языковых структур и речевых отношений на формы культурной репрезентации и организации внутренних структур личности является одной из главных задач сказкотерапии.

Языковые структуры являются фактором, определяющим поведенческие и мыслительные нормативы. Следствием этого является детерминизм культурного развития национального языка. В наиболее чистом, не глобализированном варианте национальный язык оказывается представленным в формах фольклорного творчества, которое повсеместно репрезентуется в том числе и в контексте сказочных нарративов.

В лингвокультурологии, науке, занимающейся проблемой взаимовлияния культуры и языковой структуры, сказка считается одним из «базовых элементов культурной идентичности» [Пропп 1984: 14].

Одной из основных особенностей сказки, по В. Я. Проппу, является «некоторая бессознательная жизненная философия народа, представленная рассказчиком» [Пропп 1984: 208]. Далее В. Я. Пропп отмечает, что «в сказке, собственно говоря, все предустановлено. Герой получает в руки волшебное средство или

волшебного помощника и при его помощи достигает всех своих целей» [Пропп 1984: 208].

Каждая сказка оказывает влияние на человека с помощью образов и символов. Древние сюжеты сказочных героев повсеместно находят отголоски и в современном мире, пробуждая у людей желание действовать, сопротивляться, принимать решения, согласно канве сказочного сюжета, в создавшихся внешних условиях.

Сказка обладает исключительной гуманитарной ценностью. Так, по словам К. И. Чуковского, цель любой сказки «заключается в том, чтобы воспитать в ребенке человечность – эту дивную способность волноваться чужим несчастьям, радоваться радостям другого, переживать чужую судьбу, как свою. Ведь сказка совершенствует, обогащает и гуманизирует детскую психику, так как слушающий сказку ребенок чувствует себя ее активным участником и всегда отождествляет себя с теми из ее персонажей, кто борется за справедливость, добро, свободу» [Чуковский 1990: 21].

Сказкотерапия помогает осуществить процесс интериоризации социальных норм. Интериоризация дословно переводится как переход «извне» и «вовнутрь» и предполагает превращение структур внешней деятельности, социальных отношений, культурных значений, ценностей и норм в структуры психики. Именно таким образом, наиболее адекватным и безболезненным способом происходит интеграция иррациональных и рациональных компонентов личности.

Сказкотерапия представляет реальную возможность перемещения человека в более благоприятные условия для решения жизненно-важных для него задач. Человек может почувствовать себя, например, сказочным богатырем, который способен победить дракона, перенести это в свою повседневную жизнь и найти аналогию в реальности, таким образом легче отыскать способы решения задач, взглянув на жизнь позитивным взглядом, наполненным надеждой и новыми возможностями.

Однако этот переход осуществляется не путем усвоения внешних нарративов сказки, принятия волшебных событий, описанных в сказке как фактов реальной действительности, а путем усвоения архетипического материала, который заложен внутри сказочных сюжетов, апроприации психикой человека скрытых типов отношения в системах «человек – общество» и «человек – мир».

Благодаря этому происходит развитие индивида в личность, понимаемой в данном контексте как более целостное образование, в рамках которого иррациональные и рациональные моменты, содержащиеся в психике человека, не находятся в конфликтном взаимодействии. Поэтому процесс перехода от индивида к личности связан с особенностью психологического развития человека, обретения им идентичности как понимания различия между собой и внешним миром. Такая трансформация осуществляется на ценностном уровне. Говоря о сказкотерапии, К. А. Михальченко указывает на то, что «особенностью работы в системе сказкотерапии является взаимодействие с клиентом на ценностном уровне».

Психологические, культурологические, педагогические проблемы прорабатываются благодаря опоре на нравственные ориентиры, духовные ценности и личностные потенциалы» [Михальченко 2012: 43].

Согласно концепции Э. Фромма потребность в идентичности является реакцией на изначально присущий человеку бессознательный страх перед внешней реальностью. Как отмечает Э. Фромм, «для большинства людей индивидуализм оказывается лишь фасадом, за которым скрывалась неспособность достичь индивидуального чувства самотождественности» [Фромм 2005: 7].

Сказкотерапия позволяет преодолеть страх перед окружающей реальностью путем апроприации корректного типа самоотождествления человека с коллективными ценностями, которые позволяют ему обрести чувство безопасности в мире. Обретение чувства безопасности является базовой необходимостью для развития моральных качеств человека, обеспечивают ориентацию в нравственном мире, где основными этическими концепциями являются концепции «Добра» и «Зла».

Любая сказка всегда несет в себе закодированный культурный код. Чтобы расшифровать его, нужно обратиться к генетическому опыту предков и осознать свою идентичность в непрерывной цепочке поколений. Неслучайно в этой связи в «Толковании сновидений» З. Фрейд обращается к сказкам для интерпретации сновидений: «Мы уже знаем, что мифы и сказки, пословицы и песни, язык воображения используют одни и те же символы» [Фрейд 2014: 168].

Однако, по Э. Фромму, идентичность может быть как аутентичной, так и не аутентичной, то есть ложной. Ложная идентичность характеризуется тем, что коллективность может подменять индивидуальность человека набором ложных атрибуций. По словам мыслителя, «достичь уникальности, ощущения себя цельной личностью для большинства людей является очень сложным жизненным этапом в развитии» [Фромм 2005: 75]. Таким образом, ложная идентичность – это идентичность, не соответствующая действительной идентичности человека, но подменяющая ее собой.

Использование сказкотерапии в практической психологии позволяет осуществить коррекционное воздействие на ложную идентичность. Сказка построена на взаимодействии архетипических фигур, существующих в космосе коллективных нравственных ценностей. Путем отождествления себя с персонажем сказки и последующего эмоционально-аффектированного проживания сказочного нарратива через лингвокультурологический пласт человек может выстроить корректную систему идентичности.

Согласно концепции другого известного психолога Э. Эриксона, «идентичность – это принимаемый индивидом образ себя «во всем богатстве отношений личности к окружающему миру, чувство адекватности и стабильного владения личностью собственным «я» независимо от изменений «я» и ситуации; способность личности к полноценному решению задач, возникающих перед ней на каждом этапе ее развития» [Эриксон 1996: 12].

Этот процесс представляет собой некий акт социализации, через который и формируется идентичность как результат этого акта; таким образом, идентичность в концепции Э. Эриксона отличается от идентичности в понимании З. Фрейда [Фрейд 2014] тем, что у последнего она носит характер приобщения и отождествления с некоторым набором коллективных культурных и социальных атрибуций. Э. Эриксон же рассматривает идентичность в психосоциальной оптике, как «структуру психики, возникающую вследствие социальных контактов» [Эриксон 1996: 35].

Сказкотерапия, как мы уже указывали, имеет дело с архетипами коллективного бессознательного. В процессе здоровой социализации человек усваивает паттерны поведения и взаимоотношения с миром, которые в фольклорном творчестве закрепились, в том числе, и в сказочных сюжетах.

Согласно Э. Эриксону «формирование идентичности, хотя и носит в юности «кризисный характер», в действительности является проблемой смены поколений» [Эриксон 1996: 37], т. е. является динамической структурой. Нравственное развитие и усвоение базовых понятий о добре и зле, которые даны в том числе и в сказках, осуществляются в процессе взросления человека. В ходе своего развития человек переходит от индивида к личности. По Э. Эриксону «функции поколений несколько иначе распределяются между важнейшими этапами становления идентичности. Уже сегодня простое разделение на старшее поколение, то есть поколение родителей, и молодое, то есть поколение людей, еще не ставших родителями, как понятно из

вышесказанного, достаточно устарело. Быстрое развитие технологий приводит к тому, что традиционные способы старения не успевают институализироваться так быстро, чтобы молодое поколение могло непосредственно следовать за старшим или, напротив, оказать ему революционное сопротивление. Например, старение будет проходить (или уже сейчас проходит) совершенно по-разному для тех, кто не соответствует более современным профессиональным требованиям, и для тех, кто на что-то еще способен» [Эриксон 1996: 146]. Начиная с периода юности происходит эго-идентичность, а уже на протяжении всех остальных возрастов человек претерпевает изменения в понимании себя и своей индивидуальности.

Таким образом, из приведенных выше концепций интерпретации индивидуальности, становится ясной и важность правильного понимания человеком себя.

Усвоение нравственных ценностей включается в процесс интериоризации, а это означает, что ценностные установки, заложенные в сказке, усваиваются глубинными пластами психики человека, определяя его мировоззрение и формируя эмоциональную картину мира.

Попробуем обратиться к русской народной сказке «Гуси-лебеди» [Русские народные сказки 2022: 43]. Сюжет сказки делает акцентирован на значимости формирования собранности и ответственности детей, находящихся на пороге взросления. В процессе совместного «проживания» такого сценария можно попытаться перенестись с ребенком непосредственно в саму сказку, в рамках которой выстроен определенный алгоритм

действий. Задавая вопросы и повторяя определенные фразы, ребенок постепенно начинает выстраивать цепочку действий, которые способны привести к положительному результату и вернуть сестрице ее братца (рис. 1).

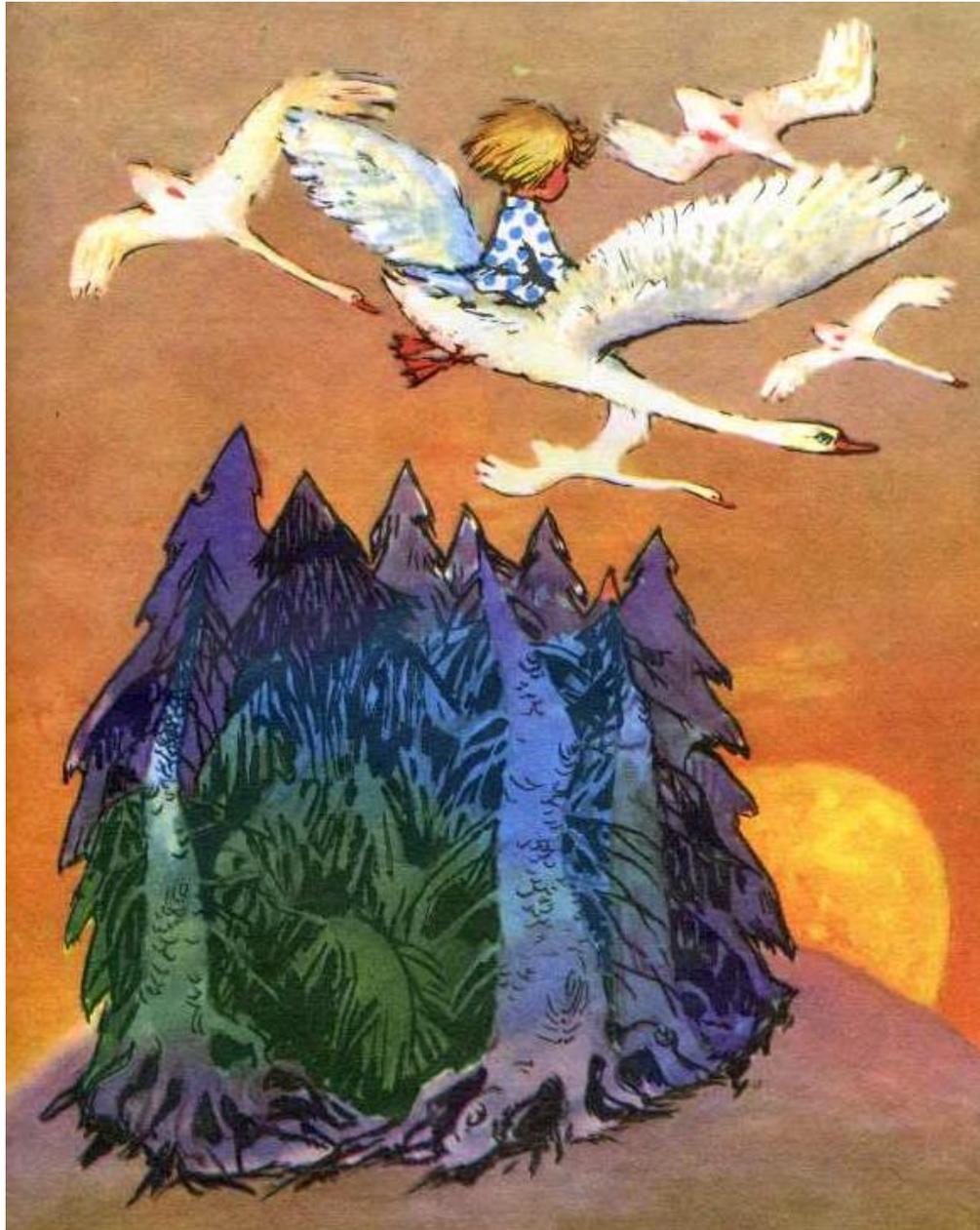


Рис. 1. Савченко А. Рисунок к сказке «Гуси-лебеди» в обработке А. Н. Толстого (Москва, 1976).

Размещен в свободном доступе на платформе:

<https://polny-shkaf.utopia14.org/albums/zz11/bukvoed/12875/138899/img005.jpg>

Развивая сюжет, можно предлагать ребенку различные варианты действий, в целях развития воображения и трансформации сказочной истории в реальность, посредством ассоциирования себя с ее героями и научения понимать последствия действий. Полет на сказочных гусях-лебедях способен запустить воображение у ребенка и в дальнейшем дать ему возможность увидеть ситуацию со стороны, получая удовольствие от возникших возможностей. Тем самым, погружение ребенка в мир сказок позволяет ему не только развивать воображение, но и стимулирует развитие иных психических функций – внимания, памяти, мышления.

В традиционном обществе дети во время своего взросления усваивали первичные принципы взаимоотношения с реальностью и способы ориентации в нравственном космосе как раз через сказочные сюжеты, которые в доступной словесно-понятийной и эстетической форме позволяли ребенку на эмоционально-аффективном (то есть внерациональном) уровне переживать внутреннее содержание сказочного нарратива.

В качестве примера содержания архетипических представлений нравственного космоса, помогающих ориентироваться в системе «Я» – «Мир» путем использования лингвокультурологических пластов рассмотрим сказку К. И. Чуковского «Тараканище» [Чуковский 1990].

В центре сказочного нарратива находится событие встречи сообщества друзей со страшным чудищем – Тараканищем. Тараканище пугает зверей своими большими усами и угрожает съесть их. Автор выражает речевую личность Тараканища через

словоповтор и изменяющийся ломающийся ритм, что способно показать ребенку, как действуют сложные жизненные ситуации на человека в периоды взросления. Реакция же у людей, как и в сказке у животных может быть совершенно разной. Это позволяет детям задуматься о важности восприятия информации или поведения других людей [Чуковский 1990].

Характерно, что в этой сказке звери не предпринимают никаких попыток победить Тараканища, а даже, наоборот, от страха начинают поедать друг друга, что можно воспринимать как абсолютно негативные последствия. Тараканище становится новым царем зверей. Хотя в завершающем эпизоде сказки все-таки появляются два персонажа, которые начинают сопротивляться Тараканищу.



Рис. 2. Сутеев В. Рисунок к стихотворению Чуковского К. И. Тараканище. Размещен в свободном доступе на платформе:

<https://mishka-knizhka.ru/stihi-dlya-detej/detskie-klassiki/stihi-chukovskogo/tarakanishhe/>

Первый – это Кенгуру, который уговаривает зверей выступить против Тараканища, но другие звери не слушают его. Затем прилетает Воробей и легко склевывает злодея (рис. 2). Тараканище исчезает бессловесно, не давая никаких комментариев. Этим подчеркивается его реальная ничтожность. Сказка завершается праздником зверей в честь освобождения [Чуковский 1990].

Основная идея сказки К. И. Чуковского «Тараканище» – демонстрация того, что эмоциональная аффектация страхом вызывает у индивида и коллектива чувство беспомощности, которое абсолютно не соразмерно реальному уровню опасности.

Композиционно произведение делится на две части, первая демонстрирует перформативный сдвиг в процессе апроприации власти Тараканищем, а вторая является рассказом о периоде правления Такаканища и его последующем свержении.

Наиболее важным для автора в написании данного произведения являлось создание особого просодического мира, берущего за образец детские звукоподражательные ритмизированные считалки и присказки. Автор часто использует чередование рифмующихся коротких строк и длинной строки, что придает внутреннюю упругость вербальной части произведения.

Для этой же цели автор часто использует близкие точные рифмы с соотношением слагаемых, способствующих активной артикуляции речевых органов (например, «И акула увильнула, только хвостиком махнула. А за нею каракатица – так и пятится, так и катится» [Чуковский 1990]).

Катарсическим центром подобного нарратива является момент развенчивания Тараканища и низведения его до обычного и ничем не примечательного таракана, когда что-то большое и пугающее внезапно объявляется маленьким и ничтожным. Этот переход позволяет психике читателя сместить восприятие фигуры и фона, обнаружить иллюзорность страха, проясняет, что его механизм нацелен на формирование и трансляцию неадекватных представлений о наличной реальности.

Одна маленькая сказка способна повлиять на внутренние изменения в поведении человека. Одним из примеров является желание ненасытности и требования от окружающих невозможного. В характере проявляется раздражение и агрессия, выплеск эмоций и негативной реакции в виде истерики. Окружающие паникуют и не знают, как себя вести с проявлением таких качеств человека, они прячутся и потакают, в надежде справиться с демонстрацией «Тараканища», но все тщетно. Сказкотерапия подсказывает, что можно победить, главное – выявить причину и найти возможность проявить трудолюбие и желание навести порядок в своем внутреннем мире. Результат закономерен. Все как в сказке!

Теперь рассмотрим пример сказочного нарратива в контексте этических ценностей произведения А.С.Пушкина «Сказка о рыбаке и рыбке» [Пушкин 1959–1962: 240] и сказку «О рыбаке и его жене» братьев Гримм [Гримм, без даты]. Можно найти схожесть этих сказок в фольклорных истоках сюжета, где действующие лица имеют переключки и по сюжету. Как и в сказке



Рис. 3. Kay Nielsen. Сказки братьев Гримм (Дания, Великобритания, 1925, издательство George H. Doran). Рисунок размещен в свободном доступе на платформе: https://img-fotki.yandex.ru/get/6604/157060903.63/o_9abef_dd45dceb_XXXL.jpg

А. С. Пушкина, в повествовании братьев Гримм, например, образ моря несет важную смысловую информацию, которая проявляется в той или иной реакции стихии на поступки героев. В результате море темнеет, и трагический финал действия оказывается вполне закономерным (рис. 3).

Однако на этот общий концептуально-нарративный каркас произведения разные авторы накладывают принципиально различные языковые и ритмические элементы. Так, сказка А. С. Пушкина построена на фольклорных русских языковых кодах, и если в немецкой сказке старик удочкой ловит камбалу, то в русской сказке старик закидывает невод, а получает волшебную золотую рыбку (рис. 4). Это делает русскую сказку окрашенной еще большим элементом волшебства.

Как указывает И. Е. Королев, «в немецкой сказке рыба камбала явно окрашена страданием, что побуждает наше воображение к проявлению жестокости и всевозрастающему желанию ее спасти, оказать всяческую помощь. В сказке А. С. Пушкина золотая рыбка таких чувств не вызывает, зато возникают совершенно иные эмоции, которые пробуждают читателей задуматься о возможностях и границах их применения для блага, где у каждого героя открываются индивидуальные потребности. Кроме образного ряда сказка в интерпретации Пушкина отличается возросшей важностью ритмической составляющей повествовательной речи» [Королев 2020: 12].



Рис. 4. Рацектаев Н. Иллюстрация к «Сказке о рыбаке и рыбке» (А. С. Пушкин, 1976).

Рисунок размещен в свободном доступе на платформе:

<http://hobbitaniya.ru/wp-content/uploads/2017/06/r2.jpg>

Важным отличием смысловых структур сказочных повествований различных народов является и то, что у братьев Grimm старик и старуха действовали заодно [Королев 2020: 10]. Тогда как в сказке А. С. Пушкина происходит «отделение судьбы старика от старухи, все дары достаются последней, тогда как старик только терпит еще больше притеснения. Поэтому у А. С. Пушкина в конце рыбкой наказывается только старуха, но никак не старик» [Королев 2020: 11].

Этический компонент данных сказок затрагивает такие пары оппозиций как «добро»-«зло», «жадность»-«щедрость». Тем самым, в процессе осмысления текста сказки происходит и глубинное воздействие на духовно-нравственную основу личности, формируются нравственные ценности и установки.

Благодаря взаимодействию со сказкой человек начинает сопоставлять свою историю жизни, или своих близких людей, со сказочным сюжетом, находить закономерности и совпадения. В душе появляются чувства справедливости и желания восстановить порядок в жизни. Желания перерастают в действия, а последние, в свою очередь, в изменения своей жизни к лучшему.

Вывод

Метод сказкотерапии позволяет человеку путем отождествления себя с архетипическими образами из того или иного сказочного нарратива заново пережить опыт интеграции рациональных и иррациональных компонентов психики, например, путем самостоятельного составления сказочного нарратива на примере уже имеющихся. Таким образом,

сказкотерапия позволяет осуществить гармоничный переход от индивида к личности в контексте как взросления человека и его индивидуации, так и в контексте психологической терапии.

Сказкотерапия обладает значительным терапевтическим потенциалом и способна не только нивелировать фобии человека и преодолевать навязанные ложные стереотипы, но и формировать адекватную национально-культурному коду эмоциональную картину мира. Человек, посредством погружения в мире сказок, развивает в себе творческие способности, расширяет собственное сознание и кругозор, перенимает духовно-нравственные ценности и нормы. Тем самым, можно сделать вывод о способности сказкотерапии воздействовать на процесс становления и развития эмоционально-потребностной сферы человека, его нравственных ценностей и установок.

Литература

- Вачков, И. В. (2007). *Сказкотерапия: Развитие самосознания через психологическую сказку*. Москва: Ось-89.
- Гримм, В. К., Гримм, Я. Л. К. (без даты). *Сочинения*. Режим доступа: <http://az.lib.ru/g/grimm/> (дата обращения: 10.01.2023).
- Зинкевич-Евстигнеева, Т. Д. (2010). *Основы сказкотерапии*. Санкт-Петербург: Речь.
- Каяшева, О. И. (2012). *Библиотерапия и сказкотерапия в психологической практике*. Самара: Бахрах-М.
- Королев, И. Е. (2020). Фольклорные, мифологические и литературные источники сказок А. С. Пушкина. *Юный ученый*, 8(38), 8-14.
- Михальченко, К. А. (2012). История развития и значение сказкотерапии как направления практической психологии. *Психологические науки: теория и практика: материалы I Международной научной конференции (г. Москва, февраль 2012 г.)* (стр. 42-45). Москва: Буки-Веди.
- Наговицын, А. Е. (2014). *Симвология: от философских теорий до практики сказкотерапии*. Москва: Генезис.

Огненко (Погосова), Н. (2008). *Волшебная сила сказки. Осуществление мечты и полцарства в придачу. Игра «Дворец желаний»*. Санкт-Петербург: Речь.

Пропп, В. Я. (1984). *Русская сказка*. Ленинград: Изд-во ЛГУ.

Пушкин, А. С. (1960). *Собрание сочинений в десяти томах. Том 3. Сказки и поэмы*. Москва: Гослитиздат.

Русские народные сказки: сборник (2022). Москва: Буква-ленд.

Фрейд, З. (2014). *Толкование сновидений*. Санкт-Петербург: Лениздат.

Фромм, Э. (2005). *Здоровое общество*. Москва: АСТ.

Чуковский, К. И. (1990). *Сочинение в 2-х т.* Москва: Педагогика.

Эриксон, Э. (1996). *Идентичность: юность и кризис*. Москва: Издательская группа «Прогресс».

Информация об авторе

Красова Ирина Евгеньевна – аспирант кафедры философии, магистр психологии, Донецкий национальный университет (Россия, 283001, Донецк, ул. Университетская, 24), ORCID: 0000-0002-9065-0976, krasova.irisha@mail.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECTS OF FAIRY-TALE THERAPY: IMPRESSIVE PROGRESSION FROM AN INDIVIDUAL TO A PERSON

Irina Krasova

Abstract: the method of fairy tale therapy has recently become more and more popular. This is not surprising, since both the rational and the irrational in human culture and in human consciousness are inextricably linked. And while thinking is rational, the emotional reaction to the world is often irrational and stems from the unconscious nature of the human psyche. Therefore, even for the person themselves, the range of their emotional reactions to the world, as well as the internal mechanisms of their formation and manifestation, are often neither completely transparent nor understandable. The use of such modern and topical technologies as fairy-tale therapy allows for integration with the unconscious contents through suggestive influence directly affecting archetypal images. By influencing the human unconscious through the meanings hidden in fairy-tales both cultural and linguistic impact on the individual and therapeutic healing of group and individual mental disorders and illnesses are carried out. Nowadays the method of fairy tale therapy is becoming more and more demanded in the activity of practical psychologists, which, undoubtedly, raises the interest of researchers in the application of the meaning and text of fairy-tales for the purpose of psychological therapy. From the standpoint of philosophical hermeneutics, the fairy tale appears as a set of coded symbols that form value attitudes and give meaning to events and deeds through an imaginary story. The fairy-tale contains symbols and metaphors open for interpretation, which require deep understanding and comparison with the inner experience of the individual.

The article analyzes the scientific and philosophical approaches to defining the essence of fairy tale therapy as a significant and actual method of modern practical psychology; the possibilities of fairy tale therapy in applied psychology are studied and shown. The influence of fairy-tale therapy on the formation of an emotional picture of the world is demonstrated on the example of individual fairy tales. And the purpose of this study is to reveal the potential of fairy tale therapy in the context of the transition from the individual to the personality in the process of growing up or the individualization of a person.

Keywords: Rational, irrational, individual, person, fairy-tale therapy, narrativeness, socialization, linguoculturology, archetypal images, the unconscious.

References

- Vachkov, I. V. (2007). *Skazkoterapiia: Razvitie samosoznaniia cherez psikhologicheskuiu skazku* [Skazkoterapiya: The development of self-awareness through a psychological fairy tale]. Moscow: Axis-89 Publ.
- Grimm, V. K., Grimm, Ia. L. K. (n.d.). *Sochineniia* [Essays]. (In Russ). Available at: <http://az.lib.ru/g/grimm/> (accessed: 10.01.2023).
- Zinkevich-Evstigneeva, T. D. (2010). *Osnovy skazkoterapii* [Fundamentals of fairy tale therapy]. Sankt-Peterburg: Speech Publ.
- Kaiasheva, O. I. (2012). *Biblioterapiia i skazkoterapiia v psikhologicheskoi praktike* [Bibliotherapy and fairy tale therapy in psychological practice]. Samara: Bakhrakh-M Publ. (In Russ).
- Korolev, I. E. (2020). Fol'klornye, mifologicheskie i literaturnye istochniki skazok A. S. Pushkina [Folklore, mythological and literary sources of A. S. Pushkin's fairy tales]. *Iunyi uchenyi* [Young Scientist], 8(38), 8-14. (In Russ).
- Mikhail'chenko, K. A. (2012). Istoriia razvitiia i znachenie skazkoterapii kak napravleniia prakticheskoi psikhologii [The history of development and the significance of fairy tale therapy as a direction of practical psychology]. *Psikhologicheskie nauki: teoriia i praktika: materialy I Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (g. Moskva, fevral' 2012 g.)* [Psychological sciences: theory and practice: materials of the I International Scientific Conference (Moscow, February 2012)] (pp. 42-45). Moscow: Buki-Vedi Publ. (In Russ).
- Nagovitsyn, A. E. (2014). *Simvologiya: ot filosofskikh teorii do praktiki skazkoterapii* [Symbolology: from philosophical theories to the practice of fairy-tale therapy]. Moscow: Genesis Publ. (In Russ).
- Ognenko (Pogosova), N. (2008). *Volshebnaia sila skazki. Osushchestvlenie mecht i poltsarstva v pridachu. Igra «Dvorets zhelanii»* [The magic power of a fairy tale. The realization of a dream and half a kingdom into the bargain. The game "Palace of Desires"]. Sankt-Peterburg: Speech Publ.
- Propp, V. Ia. (1984). *Russkaia skazka* [Russian folk tales]. Leningrad: Publishing House of LSU. (In Russ).
- Pushkin, A. S. (1960). *Sobranie sochinenii v desiati tomakh. Tom 3. Skazki i poemny* [Collected works in ten volumes. Volume 3. Fairy tales and poems]. Moscow: Goslitizdat Publ. (In Russ).

- Russkie narodnye skazki: sbornik* (2022) [Russian folk tales: collection]. Moscow: Bukva-lend Publ. (In Russ).
- Freid, Z. (2014). *Tolkovanie snovidenii* [Interpretation of dreams]. Sankt-Peterburg: Lenizdat Publ. (In Russ).
- Fromm, E. (2005). *Zdorovoe obshchestvo* [Healthy society]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Chukovskii, K. I. (1990). *Sochinenie v 2-kh t.* [Composition in 2 volumes]. Moscow: Pedagogika Publ. (In Russ).
- Erikson, E. (1996). *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Publishing group "Progress". (In Russ).

Author's information

Krasova Irina Evgenievna – postgraduate student of the Department of Philosophy, Master of Psychology, Donetsk national university (24 Universitetskaya St., Donetsk, 283001, Russia), ORCID: 0000-0002-9065-0976, krasova.irisha@mail.ru

For citation:

Krasova, I. E. (2023). Socio-philosophical aspects of fairy tale therapy: from the individual to the individual. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 85-108. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-85-108](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-85-108)

УДК 347.786+791.43/.45

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-109-139](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-109-139)

ГРАЖДАНСКАЯ САКРАЛЬНОСТЬ ДЕТСТВА В СОВЕТСКОЙ КИНОМИФОЛОГИИ



Сергей Маленко,

*Новгородский
государственный университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).*

Sergey Malenko,

*Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).*

*ORCID: 0000-0003-4828-0171
e-mail: olenia@mail.ru*



Андрей Некита,

*Новгородский
государственный университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород, Россия).*

Andre Nekita,

*Yaroslav-the-Wise Novgorod
State University
(Veliky Novgorod, Russia).*

*ORCID: 0000-0002-9254-2901
e-mail: beresten@mail.ru*

Для цитирования статьи:

Маленко, С. А., & Некита, А. Г. (2023). Гражданская сакральность детства в советской киномифологии. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 109–139. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-109-139](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-109-139)

Аннотация: после Великой Отечественной войны советское общество начинает переосмысливать собственные социальные ценности, трансформируя их в соответствии с новой геополитической реальностью. Одним из наиболее влиятельных инструментов таких изменений выступил послевоенный кинематограф. Экзистенциальное переосмысление большинства довоенных и военных киносюжетов позволило обнаружить новое предметное поле для визуализации мифологии советского человека. Этим пространством и становится советское детство как необходимый этап формирования мировоззрения советского человека. Тема детства в сюжетной палитре советского кино окончательно утверждает мотив художественного изображения повседневности людей, что позволяет сделать акцент на визуализации процессов формирования индивидуальных чувств и мыслей киногероев, как например, в знаменитом цикле фильмов о приключениях внезапно повзрослевших детей, превратившихся в «неуловимых мстителей». Отсылки к ранним периодам биографии позволяют полнее реконструировать и визуализировать экзистенциальную драматургию советского человека. Так создавались предпосылки освоения индивидуального опыта как условия формирования актуальной памяти советских поколений, которые необычайно продуктивно использовались коммунистической идеологией. Подобная практика имеет несомненную психоаналитическую ценность и выступает основой внутреннего диалога человека с самим собой и всем обществом. Несмотря на явную политическую ангажированность послевоенного советского кинематографа, ему удавалось максимально соответствовать архетипическим моделям классических мифологий и поддерживать в обществе должный уровень сакральности.

Ключевые слова: архетип, визуальная идеология, кинематограф, мифология детства, советский человек.

Введение

Небывалый эмоциональный подъем, который успешно формировался в советском обществе с решающей помощью послевоенного кинематографа, позволял коммунистической партии придавать жизни каждого человека визуальный, общезначимый социальный смысл, создавая, поддерживая и успешно эксплуатируя идеологическую и повседневную иллюзию

единого социального организма, представленного мифическим хронотопом прошлого, настоящего и будущего, индивидуального и коллективного, сакрального и профанного.

Именно таким образом создавались предпосылки для формирования общности, в которой человек не только не растворялся бы в социальной массе, но наоборот, проявлял самого себя, демонстрировал свои лучшие индивидуальные и коллективные качества. На примере шестисерийного фильма «Два капитана» (1976 г.) советские дети учились мужеству, серьезному отношению к жизни, тому, что героизм имеет повседневный характер, а у старших нужно учиться самому лучшему (рис. 1).



Рис. 1. «Бороться и искать, найти и не сдаваться». Кадр из фильма «Два капитана», режиссер Евгений Карелов, 1976 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a5jc>

Поэтому советские фильмы послевоенной эпохи никак не производили бездумную массу и не усугубляли «дискурс отсутствия и опустошения после войны» [Veumers 2020: 217], а, скорее, служили гарантированной образно-символической и экзистенциальной «прививкой» подобных состояний, надежной визуальной пропедевтикой архетипической индивидуации и коллективного единения людей.

Выдающийся советский кинорежиссер Сергей Герасимов уже в 1948 году снимает двухсерийную ленту о беспримерном подвиге вчерашних школьников из маленького шахтерского городка Краснодона в Луганской области, которые под руководством старших товарищей создают организованное подполье, героически противостоящее фашистским оккупантам (рис. 2).



Рис. 2. «Это было в Краснодоне, в грозном зареве войны. Комсомольское подполье поднялось за честь страны (текст А. Филатова)». Кадр из фильма «Молодая гвардия», режиссер Сергей Герасимов, 1948 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a5kf>

Необычайно чувственно насыщенный контекст послевоенного кинематографа создавал визуальные предпосылки осознания идеологического значения и коллективных перспектив личностного и социального роста человека, как неотъемлемой части новой исторической общности – советского народа. Посредством сложных сюжетных композиций советское кино, создавая и успешно продвигая в массы «модель нового человека» [Druzhnikov 2017: 97], превратилось в несомненного лидера визуальной мифологизации политико-идеологической и социокультурной жизни государства и общества.

Одним из ярчайших примеров такого принципиально нового для мирового кинематографа образа может служить герой Евгения Урбанского, рядовой коммунист Василий Губанов, из фильма Юрия Райзмана (рис. 3). Подобные закономерности обусловили специфику образно-символических персонификаций в советском кинематографе. Именно здесь наиболее удачно «соединились соответствующие историческим реалиям и мифологические сюжетные линии» [Трофимов 2020: 114], имеющие цивилизационную и общекультурную ценность [Hawkins 2018] и непосредственно соответствующие архетипическим принципам зарождения и развития индивидуального сознания.

Именно в такой форме послевоенный советский кинематограф и «стал одновременно объектом ностальгии, объектом мифологизации и объектом деконструкции мифов» [Nemchenko 2020: 319], приобрел исключительную экзистенциальную



Рис. 3. «Вместе это был тот народ, та Россия, которая опрокинула старый мир». Кадр из фильма «Коммунист», режиссер Юлий Райзман, 1957 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33Qfch>

ценность, поскольку сумел органично соединить индивидуальные порывы с общезначимыми социальными идеалами и коллективным стремлением к их воплощению в жизнь. В этих художественных произведениях создавались и активно пропагандировались необычайно действенные мифические иллюзии по поводу возможности реализации общественных идеалов именно как результатов воплощения смысла жизни каждого отдельного человека. Возвышающие художественные киноиллюзии той поры не только активно формировали и пропагандировали на весь мир особую архетипическую атмосферу советского общества, позволяя переосмыслить «эстетические возможности кинематографической среды» [Kim 2018: 19], но и способствовали

созданию и продвижению уникальной героической мифологии, культурное и идеологическое значение которой вообще трудно переоценить.

Выдающимся примером подобной киномифологии советской эпохи может служить образ героя-летчика Алексея Мересьева из фильма А. Стоплера «Повесть о настоящем человеке», снятом по одноименной книге Бориса Полевого. Лишившись обеих ног, летчик-истребитель не только нашел в себе силы и мужество вернуться в строй, но и героически сражался с фашистами, подавая пример своим товарищам и вдохновляя на подвиги всю советскую страну (рис 4).



Рис. 4. «Но, ведь ты же советский человек» (Б. Полевой). Кадр из фильма «Повесть о настоящем человеке», режиссер Александр Столпер, 1948 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://www.shkolazhizni.ru/img/content/i224/224840_or.jpg

Как раз послевоенные годы становятся временем экзистенциального переосмысления базовых политических идеалов, способов их идеологического обоснования, сценариев художественного осмысления и кинематографической визуализации. На смену былой безапелляционности пропагандистских штампов в пространство советского кино постепенно приходит вдумчивое и внимательное рассмотрение неоднозначности и противоречивости социальных процессов, с которыми столкнулось не только все советское общество, но и каждый отдельный человек. Это обусловило определенное критическое отношение кинематографистов, героев их произведений, да и самих зрителей к уже устоявшимся в обществе социально-ролевым моделям взаимодействия в контексте реализации политико-идеологической стратегии советской власти. Притом, что все участники коммуникации продолжали разделять ее стратегическую идеологию, возникала и насущная потребность в установлении критических несоответствий в тактиках ее реализации с архетипическими ожиданиями каждого отдельного человека и всего общества.

Эпохальным событием для нескольких поколений советских людей стал многосерийный фильм «Семнадцать мгновений весны», впервые в истории советского кинематографа продемонстрировавший образ героя как высоконравственного разведчика-профессионала. Полковник советской разведки Максим Исаев, представший перед зрителями в образе штандартенфюрера СС Штирлица, является воплощением деятельного патриотизма, небывалого мужества, стойкости и

выдержки на фоне тех испытаний, которые он, находясь в логове врага, героически проходит с тем, чтобы освободить свою Родину и весь мир от чумы фашизма (рис. 5).



Рис. 5. «А в общем, надо просто помнить долг от первого мгновенья до последнего...» (Р. Рождественский). Кадр из фильма «Семнадцать мгновений весны», режиссер Татьяна Лиознова, 1973 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://ia801402.us.archive.org/7/items/img308_202112/img608.jpg

Постановка проблемы

Советский послевоенный кинематограф выступил не только авангардом идеологии коммунистического общества, но и стал значимой художественной стратегией визуализации и продвижения мифологии советского человека. Одним из магистральных направлений развития советского кино в этот

период явилась рефлексия над темой детства как необходимого элемента в создании полноценного образа советского человека.

Вопросы исследования

В статье будет рассмотрен ряд значимых вопросов:

- 1) индивидуальные основы мифа советского человека;
- 2) киномифология советского детства как стратегия поддержания позитивной социальной динамики.

Цель исследования

Целью статьи является анализ принципов мифологизации советского детства как одного из ключевых архетипических сюжетов становления идеологемы советского человека.

Методология и методика исследования

Как показал мониторинг отечественных исследований, архетипическая мифология советского кинематографа рассматривается в настоящий момент достаточно фрагментарно, ситуативно и бессистемно. Это свидетельствует об определенной неготовности отечественного научного сообщества к практической реализации такой стратегии. Ведь оно все еще предпочитает избегать использовать признанные во всем мире методологические стратегии, несмотря на существование самостоятельной, всесторонне апробированной и прекрасно зарекомендовавшей себя традиции психоаналитических исследований как собственно кинематографа, так и искусства в целом. Поэтому, авторам особенно близки, актуальны и полезны

системные размышления Н. Хренова [Хренов 2016], который считает, что без признания архетипической подоплеки визуального искусства зрители и исследователи кино не смогут выйти на актуальные горизонты интерпретации процессов, связанных с кинематографическим отображением индивидуальной и социокультурной реальности ушедшей от нас советской эпохи, понять тенденции развития современной визуальной и цифровой культуры.

Эти идеи адекватно коррелируются с художественными и визуальными тенденциями в западной гуманитарной мысли, оказавшейся наиболее чувствительной к юнгианской методологии, выступающей ключом для изучения практических всех текстов культуры. Отдельную группу источников составляет корпус текстов, посвящённых традиции междисциплинарного изучения советской повседневности, которая была неизменным «героем» визуальной мифологии советского кино. Ее изучение позволяет осуществить развернутый анализ стратегий мифологизации и идеологизации базовых образов, конструировавших и продвигавших художественную доктрину советского кинематографа послевоенного периода. Особый смысл героике советских послевоенных фильмов придавала тема детства, плодотворно рассматриваемая в ряде научных трудов [Теплова 2020].

Результаты исследования

Послевоенный период в истории советского кинематографа является примером безусловного доминирования новых

художественных практик и моделей интерпретации героического. Даже если зрителю было заранее известно социальное происхождение главных героев, тем не менее, конфликт всегда разворачивался не в связи с глобальными военными, трудовыми или же идеологическими схватками, но выстраивался вокруг внутренних индивидуационных процессов, связанных со стремлениями очертить возможные сценарии их бессознательной, позитивной сублимации и последующей социальной личностной самореализации героев. В этом контексте визуальный, кинематографический миф советского человека был непосредственно ориентирован на решительное освобождение от каких бы то ни было социальных предрассудков, на полагание индивидуальных чувств и мыслей в качестве ведущего социоформирующего начала советского народа как особой и принципиально новой для человечества социальной и культурной общности.

Именно семидесятые годы стали периодом глубочайшего и всестороннего переосмысления, в том числе и кинематографического, того огромного, трагического и во многом противоречивого опыта советского строительства и созидания человека нового типа. Многосерийный фильм киевского режиссера Григория Кохана «Рожденная революцией» визуализирует традиционную для советского кинематографа той поры идею поколенческой киноэпопеи, в которой судьба страны, судьбы народа и судьбы представителей конкретной семьи предстают едиными и неразрывными (рис. 6)



Рис. 6. «Мой пожизненный пост – вся огромная наша страна» (Н. Добронравов).
Кадр из фильма «Рожденная революцией», режиссер Григорий Кохан, 1974–1977 годы.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a5rU>

Именно непрерывные ручейки уникального индивидуального опыта и становились теми живительными источниками и залогом успешного преобразования коллективных настроений, тысячекратно апробированных и уже потому объединяющих идеологических и социокультурных практик. Поэтому герой советского кинематографа послевоенного периода впервые в истории страны привлекает внимание миллионов зрителей именно своей повседневностью и уникальными сценариями приобретения и последующего воплощения экзистенциального

опыта, в рамках которого и происходит его индивидуация. Это подтверждает авторскую гипотезу о том, что присутствие подобного символического контекста в советском кино непосредственно указывает на его исключительно мифологическую и архетипическую направленность, объясняющую «повторяемость и кажущуюся универсальность у людей определенных переживаний и образов [Rosemary 2017: 104].

Созданная в 1966–1968 годах режиссером Эдмоном Кеосаяном диалогия о приключениях «неуловимых мстителей» обращает внимание юного и более взрослого советского кинозрителя на архетипические сценарии становления образа героя, гарантированно реализующиеся независимо от его социального происхождения, рода занятий и даже возраста. Фактически дети, не имеющие ни боевого опыта, ни даже образования по зову сердца встают на защиту идеалов добра и справедливости, героически освобождая родную землю от классового врага. На фоне заходящего солнца четверка юных героев символизирует принципиально новый советский контекст библейской мифологии всадников Апокалипсиса. И если в Откровении Иоанна Богослова всадники, провозглашая конец всего сущего, несут смерть, голод, чуму и войну, то в контексте советской революционной киносимволики дети-герои символизируют начало новой жизни, новой эры, Мира, Добра, Счастья и Справедливости (рис. 7).



Рис. 7. «Польхает гражданская война от темна до темна...» (Р. Рождественский).
Кадр из фильма «Неуловимые мстители», режиссер Эдмонд Кеосаян, 1976 год.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://i.imgur.com/oxzрХАН.jpg>

Фактически советский послевоенный кинематограф представляет собой уникальный пример вдумчивого, бережного и критического отношения к идеалам классической культуры, которые формировались вокруг категории «сакрального» и спектра ее социокультурных интерпретаций, закладывая основы «национальной кинематографической традиции» [Kovalova 2017: 96]. Поэтому за совершенно ничтожный по историческим меркам промежуток времени советскому кинематографу удалось выявить, осмыслить и визуализировать различные грани этого сложнейшего культурного явления, идеологически сублимировать классические представления о сакральном. Более того, ему удалось точно соотнести эти идеалы с экзистенциальными запросами человека и заново пересобрать эти важнейшие

смыслы в контексте новой социокультурной ситуации. Именно такие смыслы и составили экзистенциальную основу мифологии советского человека, в которой наиболее ярко отразились «усилия по сознательному усвоению человеком смысла своего положения в социальном пространстве» [Дмитриев 2017: 198].

Следует отметить, что в кинематографической мифологии советского человека тема детства занимает совершенно особое и значительное место. Как раз в этом смысле она представляет особо ценный и поистине уникальный исследовательский материал. Необычайно мощная актуализация такой темы в советском кинематографе послевоенного периода недвусмысленно указывает на масштабную мифологизацию детства как неотъемлемого компонента в создании целостной идеологической парадигмы формирования мифа советского человека. Эту задачу успешно решал советский детский кинематограф, которому не только впервые в мире удалось визуализировать весь процесс становления ребенка как будущего члена советского общества, но и акцентировать особое внимание на проблеме формирования сознания и чувств маленького человека, а также на взаимной сообразности ребенка и всего социокультурного контекста его социализации. Поэтому именно киномифология советского детства особо актуальна для понимания становления и последующего функционирования вообще всей героической парадигмы архетипического мифа советского человека.

На пристальное внимание к этой теме указывает и целостный подход коммунистической идеологии к процессу конструирования

и последующей кинематографической популяризации мифологии советского человека. Детство вообще превращается в самостоятельный и крайне значимый сюжет этого мифа, поскольку позволяет зафиксировать необходимые этапы становления советского героя. «Образ детства ценен уникальностью переживаний ребенка, его способностью задавать философские вопросы, детально изучать мир, видеть его несовершенства» [Лефман 2019: 137]. Фактически образы героев советского кино – воинов, тружеников, творцов, романтиков, мечтателей и т. д. невозможны без мифической отсылки к ранним периодам их биографии, которая не только делает понятной их социальную миссию, но и позволяет проникнуть во внутреннюю драматургию образов, отражающую все возможные конфликты детства и взрослости (рис. 8).

Так режиссер Константин Бромберг в разгар брежневского «застоя» создал поистине шедевральною детскую кинокартину «Приключения Электроника», которая мгновенно стала любимой практически для всех советских детей любых возрастов. Показательно, что, как и абсолютное большинство советских киноработ для детей, фильм не просто развлекает молодое поколение советских людей, но и терпеливо и ненавязчиво учит их быть хорошими людьми и настоящими гражданами своей великой страны. Тогда как стратегия визуального воспитания и образно-символического взросления зрителя-человека, по мнению авторов статьи, вообще является уникальной, достойной изучения и продолжения визитной карточкой советского послевоенного кинематографа, особенно детско-юношеского. В этой связи,

«Приключения Электроника» можно считать одним из наиболее удачных примеров советской технологичной сказки, наглядно воплощающей архетипическую мифологию советского человека (рис. 8).



*Рис. 8. «Но ты человек, ты и сильный, и смелый.
Своими руками судьбу свою делай,
Иди против ветра, на месте не стой!
Пойми, не бывает дороги простой». (Ю. Энтин).*

Кадр из фильма «Приключения Электроника», режиссер Константин Бромберг, 1979 год.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a5ur>

Осознание исключительной значимости образа ребенка в архетипической мифологии советского человека позволяет понять сакральные принципы этой идеологической доктрины и проинтерпретировать подобный мифологический сюжет как

визуализацию такого короткого, но столь драматического и противоречивого пребывания Бога в мире людей. Поэтому именно такие установки непосредственно архетипически сближают мифологию советского человека сразу со всеми сакральными культурами прошлых эпох. Очень удачный пример советской кинематографической мифолирики для юношества воплощён и в фильме режиссера И. Фрэза «Вам и не снилось», повествующем о нравственно-личных сторонах формирования архетипического образа советского героя (рис. 9).



*Рис. 9. «Это не сон, это не сон
Это вся правда моя, это истина.
Смерть побеждающий, вечный закон –
Это любовь моя» (Р. Тагор).*

*Кадр из фильма «Вам и не снилось», режиссер Илья Фрэнк, 1980 год.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a5xG>*

Показательно, что конфликт поколений удачно обращен авторами картины как раз в плоскость нравственного выбора в пользу личного самосовершенствования, отстаивания собственного мнения и позиции, вопреки косности традиций. Следует указать, что характерная для послевоенного периода развития СССР кинематографическая феноменология детства выступает крайне эффективной психоаналитической технологией удержания в поле сознания современников наиболее значимых экзистенциальных проблем. Снимая фильмы о детях, советские режиссеры интуитивно создавали условия, препятствующие бессознательному вытеснению переживаний по поводу противоречивого характера социальной коммуникации, создавали возможности удержания и освоения внутреннего опыта в актуальной памяти новых советских поколений. Подобная практика с психоаналитической точки зрения выступала формой мифосимволической пропедевтики внутреннего раскола индивида, формировала предпосылки перманентного диалога с его непрерывно открывающимися способностями, которые, благодаря подобным визуальным образцам, становились поводами к реальному эмоциональному, сознательному и деятельному развитию человека.

Учитывая естественный интерес детской и подростковой аудитории к тайнам, загадкам, стремлению познать и разобраться в себе и окружающем мире, советские кинематографисты, необычайно плодотворно работавшие по созданию сотен фильмов для детей и юношества, стремились выстраивать канву кинопроизведений с тем, чтобы разбираясь в хитросплетениях

сюжетов, юный зритель одновременно стремился разобраться и в самом себе, и в реально окружавшей его жизни. Учился ценить прошлое, дорожить настоящим и верить в светлое будущее. В этом плане кинотрилогия «Кортик», «Бронзовая птица» и «Последнее лето детства», созданная в 1973–1974 годах режиссером Николаем Калинин по роману Анатолия Рыбакова, последовательно демонстрирует молодому поколению Страны Советов этапы постепенно физического, нравственного и интеллектуального взросления необычайно вдумчивых и духовно зрелых детей.



Рис. 10. «Пламя разгорается на весь земной простор, быть первыми время нас учит. Ты гори, гори мой костер, мой товарищ, мой друг, мой попутчик» (Б. Окуджава). Кадр из фильма «Бронзовая птица», режиссер Николай Калинин, 1974 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a62Y>

Конечно, как и всем детям им хочется дурачиться и баловаться, им свойственно ошибаться и заблуждаться, но они готовы учиться, стараются и не унывают, сознавая ответственность за судьбы своего поколения и всей страны (рис. 10).

Таким образом, советским кинематографом была впервые создана и на протяжении жизни нескольких послевоенных поколений эффективно апробирована идеологическая парадигма визуального придания непрерывно открывающимся и ранее неизвестным сторонам человеческой натуры индивидуальной и социальной значимости, обеспечивавшая, в итоге, как устойчивое индивидуальное развитие, так и придававшая позитивную динамику жизни общества в целом.

На подобном антропологическом фундаменте мифология советского человека успешно формировала уникальные условия для комфортного и неконфликтного вхождения каждого человека в мифологическое пространство культуры, которое предполагало гармоничное сочетание его чувств, мыслей и действий, а, с другой стороны, в его лице, органично соединяло прошлое, настоящее и будущее. Архетипические киноистории о детстве героя, фактически выступали родовым стержнем мифологии советского человека, в которой обязательно были представлены все необходимые этапы индивидуации героя. «Юный герой, обладающий яркими качествами советского человека, устремленный в будущее и готовый за него бороться, оказывает влияние и на позитивные изменения своих родителей. Это фактически была серьезнейшая идеологическая установка, на

реализацию которой работали в том числе визуальные образы» [Теплова 2020: 149].

Именно поэтому подобные киномифы, непрерывно транслируемые на все социокультурное пространство страны, формировали предпосылки для создания действенного и результативного внутреннего диалога с собственными архетипическими содержаниями. Советский детско-юношеский кинематограф очень большое внимание уделял проективным построениям будущего, причем на всех уровнях: индивидуальном, групповом, коллективном, глобальном. Совершенно естественными для того времени были довольно непростые для представителей любых возрастов серьезные вопросы: «Кем быть?», «Каким быть?», «Какова моя будущая профессия?», «Что я могу сделать для себя, других, Родины, Мира?» и т. д.

Поэтому фантастическая литература и фантастический кинематограф пользовались бешеной популярностью, особенно у молодежи. В 1984 году режиссер Павел Арсенов создает многосерийный фильм «Гостя из будущего» по повести Кира Булычёва «Сто лет тому вперед», который сразу же полюбили все советские дети, да и не только они. Фильм учит дружбе, чуткости, внимательности к себе и окружающему миру. Он последовательно и настойчиво ориентирует молодое поколение советских детей на персональную и коллективную ответственность не только перед собой, своей Родиной здесь и сейчас, но и научает юношей и девушек вглядываться вдаль, стремиться за собой сегодняшним разглядеть себя завтрашнего, оценивать свои силы и знания,

развиваться, переживать и сострадать, активно помогать и беспокоиться.



*Рис. 11. «Я клянусь, что стану чище и добрее
И в беде не брошу друга никогда.
Слышу голос и спешу на зов скорее,
По дороге, на которой нет следа» (Ю. Энтин).*

*Кадр из фильма «Гостя из будущего», режиссер Павел Арсенов, 1984 год.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a6zk>*

Как раз на основании такого диалога формируется пространство непрерывно обновляемых контекстов содержательных взаимоотношений героя и архетипа «Матери», героя и архетипа «Отца». На уровне поступков героя результатом подобной коммуникации является формирование его убеждений о примордиальной роли семейно-родовых отношений в его жизни и

жизни всего общества. Именно поэтому тема семьи для советского послевоенного кинематографа, в котором непрерывно и тщательно «исследуется природа мифологем и визуальных кодов» [Sputnitskaia 2018: 58], стала одной из самых важных. Кроме того, она была блестяще пропущена через все возможные сюжетные линии, превратившись в эффективную идеологическую стратегию, поистине объединяющую не только визуальное пространство советского кино, но и всю геополитическую реальность советского общества в целом.



Рис. 12. «Это откудава это к нам такого красивого дяденьку замело? Иль чё забыл, сказать пришёл?». Кадр из фильма «Любовь и голуби», режиссер Владимир Меньшов, 1984 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3za678>

Прекрасный фильм режиссера Владимира Меньшова «Любовь и голуби» 1984 года насквозь пропитанный деревенской семейной мифологией, как раз и повествует о конфликте городского и деревенского как «нового» и «традиционного». Семья предстает основой бытия, мерилom мира и единственной формой организации коллективного существования людей, уникальным пространством зарождения и передачи поколенческого опыта. Поэтому попытки главного героя усомниться в ее высшей сакральной ценности выступают главным конфликтом киноповествования.

Выводы

Советский послевоенный кинематограф выполнял социальный заказ, успешно реализуя значимые идеологические функции, но в итоге, киношедевры, снятые в этот период, почти всегда оказывались несоизмеримо выше уровня тех политических, экономических и идеологических задач, которые были поставлены государством и коммунистической партией перед этой отраслью культуры. Поэтому он представляется авторам не только средством, но и уникальным визуальным пространством формирования и продвижения архетипического мифа советского человека как ключевой мифологемы советского дискурса [Dyrin 2021]. Демонстрируя зрителю мифологические и экзистенциальные образцы, советскому кинематографу и особенно его детскому сегменту, удавалось выводить общество на горизонты понимания того, что формирование личности каждого отдельного человека является единственным и неременным условием созидания и

продвижения коммунитарной общности нового типа. Причем, в отличие от декларативных политических лозунгов и программных положений партийных документов, реальные советские киноистории о детстве были несравненно более убедительным визуальным примером формирования и последующей реализации осмысленного жизненного выбора.

Таким образом, проведенный комплексный анализ, имеющийся на сегодняшний день исследований советской культуры, а также архетипической мифологии и идеологии советского послевоенного кинематографа, посвященного детству, позволяет констатировать не только возрастающую актуальность предмета исследования, но и отсутствие системных исследований в рамках заявленного проблемного поля. В то же время, уникальный мифоконструирующий опыт советской идеологии (которая была встроена «в процесс формирования культурной идентичности, обеспечивала единство ее ценностно-смыслового пространства и солидарность коммуникативных практик [Savelieva & Budenkova 2017: 114]), развернуто представленный детским послевоенным кинематографом, требует адекватной научной оценки и адаптации опыта советской визуальной идеологии для формирования воспитательных и консолидирующих стратегий в рамках современного российского общества. Ведь именно в нем, по мнению многих исследователей, начинаются процессы реставрации «идеализированного патриархально-имперского прошлого» [Kabysheva 2018: 62].

Литература

- Beumers, B. (2020). Studies in Russian and Soviet Cinema. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 14(3), 217, <https://doi.org/10.1080/17503132.2020.1814564>
- Druzhnikov, Y. (1997). The Myth: An Example of the New Man. In Druzhnikov, Y. (1997). *Informer 001. The Myth of Pavlik Morozov* (pp.97–106). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203788547-8>
- Dyrin, S. P. (2021). Portrait of a "Soviet man" in post-Soviet Russia. *Collection of Scientific Papers*, 3. <https://doi.org/10.18411/scienceconf-03-2021-54>
- Дмитриев, Т. (2017). «Переписывая» советское прошлое: о программе исследований «советского человека» Н. Н. Козловой. *Russian Sociological Review*, 16(1), 183–226. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-1-183-226>
- Hawkins, S. (2018). Myth and the human Sciences: Hans Blumenberg's Theory of Myth by Angus Nicholls. *Goethe Yearbook*, 25(1), 310–312. <https://doi.org/10.1353/gyr.2018.0022>
- Kabysheva, E. V. (2018). The character of "Patsan" as an image of masculine features in Russian cinema: characteristics and reasons of relevance. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism*, 31, 56–64. <https://doi.org/10.17223/22220836/31/5>
- Kim, O. (2018). Cinema and painting in Parajanov's aesthetic metamorphoses. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 12(1), 19–36. <https://doi.org/10.1080/17503132.2017.1415519>
- Kovalyova, A. (2017). World War I and pre-Revolutionary Russian cinema. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 11(2), 96–117. <https://doi.org/10.1080/17503132.2017.1300425>
- Хренов, Н. А. (2016). *Кино: реабилитация архетипической реальности*. Москва: Аграф.
- Лефман, Т. О. (2019). Образ детства как объект конструирования в отечественной анимации. *Вестник культуры и искусств*, 1(57), 137–143. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37212717> (дата обращения: 10.12.2022).
- Nemchenko, L. (2020). Strategies for Working with Soviet Past in the Post-Soviet Cultural Space (The Cases of TV-series Thaw, Kolyma Tales Performance by Yeltsin Centre's "V tsentre" theatre studio and Yury Dud's YouTube film Kolyma – Birthplace of Russia's Fear). *KnE Social Sciences*, 319–330. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i13.7727>
- Rosemary, G. (2017). Archetypes on the couch. In *Bridges. Psychic Structures, Functions, and Processes* (pp.104–127). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351313643-10>
- Savelieva, E. N., & Budenkova, V. E. (2017). The concept of the other as a manifestation of national and cultural identity in Soviet and Post-Soviet cinema. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 45, 114–119. <https://doi.org/10.17223/19988613/45/17>
- Sputnitskaia, N. (2018). Elements of the figurative structure of a science fiction film: a commentary on the script Morning Star by Aleksei Tolstoi and Samuil

Bolotin. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 12(1), 58–66.
<https://doi.org/10.1080/17503132.2018.1422222>

Теплова, Е. (2020). Визуальные образы советского детства. *Этнодиалоги*, 3(61).
<https://doi.org/10.37492/etno.2020.61.3.008>

Трофимов, А. В. (2020). Визуальные образы Великой Отечественной войны в советском послевоенном кино. *Исторический курьер*, 3(11), 113–124.
<https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-3-11>

Информация об авторах

Маленко Сергей Анатольевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

Некита Андрей Григорьевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии. Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID: 0000-0002-9254-2901, beresten@mail.ru

CIVIC SACREDNESS OF CHILDHOOD IN SOVIET FILM MYTHOLOGY

Sergey Malenko, Andrey Nekita

Abstract: after the Great Patriotic War, Soviet society began to rethink its own social values, transforming them in accordance with the new geopolitical reality. The existential rethinking of the majority of pre-war and military film plots made it possible to discover a new subject field for visualizing the mythology of the Soviet person. Soviet childhood, a necessary stage in the formation of the worldview of the Soviet person, is becoming such a space. The theme of childhood in the plot palette of Soviet cinema definitively affirms the motif of the artistic depiction of people's everyday life, which allows one to focus on the visualization of the processes of formation of individual feelings and thoughts of movie characters. References to the early periods of biography make it possible to more fully reconstruct and visualize the existential dramaturgy of the Soviet person. Thus, the preconditions for the development of individual experience were created as a condition for the formation of the actual memory of Soviet generations, which were eminently productively used by communist ideology. Such a practice has an undoubted psychoanalytic value and acts as the basis for a person's internal dialogue with themselves and with society as a whole. Despite the obvious political bias of the post-war Soviet cinema, it managed to correspond to the archetypal models of classical mythologies as much as possible and maintain the proper level of sacredness in society.

Keywords: archetype, childhood mythology, cinematography, Soviet person, visual ideology.

References

- Beumers, B. (2020). Studies in Russian and Soviet Cinema. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 14 (3), 217, <https://doi.org/10.1080/17503132.2020.1814564>
- Druzhnikov, Y. (1997). The Myth: An Example of the New Man. In Druzhnikov, Y. (1997). *Informer 001. The Myth of Pavlik Morozov* (pp.97–106). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9780203788547-8>
- Dyrin, S. P. (2021). Portrait of a "Soviet man" in post-Soviet Russia. *Collection of Scientific Papers*, 3. <https://doi.org/10.18411/scienceconf-03-2021-54>
- Dmitriev, T. A. (2017). «Perepisyvaia» sovetskoe proshloe: o programme issledovaniia «sovetskogo cheloveka» N. N. Kozlovoi ["Rewriting" the Soviet past: about N. N. Kozlova's research program for the "Soviet man"]. *Russian Sociological Review*, 16(1), 183-226. (In Russ). <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-1-183-226>
- Hawkins, S. (2018). Myth and the human Sciences: Hans Blumenberg's Theory of Myth by Angus Nicholls. *Goethe Yearbook*, 25(1), 310–312. <https://doi.org/10.1353/gyr.2018.0022>
- Kabysheva, E. V. (2018). The character of "Patsan" as an image of masculine features in russian cinema: characteristics and reasons of relevance. *Bulletin of Tomsk State University. Cultural studies and art criticism*, 31, 56–64. <https://doi.org/10.17223/22220836/31/5>
- Kim, O. (2018). Cinema and painting in Parajanov's aesthetic metamorphoses. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 12(1), 19–36. <https://doi.org/10.1080/17503132.2017.1415519>
- Kovalova, A. (2017). World War I and pre-Revolutionary Russian cinema. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 11(2), 96–117. <https://doi.org/10.1080/17503132.2017.1300425>
- Khrenov, N. A. (2016). *Kino: reabilitatsiia arkhjetipicheskoi real'nosti* [Cinema: the rehabilitation of archetypal reality]. Moscow: Agraf Publ. (In Russ).
- Lefman, T. O. (2019). Obraz detstva kak ob"ekt konstruirovaniia v otechestvennoi animatsii [The Image of Childhood as an Object of Design in Russian Animation]. *Vestnik kul'tury i iskusstv* [Bulletin of culture and arts], 1(57), 137–143. (In Russ). Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37212717> (accessed: 10.12.2022).
- Nemchenko, L. (2020). Strategies for Working with Soviet Past in the Post-Soviet Cultural Space (The Cases of TV-series Thaw, Kolyma Tales Performance by Yeltsin Centre's "V tsentre" theatre studio and Yury Dud's YouTube film Kolyma – Birthplace of Russia's Fear). *KnE Social Sciences*, 319–330. <https://doi.org/10.18502/kss.v4i13.7727>
- Rosemary, G. (2017). Archetypes on the couch. In *Bridges. Psychic Structures, Functions, and Processes* (pp.104–127). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781351313643-10>

- Savelieva, E. N., & Budenkova, V. E. (2017). The concept of the other as a manifestation of national and cultural identity in Soviet and Post-Soviet cinema. *Bulletin of Tomsk State University. History*, 45, 114–119. <https://doi.org/10.17223/19988613/45/17>
- Sputnitskaia, N. (2018). Elements of the figurative structure of a science fiction film: a commentary on the script Morning Star by Aleksei Tolstoi and Samuil Bolotin. *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 12(1), 58–66. <https://doi.org/10.1080/17503132.2018.1422222>
- Teplova, E. F. (2020). Vizual'nye obrazy sovetskogo detstva [Visual images of Soviet childhood]. *Etnodialogi* [Ethno dialogues], 3(61). (In Russ). <https://doi.org/10.37492/etno.2020.61.3.008>
- Trofimov, A. V. (2020). Vizual'nye obrazy Velikoi Otechestvennoi voiny v sovetskom poslevoennom kino [Visual images of the Great Patriotic War in Soviet post-war cinema]. *Istoricheskii kur'er* [Historical courier], 3(11), 113–124. (In Russ). <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2020-3-11>

Author's information

Malenko Sergey Anatolyevich – Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburgskaya ul., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0003-4828-0171, olenia@mail.ru

Nekita Andrey Grigorievich – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology at Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41 B. St. Petersburgskaya ul., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0002-9254-1901, beresten@mail.ru

For citation:

Malenko, S. A., & Nekita, A. G. (2023). Civic sacredness of childhood in soviet film mythology. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 109-139. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-109-139](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-109-139)

УДК 130.2+141.2

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-140-166](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-140-166)

YALTA-45: ШОК-КОНТЕНТ В СМЕХОВОМ ХРОНОТОПЕ ЯЛТИНСКОГО МИРА



Олег Шевченко,
Крымский федеральный
университет
им. В. И. Вернадского
(Ялта, Россия)

Oleg Shevchenko,
V. I. Vernadsky Crimean
Federal University
(Yalta, Russia)

ORCID: 0000-0002-1362-2875
e-mail: skilur80@mail.ru

Для цитирования статьи:

Шевченко, О. К. (2023). Yalta-45: Шок-контент в смеховом хронотопе Ялтинского мира. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 140-166. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-140-166](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-140-166)

Аннотация: в статье рассматривается эмпирика хронотопа власти «Ялтинский мир» в контексте техник смеха как фактора существования хронотопа «Yalta-45». Использование элементов шок-контента, оказывающих на зрителя комплексное стрессовое восприятие, позволяет нарраторам «Ялты-45» уничтожать смыслы всеобъемлющего Ялтинского мира, низводя его до плоского формата рядового, смешного и достаточно отвратного исторического события. Автор статьи делает вывод, что достижение нового мироустройства в формате Ялта 2.0 возможно

исключительно при умелом и грамотном парировании западных смеховых нарративов и формировании собственной шок-контентной базы для Ялтинского мира. Её основой могут стать наработки советских экспертов, которые системно работали со смеховой культурой Ялтинского мира, как в области плакатной живописи, так и прозы.

Ключевые слова: Ялтинская (Крымская) конференция, хронотоп власти, власть смеха, политический юмор, историческая сатира.

Введение

Совершенно очевидно, что «Ялта-45» (Крымская, или Ялтинская конференция глав трех держав 1945 года) стала триггером для создания нового миропорядка, причем этот порядок был не единым, а бинарным. Так, англо-американский горизонт события существенно и качественно *отличается* от советско-российского. В случае с англо-американской оптикой подлинный источник современности – это Вестфаль 1648 года и сопровождавшие его события [Trent & Schnurr 2018: 22]. Западный элемент бинарной оппозиции относит зарождение существующего баланса сил и тактик власти в современных международных отношениях к 1648 году. «Организация Объединенных Наций является не первой, а третьей в ряду международных организаций (*перевод наш. – авт.*)» [Trent & Schnurr 2018: 22] после Вестфальской (1648) и Венско-Версальской (1815/1918) систем. А события Второй мировой войны западные политики и эксперты называют по аналогии с военным конфликтом, закончившимся Вестфалем-1648, «второй Тридцатилетней войной», и именно на этом основании формируют пул реакций на современные текущие международные события [Магадеев 2019: 286]. Причем последние в значительной мере направлены на планомерную раскачку «этнических»

составляющих Ялтинской конференции (иногда и без явных, формальных ссылок на «Yalta-45»), что заставляет их отнести к феномену, именуемому «этнократия» [Шевченко 2020].

Для советского и российского горизонта источник современности в рамках международных отношений располагается в серии международных конференций 1945 года: Ялта – Потсдам – Сан-Франциско.

Это очень важный момент. В отечественном дискурсе речь идет о некой реальности, оформившейся как уникальный результат сложного переплетения международных отношений конца одной исторической эпохи и начала другой. С 1917 до 1945 года происходило становление советского государства и вхождение его в лидеры мировой системы отношений. Старое-«Новое время» уже закончилось, а «Новейшее время»-современность – еще только оформлялось как ставшее. И 1945 год – это момент кристаллизации в процессе обретения настоящим статуса ставшего.

Для англо-американского видения настоящего международные отношения «Pax Yalta» – это лишь модус Вестфалия или Версаля в изменчивой, текучей, непостоянной расстановке сил, начавшейся в начале семнадцатого века, или, как вариант, один из аспектов валлерстайновского мира-экономики, сформировавшегося еще в 1450 году [Новиков 2015: 134]. В любом случае «Pax Yalta» – это лишь одна из возможных, преходящих, по определению несовершенных и неизбежно ликвидируемых в будущем форм мирового порядка. С изменением локальных причин ее появления – окончанием Второй мировой и

Холодной войны, – исчезает и определяемый ими баланс сил. Позитивную альтернативу эпистеме «Рах Yalta» или хронотопу «Ялтинский мир» западная модель не предлагает. Так, например, обращение к «Фултону-46» является целью разрушения «Ялты-45», но никак не создания, например, эпистемы власти «Рах Fulton». Ведь расклад соотношения сил, который обозначается тем или иным «Рах», всегда ситуативен. Неизменен лишь источник международной системы отношений: множественность баланса сил, который впервые появился в семнадцатом веке в Европе и до сих пор определяет конфигурацию властных отношений.

Такая бинарность закладывает особые, ни с чем не сравнимые смеховые, почти бахтианско-раблезианские хронотопы площадного слова [Бахтин 1990: 159-216], праздника [Бахтин 1990: 217-305], пиршества [Бахтин 1990: 305-335], тела [Бахтин 1990: 335-407] и даже <...> отправления физиологических «низменных» потребностей [Бахтин 1990: 407-481]. Причем речь идет не столько о бахтианском хронотопе – особом микрокосмосе, своеобразном пространственно-временной реальности произведения искусства [Бахтин 1975], сколько об элементе бытийствующего бинарного хронотопа власти: советско-российского и англо-американского.

История проблемы и методология исследования

В России имеются хорошие примеры анализа смехокультуры в политическом поле [Руженцева, Шустрова & Ворошилова 2015].

143

Присутствуют также отличные материалы по анализу отдельных частей смехокультуры политического поля, например в области

истории карикатур [Мельников 2017]. Но мы смогли обнаружить лишь одну научную работу, которая поднимала бы тему смеха и юмора в связи с Ялтинской конференцией [Пигулева 2013]. Однако она написана довольно давно, а ее автор обращал внимание скорее на художественный контент, чем на философские или культурологические аспекты.

Более того, линия на встроенность, тех же карикатур в формирование определенной реальности, которая гораздо шире политического дискурса смеха и претендует на фундаментальные мировоззренческие установки относительно времени и пространства системной реальности (бытия), укорененности зрителя/слушателя в конкретном мире со своим хроносом и топосом вообще не поднималась ни в отечественной, ни в зарубежной традиции. Мы утверждаем, что именно смеховая техника формировала нарратив, создающий и питающий ту или иную оппозицию бытийствующего хронотопа.

Визуализация через смех не только всегда использовала существовавшие артефакты события: фотографии, кинохронику, мемуары, но и стремилась снять их, подменить своим смеховым контентом. Редко сатирическим, но гораздо более часто комедийно-шутовским, а иногда и трагико-комическим фарсом. Гротеск и карнавальность подминала иронию, политическую остроту или возвышенный, пафосный юмор эпического масштаба. Это характерно для обеих сторон бинарной оппозиции. Впрочем, для советско-российского дискурса изначально был скорее характерен площадно-сатирический диалог, в отличие от англо-американского комиксно-плакатного воплощения той же

политической сатиры. Однако по мере исчерпания советского хронотопа «Ялтинский мир» и осознание угасания этой модели мироустройства смеховые техники стали работать все энергичней и энергичней в пользу англо-американской модели «Yalta-45» пока, в конечном счете, юмор не ушел из российских техник полностью на сторону англо-американской оппозиции Ялтинского мира [Шевченко 2021: 288–365].

Советский площадно-сатирический диалог «Ялтинский мир»

В качестве характерного образца советского площадно-сатирического диалога мы целиком приведем следующий текст 1966 года, о диспуте, якобы происходившем в 1945 году в Ливадийском дворце:

«<...> Значит, оне в те поры собраньё – комитет проводили, что да как решали, как войну завершить и как дальше делу быть. Ну, это дело такое, все время за столом не высидишь, пошли отдохнуть, в палисаде и скамеечки крашенные для их приготовлены. Сидят оне, отдыхают, перекур вроде. И разговорились, друг мой, насчет Гитлера. А что, робята, говорят, ежели бы нам сейчас этого Гитлера сюда залучить, чего мы с ним, сукой, сделали? Какую ему, подлюге, казню постановили?

Федор переставил ведерко с окунем, покашлял.

– Да. Англичец – Черчилль, значит, говорит, что надо бы его, вражину, поставить перед всем народом да на перекладине и повесить, как в старину вешали, чтобы неповадно другим было. «А вы, – спрашивает, – вы, господин американской Рузвельт, как думаете?» Рузвельт это подумал и отвечает, что нечего с Гитлером

и канитель разводите. Пулю в лоб, да и дело с концом, чем скорее, тем лучше. Да. Доходит, значит, очередь нашему русскому Сталину говорить. Так и так, а вы как, Иосиф Виссарьевич? Сталин трубку, значит, набил и говорит: «А вот что, товарищи, я сам это дело не буду решать, а давайте мы у часового вон спросим. Позвать, – говорит, – сюда советского часового». А часовой на посту стоял в кустиках. Значит, охранял начальство. Прибежал, доложил по уставу. Так и так, товарищ Сталин, прибыл боец такой-то. По стойке «смирно» встал, ждет, чего дальше будет. «Чего ты, братец, – спрашивают, – чего бы с Гитлером сделал, ежели бы он сейчас в наших руках был?» Солдатик говорит, что надо сперва этого Гитлера изловить, а потом бы уж говорить. «Ну, а все ж таки, ежели бы он пойман был», – спрашивают. «А я бы, – говорит, – вот что сделал. Я бы, – говорит, – первым делом взял кочергу от печки». – «Ну?» – спрашивают. «Вторым делом, – говорит, – я бы эту кочергу на огне докрасна накалил». – «Ну?» – «Ну, а потом бы и сунул эту кочергу прямо Гитлеру в задницу. Только холодным концом сунул бы». – «Это почему, – вожди-то спрашивают, – холодным?» – «А это, – говорит, – чтобы союзники не вытащили» [Белов 1965].

Источник этой сатиры – вполне аутентичный диалог о технологии наказания нацистских преступников зафиксированный в стенограммах Ялтинской конференции, но его площадно-базарный формат выводит исторический артефакт (речь конкретных людей в конкретном месте) в метафизическую область, значительно расширяя значение отдельных технических нюансов «Ялты-45» до масштабов Ялтинского мира, который обязан

исключить возможность возрождения фашизма через совместные усилия англо-американских лидеров. Будущее в этой сатире есть неотъемлемая часть настоящего, а прошлое, проходит не по реестру «некогда бывшего», а возводится в ранг «изнанки» все того же настоящего.

Англо-американская визуализация «Yalta-45»

Сравним визуализацию Ялты через политическую сатиру англо-американского хронотопа. Ниже представлен американский плакат: «Большая тройка, 1945» (вероятно, сюжет был взят из одноименного английского комикса 1945 года).



Рис. 1. «И как мы себя чувствуем сегодня?» Английский комикс, 1945 год, сэра Бернарда Партриджа, изображающий Черчилля, Рузвельта и Сталина, опубликованный вскоре после их встречи в Ялте.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://ok.ru/vov1945/topic/151943366381583>

По сути, перед нами ситуативная реальность, актуальная лишь в момент болезни Мира и исчезает, растворяется, поглощается сразу после его выздоровления/восстановления. О такой же техничности нам говорит еще один кадр из американского мультфильма.

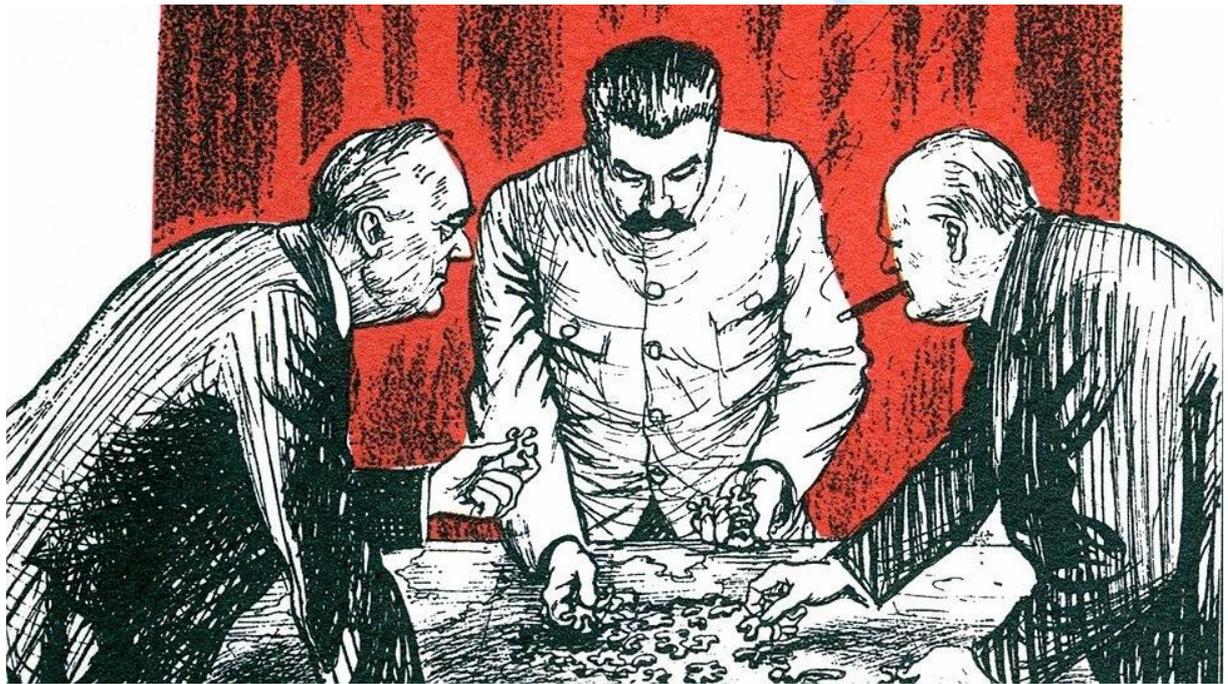


Рис. 2. «Проблемы с некоторыми частями». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://magazine.punch.co.uk/image/10000XRc9zcLKs4Q>

После того, как пазл будет собран, нужда в архитекторах явно отпадет сама собой. А сама структура пазла крайне фрагментарна и требует регулярной пересборки реальности. Будущего в обоих случаях – нет, но и прошлое также отсутствует. Есть лишь ситуативное настоящее как боковая ветвь или забавный эпизод иной возможной динамики мировых отношений, крайне далекой от Ялтинского мира советского хронотопа (рис. 2).

Об этом же и еще один комикс из 1951 года.



PLANNER'S PROGRESS

Рис. 3. «Прогресс планировщика».

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/kWrson>

Мы видим одного из архитекторов такого мира, в котором отпала нужда. С ушедшим в небытие мироустройством ключевой планировщик и сам стремительно деградирует. Или, как иронично

указано на карикатуре (рис. 3), «прогрессирует» от центра внимания в Ялте (плакат на левой стороне стены) до классического: «Враг общества №1» (с правой стороны).

Похожий финал у англо-саксонского видения мира Ялты, то есть: техничность, герметичность «Yalta-45», оканчивающийся конкретным событием, после которого наступает забвение, хорошо виден и в примере из американского комикса (рис. 4).



Рис. 4. «Ялтинская конференция должна была решить, что произойдет в послевоенный период». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/YOuQ1>

Сливаться англо-американский и советский хронотопы начинают лишь в восьмидесятые годы XX века. А «слипание» смеховых практик и их полная приватизация западными визави фиксируется уже в девяностые годы. Мы находим, что они создаются в рамках одного набора нарративов и эксплуатируют

мало отличающиеся от произведения к произведению символы, образы и знаки.



Рис. 5. «Ялтинская конференция».

Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
<https://i.pinimg.com/originals/58/8a/c1/588ac167fdea6f039e9748e07c0765c8.jpg>

Сама же линейка шок-контента имеет диапазон от нейтрально-юмористических (рис. 4) до агрессивно-сатирических форматов (рис. 5).

Во всех случаях подчеркиваются и даже выпячиваются атрибуты старости лидеров антигитлеровской коалиции. Обращает также на себя внимание регулярно повторяющийся «отсутствующий взгляд Рузвельта» или скрещенные руки Сталина.



Рис. 6. «Большая Тройка приветствует вас в день 1-го апреля».
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
https://ic.pics.livejournal.com/periskop/9080476/1574702/1574702_original.jpg

Оба образца искажают событие, которое воплощено в фото и кинохронике 1945 года – парадная фотография «Большой тройки» в Итальянском дворике Ливадийского дворца 1945 года. Причем в оригинальной серии фотографий ни первый, ни второй элемент не является сколько-нибудь устойчивым. Они привнесены самими нарраторами. Цель очевидна – подкрепить мифологемы о «больном Рузвельте», который был одурачен скрытным и крайне жестоким восточным хитрецом – Сталиным. Также представленные образы отсылают нас к иронии над злыми

клоунами и постоянно витающий страх над событием Ялтинского мира, сходным со страхом смерти как таковым. Данная линейка впечатлений весьма характерна для западного смехо-карнавального хронотопа [Некита & Шустов].

Также нормой является и отсутствие фона, вернее, отсутствие актуального исторического фона и замена его либо на нейтральный (рис. 5), либо агрессивно-тревожный цветовой фон (рис. 6). Причем то небольшое, что делается для проработки визуальных элементов артефактов из события-факта, это, как правило, агрессивные антиялтинские карикатуры, которые могут нести элементы трансформации лидеров Большой тройки в вурдалаков, вооруженных холодным и огнестрельным оружием (рис. 6).

Сравним имеющиеся примеры с образцами типичного юмора советского формата. На рисунке 7 шоферы в Потсдаме вспоминают, что договаривались еще на Крымской конференции снова встретится в Германии. Иными словами: хронотоп советского Ялтинского мира концентрическими кругами расходится в пространстве и времени, вбирая в себя всю последующую реальность, даже на уровне отдыхающих шоферов за кулисами Большой Политики. И ему нет предела ни в пространстве, ни во времени.

Показательно, что если советская смеховая культура в силу своей внутренней свободы и пространства была способна выйти за рамки Большой тройки, то западная – нет. Подобным примером в рамках все той же линейки «Большой тройки» служит



Рис. 7. Обложка журнала, где использовался плакат советской школы агитации.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
<https://krymizdat.ru/image/cache/catalog/222/05205-280x350.jpg>

фотомоделирование с гротескно издевательским (рис. 8) или же мрачно-юмористическим смыслом (рис. 9).



Рис. 8. Обложка американского журнала «Diesel» конца XX века.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <http://www.lexincorp.ru/post99903365>

Причем часто нарраторы допускают серьезнейшие ошибки. Например, в одной из карикатур (рис. 10) взята фотография И. Сталина с Потсдамской конференции (лето 1945 г. – об этом говорит характерная для Потсдама воинская форма И. Сталина и фактурное кресло.), тогда как контекст воспроизводится именно в рамках «Ялтинской тройки» (к «Ялте» отсылают: Рузвельт (умершего в апреле президента в Потсдаме заменил Г. Трумэн) и Черчилль (в Потсдаме Черчилль лишь открыл встречу, а его преемником стал Иден), а также кипарисы на заднем фоне). Характерное кресло, белый парадный китель – все это перенаправляет специалиста к артефактам Потсдама.



Рис. 9. Без названия.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33HVWp>

Но для нарратора это невидимые «мелочи», хотя матросская накидка Рузвельта и сигара Черчилля к таковым мелочам уже не относятся. Почему? Они стали нормой нарратива в том ограниченном наборе иллюстраций, который попадал в советское информационное поле и на котором, собственно, и воспитывался нарратор. Дополнением и отсылкой именно к Ялте является ландшафт на карикатуре: буйная южная растительность, кипарис и море.



Рис. 10. Без названия.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/n2NN1>

Это лишний раз говорит о том, что нарраторы потеряли информационные связи с событиями-фактами Ялтинской конференции, что закономерно приводит к деструктивным последствиям.

Очень ярко подобные тенденции проявляются и в рамках авторской эстетики, например, в творчестве А. Комара или Макдугалса.

Так на рисунке 11 художник объединяет в едином смысловом поле И. Сталина, А. Гитлера и Ф. Рузвельта. Последний изображен с головой ящерицы-инопланетянина, что подчеркивает



Рис. 11. Виталий Комар и Александр Меламид. «Ялтинская конференция», 1982.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе:

<https://i.pinimg.com/474x/43/be/c5/43bec572c28d1b3143b3069c1aa3c541.jpg>

158

реальность Сталина – Гитлера и миражность американского президента, якобы вовсе ничего не решавшего в Ялте. У. Черчилль

отсутствует вовсе, видимо в силу того, что он рушит миф о всевластии сталинских решений в Ялте.



Двойной бинарный хронотоп крайне внятно просматривается на рисунке 12, но опять-таки в нем присутствует нарушение деталей нарратива. Бюст Вашингтона над британцем Черчиллем совершенно не уместен, а метафизика Христа, вневременная по своему контенту, не увязывается с коммунистическо-атеистическим отношением к Богу и т. д. Тьма, стоящая за спиной Христа, явно не похожа на Благою весть. Это еще один характерный пример, когда «перетянутое одеяло» бинарности только на одну сторону поглощает и разрушает самое себя, формируя их хронотопы – герметичную топохронную систему, которая в силу своей закрытости по законам термодинамики не способна к существованию.



Рис. 13. Без названия.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе:

<https://img2.reactor.cc/pics/post/full/Ялта-доктор-зло-Сталин-черчилль-1477284.jpeg>

Об этом же говорит и линейка «Супергероев зла», которые обильно появляются в последнее время (рис. 13). Изначально задуманные как элементы черного юмора, они скорее свидетельствуют о смерти хроноса и тотализации топоса, начисто выбивая Ялтинскую конференцию вообще с уровня бытия, во фрагментарную мультивселенную безумия.

Выводы

Следует заключить, что в топохроне смеха прошлое сильно сокращается и лишается многих своих измерений, приобретая взамен новые, работающие на топохронность Ялтинского мира, но никак не на его хронотопность. Так, проблема точки рождения нового мира, точки, откуда разворачиваются смыслы власти в геостратегическом и геополитическом планах, не только перестает играть сколько-нибудь серьезную, но и даже карнавально-смеховую роль. Эта точка подменяется явно организованными извне попытками объединить точку «Ялты-45» с неприемлемыми для цивилизационного общества фантастическими точками (Дарт Вейдер, Гитлер и т.д.) и тем самым выбить ее из непрерывной исторической событийности, определив ей место «забавного тупика» истории, закрытого, закапсулированного топохрона. Но это отдельные искусственные попытки, в основе же разворачивания топохрона лежит интерес к «Ялте-45» в формате микроисторического бытийствования. Последнее связано с узко биологическими вопросами: что ели, как пили, где гуляли, как себя чувствовали те, кто создал Ялтинский мир. И смеховая карта Ялтинского мира как раз

акцентирует внимание на детских горшочках, девушках с активной сексуальной позицией, личным оружием и на всем том, что так явно отличается от хронотопа смеха 40–60-ых годов: борьба с нацизмом, вечное возрождение, устройство будущего миропорядка.

В настоящее время российские СМИ переполнены лозунгами о Ялте 2.0 [Хазин 2019], Президент Российской Федерации на протяжении целого ряда последних лет призывает провести Новую Ялту [Путин 2005; Путин 2015; Путин 2020]. Однако вне формирования смехового хронотопа, без создания площадной, карнавальной, дерзкой, веселой, смелой, энергичной Ялты 2.0 именно в поле хронотопа смеха – эти попытки останутся лишь благородными усилиями, не поддержанными значительными массами современного общества. Мы продемонстрировали, к чему привели забвение смеха в рамках советского хронотопа и оккупация карнавала англо-американскими структурами. Поэтому совершенно не следует повторять трагические ошибки прошлого, а стоит учиться на них и серьезно, и, в том числе, с улыбкой, юмором и бодрым ожиданием лучшего будущего.

Литература

- Бахтин, М. М. (1975). *Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике*. В книге: Бахтин М. М. *Вопросы литературы и эстетики* (стр. 234–407). Москва: Художественная литература.
- Бахтин, М. М. (1990). *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*. Москва: Художественная литература.
- Белов, В. И. (1965). *Привычное дело: рассказы*. *Православная литература, библиотека художественных книг*. Режим доступа: <https://azbyka.ru/fiction/privychnoe-delo/> (дата обращения: 29.12.2022)

- Магадеев, И. Э. (2019). «Образы Версаля» и трансформация международных отношений в Европе после 1989–1990 гг.: взгляд западно-европейских и американских экспертов. *Вестник СПбГУ. Международные отношения*, 3, 276–292.
- Мельников, С. С. (2017). *Политический юмор как форма рефлексии в российском обществе (на примере карикатур XX–XXI вв.)* [Автореферат диссертации кандидата социологических наук, Московский государственный институт международных отношений]. Москва.
- Некита, А. Г., & Шустов, А. С. (2021). Ирония над страхом смерти: образы клоунов в американских фильмах ужасов. *Человек. Культура. Образование*, 1(39), 117–135.
- Новиков, К. Е. (2015). Мир-системная теория И. Валлерстайна: анализ идейных истоков спорных рассуждений о Российской истории. *Социологический журнал*, 2, 130–149.
- Пигулева, А. П. (2013). Отображение Крымской конференции 1945 г. в карикатуре. *Крымская конференция 1945 г.: актуальные вопросы истории, права, социологии, политологии, культурологии, философии: материалы международной научной конференции* (стр.110–118). Симферополь: К.О.Ш. Режим доступа: https://krim-konference.at.ua/load/teksty/stati_tezisy_zametki/krymskaja_konferencija_1945_g_aktualnye_voprosy_istorii_prava_sociologii_politologii_kulturologii_filosofii/10-1-0-30 (дата обращения: 29.12.2022).
- Путин, В. В. (2005). Уроки победы над нацизмом: через осмысление прошлого – к совместному строительству безопасного гуманного будущего. *Официальный сайт Президента России*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22949> (дата обращения: 29.12.2022).
- Путин, В. В. (2015). Выступление на пленарном заседании юбилейной, 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. *Официальный сайт Президента России*. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> (дата обращения: 29.12.2022).
- Путин, В. В. (2020). 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. *Официальный сайт Президента России*. Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (дата обращения: 29.12.2022).
- Руженцева, Н. Б., Шустрова, Е. В., & Ворошилова, М. Б. (2015). *Юмор и ирония в политическом дискурсе*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет.
- Хазин, М. Л. (2019). Ялта 2.0 или, как правильно продать результат. *Изборский клуб*. Режим доступа: <https://izborsk-club.ru/16781> (дата обращения: 29.12.2022).
- Шевченко, О. К. (2020). Этнократия в условиях межэтнического пограничья (стратегии понимания «русинского вопроса» в западных исследованиях XXI в.). *Вопросы истории*, 4, 52–60.

Шевченко, О. К. (2021). «Ялтинский мир» как хронотоп власти: истоки и перспективы бытования [Диссертация ... кандидата философских наук: Казанский (Приволжский) федеральный университет]. Казань.

Trent, J., & Schnurr, L. (2018). *A United Nations Renaissance: What the UN is, and what it could be*. Opladen: Verlag Barbara Budrich. <https://doi.org/10.3224/84740711>

Информация об авторе

Шевченко Олег Константинович – доктор философских наук, доцент, доцент кафедры истории и философии Гуманитарно-педагогической академии (филиал) «Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского» (Россия, 298635, Республика Крым, Ялта, ул. Севастопольская, 2-А), ORCID: 0000-0002-1362-2875, skilur80@mail.ru

YALTA-45: SHOCK CONTENT IN THE FUNNY CHRONOTOPE OF THE YALTA CONFERENCE

Oleg Shevchenko

Abstract: the article deals with the empiricism of the "Yalta peace" chronotope of power in the context of laughter techniques as a factor of the existence of "Yalta-45" chronotope. The use of elements of shock content that provide the viewer with a complex stressful perception allows the narrators of Yalta-45 to destroy the meanings of the comprehensive Yalta peace, reducing it to a flat format of an ordinary, funny and rather disgusting historical event. The author of the article concludes that the achievement of a new world order in the Yalta 2.0 format is possible only with the skillful and competent parrying of Western comic narratives and the formation of its own shock content base for the Yalta peace. It can be based on the achievements of Soviet experts who systematically worked with the comic culture of the Yalta peace, both in the field of poster art and prose.

Keywords: Yalta (Crimea) Conference, chronotope of power, the power of laughter, political humor, historical satire.

References

Bahtin, M. M. (1975). *Formy vremeni i hronotopa v romane: ocherki po istoricheskoy pojetike*. [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics]. In Bahtin, M. M. *Voprosy literatury i jestetiki* [Questions of literature and aesthetics] (pp. 234-407), Moscow, Artistic literature Publ. (In Russ).

Bahtin, M. M. (1990). *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaja kul'tura srednevekov'ja i Renessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow, Artistic literature Publ. (In Russ).

- Belov, V. I. (1965). Privychnoe delo: rasskazy. [The usual thing: stories.] *Pravoslavnaia literatura, biblioteka hudozhestvennykh knig*. [Orthodox literature, a library of art books]. (In Russ). Available at: <https://azbyka.ru/fiction/privychnoe-delo/> (accessed: 29.12.2022).
- Hazin, M. L. (2019). Jalta 2.0 ili Kak pravil'no prodat' rezul'tat. [Yalta 2.0 or How to sell the result correctly]. *Izborskij klub*. [Izborsky Club]. (In Russ). Available at: <https://izborsk-club.ru/16781> (accessed: 29.12.2022).
- Magadeev, I. Je. (2019). «Obrazy Versalija» i transformacija mezhdunarodnykh otnoshenij v Evrope posle 1989–1990 gg.: vzgljad zapadno-evropejskikh i amerikanskikh jekspertov [“Images of Versailles” and the transformation of international relations in Europe after 1989–1990: the view of Western European and American experts.] *Vestnik SPbGU. Mezhdunarodnye otnoshenija* [Bulletin of St. Petersburg State University. International relations], 3, 276–292. (In Russ).
- Mel'nikov, S. S. (2017). *Politicheskij jumor kak forma refleksii v rossijskom obshhestve (na primere karikatur XX–XXI vv.)* [Avtoreferat dissertacii kandidata sociologicheskikh nauk, Moskovskij gosudarstvennyj institut mezhdunarodnykh otnoshenij]. [Political humor as a form of reflection in Russian society (on the example of cartoons of the XX–XXI centuries) [Abstract of the dissertation, Moscow State Institute of International Relations]. Moscow. (In Russ).
- Nekita, A. G., & Shustov, A. S. (2021). Ironija nad strahom smerti: obrazy klounov v amerikanskikh fil'mah uzhasov [Irony over the fear of death: Images of clowns in American horror films.]. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 1(39), 117–135. (In Russ).
- Novikov, K. E. (2015). Mir–sistemnaja teorija I. Vallerstajna: analiz idejnykh istokov spornykh rassuzhdenij o Rossijskoj istorii. [I. Wallerstein's World-system Theory: An analysis of the Ideological Origins of Controversial Arguments about Russian History.]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 2, 130–149. (In Russ).
- Piguleva, A. P. (2013). Otobrazhenie Krymskoj konferencii 1945 g. v karikature. [Representation of the Crimean Conference of 1945 in a cartoon.]. *Krymskaja konferencija 1945 g.: aktual'nye voprosy istorii, prava, sociologii, politologii, kul'turologii, filosofii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. [The Crimean Conference of 1945: topical issues of history, law, sociology, political science, cultural studies, philosophy: materials of the international scientific conference.] (pp. 110–118). Simferopol': K.O.Sh. Publ. (In Russ). Available at: https://krim-konference.at.ua/load/teksty/stati_tezisy_zametki/krymskaja_konferencija_1945_g_aktualnye_voprosy_istorii_prava_sociologii_politologii_kulturologii_filosofii/10-1-0-30 (accessed: 29.12.2022).
- Putin, V. V. (2005). Uroki pobedy nad nacizmom: cherez osmyslenie proshlogo – k sovmestnomu stroitel'stvu bezopasnogo gumannogo budushhego. [Lessons of the victory over Nazism: through understanding the past – towards the joint construction of a safe and humane future.]. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii*. [The official website of the President of Russia.]. (In Russ).

- Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22949> (accessed: 29.12.2022).
- Putin, V. V. (2015). Vystuplenie na plenarnom zasedanii jubilejnoj, 70-j sessii General'noj Assamblei OON v N'ju-Jorke [Speech at the plenary session of the 70th anniversary session of the UN General Assembly in New York.]. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii*. [The official website of the President of Russia.]. (In Russ). Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50385> (accessed: 29.12.2022).
- Putin, V. V. (2020). 75 let Velikoj Pobedy: obshhaja otvetstvennost' pered istoriej i budushhim. [75 years of the Great Victory: shared responsibility to history and the future.]. *Oficial'nyj sajt Prezidenta Rossii*. [The official website of the President of Russia.]. (In Russ). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/63527> (accessed: 29.12.2022).
- Ruzhenceva, N. B., Shustrova, E. V., & Voroshilova, M. B. (2015). *Jumor i ironija v politicheskom diskurse* [Humor and irony in political discourse]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University Publ. (In Russ).
- Shevchenko, O. K. (2020). Jetnokratija v uslovijah mezhjetnicheskogo pogranich'ja (strategii ponimaniya «rusinskogo voprosa» v zapadnyh issledovanijah XXI v.). [Ethnocracy in the conditions of interethnic borderland (strategies for understanding the "Rusyn question" in Western studies of the XXI century)]. *Voprosy istorii*. [Questions of history], 4, 52–60. (In Russ).
- Shevchenko, O. K. (2021). «Jaltinskij mir» kak hronotop vlasti: istoki i perspektivy bytovanija [Dissertacija ... kandidata filosofskih nauk: Kazanskij (Privolzhsckij) federal'nyj universitet]. ["The Yalta Peace" as a chronotope of power: the origins and prospects of existence [Candidate Dissertation: Kazan (Volga Region) Federal University]. Kazan. (In Russ).
- Trent, J., & Schnurr, L. (2018). *A United Nations Renaissance: What the UN is, and what it could be*. Opladen: Verlag Barbara Budrich. <https://doi.org/10.3224/84740711>

Author's information

Shevchenko Oleg Konstantinovich – Doctor of Philosophy, Associate Professor of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University (2, Sevastopolskaya St., Yalta, Republic of Crimea, 298635, Russia), ORCID: 0000-0002-1362-2875, skilur80@mail.ru

For citation:

Shevchenko, O. K. (2023). Yalta-45: shock content in the funny chronotope of the Yalta Conference. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 140-166. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-140-166](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-140-166)

ГОРИЗОНТЫ

167

УДК 130.2

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-168-193](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-168-193)

БЛИСТАТЕЛЬНОЕ И УЖАСАЮЩЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ АМЕРИКАНСКОГО СВЕРХЧЕЛОВЕКА В ЖАНРЕ СУПЕРГЕРОИКИ



Дмитрий Лосев,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород,
Россия).

Dmitrii Losev,
Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University
(Velikiy Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0001-9080-3250
e-mail: Amber6408@yandex.ru

Для цитирования статьи:

Лосев, Д. В. (2023). Блестательное и ужасающее восхождение американского Сверхчеловека в жанре супергероики. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 168–193. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-168-193](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-168-193)

Аннотация: в статье исследуется и интерпретируется воплощение образа сверхчеловека в рамках жанра супергероики и американского комикса. Обосновывается значимость и степень воздействия культуры Запада на культурное пространство России. Проводится связь между таким культурным симбиозом и глобализационными процессами, а также развитием мировой информационно-коммуникативной среды. Подчеркивается влияние

западной культуры на массовое сознание россиян, на формирование их мировоззрения и на стандартизацию социокультурной обстановки в России. Статья констатирует доминирующий статус массовой культуры и комикс-культуры как ее значимого формата, а также роль фигуры Супергероя как центрального персонажа комиксов. Исследуются архаические, мифические и архетипические корни супергероики. Супергероический жанр рассматривается как поле разворачивания современной социальной мифологии, в которой находят свое выражение архетипы – центральный элемент юнгианской теории коллективного бессознательного. Проводится сравнение и параллели между современными Супергероями компаний «Marvel» и «DC» и героями античных мифов. Обосновывается статус Супергероя как полубога и сверхчеловека, анализируются соответствующие его качества и культурологические функции. Насилие интерпретируется как глубинная составляющая супергероики, а комиксы как широкий и многообразный культурный феномен, а также значимый инструмент «мягкой силы». Объясняется спрос массовой аудитории на супергероику и дается оценка потенциала этого жанра в американской пропаганде и ее общемировой культурной экспансии.

Ключевые слова: супергерой, сверхчеловек, полубог, американская массовая культура, миф, насилие, мягкая сила.

Введение

В наше время для кого-то в научно-философской среде едва ли станет откровением то, какую значимость и влияние на культуру России оказывает западная культура. Е. В. Ионова в своем исследовании 2008 года специально актуализирует «проблему взаимодействия западной и российской культур» [Ионова 2008: 248], связывая ее с глобализацией, активным развитием средств обмена информацией и вариативностью мировых культурных потоков. Она указывает, что глобализация обуславливает взаимодействие между культурами во всех областях жизни человека: в быту, экономике, политике, образовании и т. д. Под воздействием друг друга культуры меняются и преобразовывают человеческое мировоззрение.

Еще в 2008 году Ионова подчеркивала важность западной культуры в определении образа жизни россиян, что стало возможным в результате снятия в конце XX века ограничений распространения в постсоветской России западных культурных продуктов и появлению новых средств массовой информации. В связи с этим западные культурные образцы исподволь превратились в стандарт, норму и мерило мировоззрения почти для целого поколения жителей нашей страны. И несмотря на то, что повсеместное увлечение западной культурой со временем в целом ряде случаев все-таки приобрело более осмысленный, неоднозначный и сбалансированный вид, ее влияние на жизнь российского общества остается масштабным, ощутимым и противоречивым.

Особенно восприимчивой к этому влиянию, по мнению Е. В. Ионовой, является молодежь, по-своему осмысляющая и интерпретирующая ценности чужой культуры. Для того чтобы не утратить особенности российского менталитета, служащего фундаментом построения национальной культуры, необходимо междисциплинарное изучение ценностей, транслируемых нам другими культурами. Этот тезис служит и обоснованием актуальности данного исследования, поскольку описанное явление не утратило своих масштабов и по сей день.

Основная часть

Говоря о проникновении западных ценностей и смыслов в культурное пространство России, в первую очередь следует коснуться той культуры, которую принято называть «массовой»

[Adorno & Bernstein 2020: 61] или «поп-культурой» [Bednarek 2018: 255] – терминами, которые сами по себе намекают на размах обозначаемого ими феномена. Одним из наиболее популярных сегодня жанров массовой культуры – в кино, комиксах, на телевидении, в игровой индустрии и т.д. – является жанр «супергероики» [Орестова и др. 2019]. Действительно, в наше время трудно найти человека, который хотя бы краем уха не слышал про Супермена, Бэтмена, Человека-Паука и других героев, представляющих этот тип художественных произведений массовой культуры. И пусть традиционно считается, что формально, в своем классическом и наиболее узнаваемом виде супергероика зародилась лишь в XX веке, а ее колыбелью является американский комикс, тем не менее, можно утверждать, что жанр этот имеет под собой гораздо более древнюю, архетипическую основу, а корни его восходят к культурам далекого прошлого.

Рассматривая комиксы как поле современной социальной мифологии, Т. А. Шинтарь, используя в качестве теоретической основы типологию Карла Густава Юнга, касается архетипических выражений этого жанра и указывает, что «воплощение архетипов в современной социальной мифологии формирует социальные и культурные образцы и модели поведения, которым подражают» [Шинтарь 2022: 36]. Автор обоснованно считает, что фольклор, менявшийся со временем и заключавший в себе элементы мифологии, находил выражение как в визуальной, так и в устной формах, следствием чего стало возникновение иллюстрированных историй, относящихся одновременно и к

литературному, и изобразительному искусству. Значительную часть комиксов Шинтарь определяет как сюжеты о богах и героях, действующих теперь в условиях современного мира.

Например, местом рождения и взросления небезызвестной Чудо-женщины из комиксов издательства «DC Comics» (рис. 1), является город амазонок Темискира. А в своих приключениях героиня повсеместно сталкивается с такими персонажами, как Афина, Афродита, Гермес, Арес и т. д. И в целом истории об этом персонаже во многом основаны на мифах Древней Греции и Древнего Рима.



Рис. 1. Фрагмент обложки комикса «Wonder Woman Vol. 1. #780». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/xwEOL>

Еще с 1940-х годов Чудо-женщина служит примером для подражания для многих американских детей, а впоследствии – в связи с ростом популярности этого сегмента массовой культуры – и для детей из других стран. Т. А. Шинтарь проводит связь между этой популярностью и глубинным желанием человека быть

подобным мифическому Герою или Богу. Ко всему прочему, это слияние возникло на границе между осознанием божественной роли и героическим порывом привести действительность в порядок, в соответствии с сакральными, горними представлениями о справедливости.

Шинтарь отмечает, что «в Древней Греции сложилась и типология персонажей, которая более-менее подходит к определению понятия "герой"» [Шинтарь 2022: 37], которое, в тех или иных вариациях, встречалось в культурах практически всех народов. Исследователь предлагает рассмотреть это на примере историй в комиксах компании «Marvel Comics» (рис. 2). Она



Рис. 2. Кадр из фильма «Мстители» (англ. «The Avengers»), 2012 год. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://i.ytimg.com/vi/oBqqI6NMeaM/maxresdefault.jpg>

сравнивает Капитана Америку с Гераклом – героем, обладающим невиданной силой и сражающимся с чудовищами; Железного Человека – с Дедалом, интеллектуально одаренным героем,

реализующим какие-то культурные назначения; Звездного Лорда – с Одиссеем, путешественником, пытливым и хитрым; Сорвиголову – с Тесеем, героем, который в своих подвигах мотивирован желанием установить в мире торжество закона и справедливости. Кроме того, среди комиксов рассматриваемого издательства присутствуют и истории под заголовком «Вечные», посвященные выходцам из других, далеких от Земли миров, тысячи лет назад явившим себя человеку и вдохновившим его на создание пантеона известных героев и богов: Гефеста, Цирцеи, Афины и пр.

Т. Ю. Наумова [Наумова 2022] проводит сравнение комиксов о супергероях и мифических сюжетов на примерах таких персонажей, как Геракл и самого, пожалуй, иконического и известного супергероя – Супермена (рис. 3). В своем исследовании, ссылаясь в том числе и на труды М. Элиаде, Наумова указывает, что с середины 1930-х по середину 1950-х годов заметно растет массовый спрос на визуализированные супергероические сюжеты, что в истории комиксов называется «Золотым веком» [Грибовская & Тухватуллин 2021]. Исследователь высказывает мнение, что, став важной частью американской культуры, «супергеройский жанр с развитием мировой медиакультуры стал одним из наиболее массовых культурных продуктов глобализации» [Наумова 2022: 313].

Сравнивая комикс о супергерое с романом, получившим в современном обществе роль, сопоставимую со сказкой или мифом у первобытного человека, Наумова выделяет в качестве особенности структуры комикса сильную ограниченность набора



Рис. 3. Фрагмент обложки комикса «*Superman Vol. 2. #204*».

Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/jROiG>

внешних и внутренних, повторяющихся отличительных черт, что делает комикс похожим на такую же замкнутую систему мифического сказания. Комиксы также обладают рядом «культурообразующих функций» [Наумова 2022: 313]. Так, комиксы оказывают существенное влияние на другие направления искусства; вокруг них формируется своя субкультура, участники которой в той или иной форме подражают Супергероям: в поведении, переодевании («косплей» [Пушкарева и др. 2021]) и т. д.

В исследованиях подобных аспектов комикс-культуры также обращается внимание на размытие грани между подлинным и воображаемым, что характерно для мифического восприятия. Кроме того, ссылаясь на Д. А. Беляева, Наумова пишет о

возникновении в пространстве супергеройского сеттинга своеобразной субкультурной мифологии, которая выступает как «зеркало» реальных культурных и общественных процессов и воздействует на сознание своей целевой аудитории.

Главным действующим лицом как мифа, так и супергероического комикса является некий герой. Анализируя идеи С. И. Борисова [Борисов 2010], Наумова описывает героя как совокупность лучших положительных качеств и самых важных идей, актуальных для какой-либо социальной общности того или иного исторического периода. Как правило, герой древнегреческих и древнеримских сказаний представлял собой полубожественную сущность, и Наумова ставит перед собой задачу осмысления архетипических качеств мифического героя в контексте сравнения Геракла и Супермена.

Первое сходство этих двух персонажей состоит в том, что оба они были рождены вследствие неких чудесных обстоятельств. Так, Геракл произошел от связи бога грома и молний Зевса и простой смертной. Родители же Супермена – представители сверхразвитой цивилизации с планеты Криптон. К тому же, согласно многим сюжетным вариациям его происхождения, Супермен был первым за огромный период времени ребенком, чье рождение носило естественный характер.

Оба – и Геракл, и Супермен – нечеловечески, сверхъестественно сильны. С самого детства оба героя демонстрируют способности, недоступные всем прочим людям.

Однако оба они не абсолютно бессмертны и уязвимы каждый перед своим источником гибели. Например, «ахиллесовой

пятой» Супермена является инопланетный минерал криптонит, ставший, благодаря популярности персонажа, аналогом использованного выше выражения, происходящего из мифа об Ахиллесе. Рассматриваемые герои рано или поздно встречают свою смерть, которая, однако, не является финалом их существования, ведь Геракл после смерти становится одним из олимпийских богов, а Супермен неоднократно возвращается к жизни в мире людей.

Возможно, наличие неких «слабостей» у героического персонажа нужно для того, чтобы читатель мог сопереживать ему, отождествлять себя с ним и таким образом еще больше сближаться с персонажем.

Разница же между героями, пишет Наумова, в моральных качествах, в том, что Геракл в своих подвигах эгоистичен и мотивирован личными интересами, в то время как Супермен «видит свою миссию именно в помощи людям, его мотивы бескорыстны» [Наумова 2022: 314]. И современные Супергерои демонстрируют сходство именно с Суперменом, находясь на грани бессмертия и уязвимости, совершая подвиги не ради героизма самого по себе, а в стремлении служить окружающим.

К концу XX века, замечает Наумова, главными героями комиксов нередко становятся персонажи с весьма сомнительными моральными ориентирами – так называемые антигерои: мстители, трикстеры, воры, бывшие преступники, чудовища и т. д. Тем не менее, их наличие никоим образом не размывает представления о герое, а, напротив, своей неоднозначностью лишь контрастирует с мифической сутью идеала.

Исследователи часто сравнивают персонажей-супергероев с образом сверхчеловека, который в мировой культуре также имеет давнюю, восходящую к древности историю. Также на примере Супермена, Т.А. Фетисова [Фетисова 2020] проводит связь между супергероической и сверхчеловеческой концепциями. Она считает, что фантастичный образ человека в ярком разноцветном костюме с характерным, узнаваемым знаком «S» на груди, обладающего невероятной силой, позволяющей ему буквально «голыми руками» поднимать над головой многотонные объекты, не имеет в себе чего-то особенного, внутренней глубокой сущности, которая подлежала бы развитию. По ее мнению, Супермен – это «всего лишь сильно упрощенный вариант сверхчеловека, героического образа, представленного в истории культуры» [Фетисова 2020: 124].

Идея «Сверхчеловека» появляется в культуре с древнейших времен, с самого зарождения цивилизации, параллельно тому, как человек начал поклоняться сверхъестественному и выстраивать вокруг этого поклонения религию. Сверхчеловек всегда таит в себе желание обычного человека выйти за пределы собственной природы, перешагнуть через ограничения, продиктованные ему материальным миром и природой и стоящие перед ним на пути нахождения ответов на вопросы о себе и своем существовании. Это стремление и генерирует в культуре сверхчеловеческую концепцию – идею о создании куда более развитом и владеющем сакральными знаниями.

Еще для первобытного человека характерным было поклонение сверхъестественным силам, волею которых

объяснялся окружающий мир и которым приписывалось покровительство над племенами и родами. Одной из таких сил выступал в архаичной культуре образ «первопредка» [Фетисова 2020: 124], которого, по мнению Фетисовой, можно считать культурным предшественником Сверхчеловека, защитником своего племени и источником знаний, необходимых человеку для выживания.

Первопредки выступали проводниками между миром людей и миром богов, неся волю последних человеку, который не мог общаться с высшими созданиями непосредственно. Это породило в культуре миф о герое-сверхчеловеке, выполнявшем роль культурологического значения, в связи с чем он и был назван «культурным героем» [Петрова 2021: 244]. Такой персонаж являлся ребенком человека и бога, он пребывал в человеческом мире и всеми средствами реализовывал интересы людей, нередко бросая вызов и самим богам, как, например, поступил Прометей, подаривший людям огонь, забрав его у богов Олимпа. Возникновение подобной мифологии говорит о стремлении античного человека познать свой творческий потенциал и дать объяснение истокам цивилизации.

Находясь между человеком и богом, герой частью своих качеств был похож на людей, хотя в целом ряде аспектов значительно превосходил их. Он не был тем, кого бы обошла стороной смерть, но был наделен недоступной простым смертным силой, доставшейся ему от богов. Тем не менее, герой был частью человеческого общества, и потому считается сверхчеловеком.

В дальнейшем, развитие сверхчеловеческого персонажа достигает этапа его превращения в Супермена, и описанное выше нечеловеческое происхождение начинает восприниматься одновременно с ужасом (формы которого «обнаруживают явную связь с продуктами массовой культуры» [Федина 2022: 213]), – по причине непостижимости, – и, в то же, время с преклонением перед недостижимым идеалом такого защитника.

Сегодняшний человек демонстрирует неудовлетворенность своим бытием по многим аспектам, и это заставляет его тяготеть к представлениям о сверхчеловеке. Культура создает для него таких персонажей, предлагая их новые разновидности. Но в силу того, что массовое мышление предпочитает простоту и наглядность, сверхчеловек наследует узнаваемые атрибуты героев далекого прошлого.

Значительным распространением и популяризацией образа сверхчеловека и самого понятия «супергерой», считает Фетисова, массовая культура обязана именно американским комиксам, посредством которых можно легко знакомить широкую публику с определенными моделями поведения, которым следуют персонажи обозначенного жанра. Миф о герое обладает низким порогом вхождения, он прост и понятен широким массам, и это позволяет ему пережить перерождение в рамках масскульта, создав для возникновения нового образа сверхчеловека «соответствующие параллели из мифологии» [Фетисова 2020: 127].

Сама словесная форма, служащая обозначением супергероическому жанру, само понятие «супергерой» уже являет нам связь этого направления массовой культуры с древними

героическими сказаниями. Основным сходством этих жанров служат жизненные достижения центрального действующего лица, характеризующиеся как подвиг, для которых персонажу требуется добиться от себя сверхусилий, выхода за рамки возможного с точки зрения обычного человека, что и выделяет героя на фоне остальной массы. По этой причине в образе супергероя сходятся два элемента: обыденный и героический. Данный факт дает нам право называть Супергероев полубогами. Отличие заключается лишь в том, что природа сил древнемифического героя носит божественный характер, в то время как современного Супергероя порождают силы природы, научный прогресс или технологии. Впрочем, эту мысль исследователя можно дополнить тем, что современные комиксы также полны и историями о том, как супергероя порождает некое божество или магия. Известным примером тому служит супергерой Капитан Марвел (известный также как Шазам) из комиксов издательства «DC Comics» (рис. 4).

Миф, как форма мышления, знакомясь с прогрессом цивилизации, усваивает его и превращает в приемлемые для себя представления, которые ложатся в основу иной, уже сегодняшней мифологии. В наше время, в век массового общества и массовой культуры, миф все так же выступает в роли предохранителя, защищающего общество от развала, и создает для масс свою картину действительности, главные столпы которой – предсказуемость и неизменность. А герой, обладающий судьбоносными для этого мира возможностями, фанатичный в достижении своих целей, является серьезной угрозой традиционному укладу.



Рис. 4. Фрагмент обложки комикса «Shazam! Vol. 4. #2». Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://goo.su/cQHLvN>

От героя-сверхчеловека нашего времени уже не ждут революционного влияния на мир, ради которого он бы был готов пожертвовать собой. Сегодня герой должен брать на себя то, на что никогда не решится и просто не сможет пойти простой человек, ради сохранения привычного, комфортного бытия. Это именно тот идеал, стражем которого становится Супергерой и защита которого полагается, как его главная ответственность. А так как Супермен «принадлежит этому конформистскому миру, он тот, кто будет поддерживать и защищать эту культуру» [Фетисова 2020: 129].

Отдельный интерес представляет то, за какие именно культурные ценности выступают американские Супергерои, которые являются, в том числе, их символическим отображением. Например, Железный Человек является неотъемлемым звеном

американской капиталистической системы и военной промышленности, в условиях которой он создал себе многомиллиардное состояние. Богатым бизнесменом выступает и Бэтмен, чьи подвиги оказываются просто невысказанными без огромного денежного фундамента. Капитан Америка, как один из символов американского общества, представленный на страницах комиксов, тоже целенаправленно создан как инструмент вооруженных сил США и предстаёт типичным продуктом западной милитаристской науки. Даже неоднократно упомянутый выше Супермен, пришелец из другого мира, как главный представитель комикс-культуры и важная часть американской культуры в целом, обозначается в данных культурных сферах как универсальный символ всего американского.

Также, Супергерои часто поступают на службу правительству США или каким-то родственным структурам, по всему миру выполняя получаемые от них задания. Таким образом, американский политический режим, вооруженные силы, экономика и создаваемый ими общественный порядок – вот базовый набор тех индивидуальных и коллективных ценностей [Некита & Маленко 2022: 100], на страже которых и стоят Супергерои, за которые они готовы сражаться и приносить жертвы, а сохранение этой системы – возможно, главный жизненный подвиг современного американского Супергероя.

В большинстве своем подвиг Супергероя низменно предполагает сражение с условными силами зла. Это означает, что основное средство достижения Супергероем своих целей –

насилие, как физическое, так и психологическое. К. А. Очеретяный анализирует феномен Супергероя – во всех его основных медиа-представлениях – и пишет, что с начала своего существования «супергерой был воплощением открытых Ницше и Фрейдом в природе и культуре принципов: сверхчеловека и Сверх-Я» [Очеретяный 2020: 28].

Исследователь также рассматривает Супергероя через призму лакановской интерпретации категорического императива Иммануила Канта и приходит к выводу, что та сила, которой обладает Супергерой, может быть понята как садизм – и физический, как совокупность мучительных испытаний, через которые способен пройти сверхчеловек, и моральный, как всеобщее и безусловное нравственное требование, то есть, требование императивное. Супергерой и его сверхсила есть следствие неизменного человеческого спроса на садизм (в том понимании, которое изложено автором), который, в свою очередь, является реакцией человека на катастрофы и потрясения XX века, когда Супергерой и был создан массовой культурой.

В процессе своего развития комикс постепенно трансформируется из разряда малозначимого и нишевого продукта в собственную медийную реальность со своим обилием образов, и представляя одну из многообразных форм культуры, он становится феноменом культуuroобразующим и глобальным, в значительной мере определяющим содержание массового сознания как такового. В дальнейшем садистский характер супергероической силы, которая служит принципу насилия без оправдания, трансформируется и ставит героя комиксов на

пьедестал жертвы, требующей сострадания. В этом ключе супергерой становится своеобразным мазохистом, который должен скорее непрерывно испытывать экранные мучения, нежели что-то преодолевать.

В свете этих изысканий К. А. Очеретяный подвергает сомнению образ супергероя и допускает возможность утраты подобными персонажами своего героического. Исследователь считает, что, даже с учетом вышеизложенного, Супергерой теперь должен не сталкиваться с психологическими и общественными последствиями разрушений, которые он создает, а быть источником этих разрушений ради самих разрушений, что это существо «начинает предписывать моральный образец природе и противостоять культуре» [Очеретяный 2020: 28].

Исследователи обращают внимание и на еще одно немаловажное обстоятельство. Оно касается того факта, что необыкновенная «увлеченность» супергероя насилием в современной поп-культуре к настоящему моменту переходит из разряда жанровой подноготной, обнаруживаемой посредством научной интерпретации, в разряд нескрываемой, откровенной эстетизации жестокости, оформляясь в почти уже ставший самобытным поджанр историй о «злом Супермене». Одной из таких историй является, например, комикс «Пацаны» (англ. «The Boys») издательств «Wildstorm Productions» и «Dynamite Entertainment», а также его одноименная многосерийная экранизация, транслируемая на стриминговом сервисе «Amazon Prime Video» (рис. 5).



Рис. 5. Персонажи сериала «Пацаны» (англ. «The Boys»), 2019 год – наст. время. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://droider.ru/wp-content/uploads/2022/01/the-boys.jpg>

Сам жанр, порождающий в культуре супергероев, по мнению ряда исследователей, является своеобразной формой силы в реальном мире. Так, А. С. Темербаева, исследуя киновоплощения супергероического комикса, усматривает в них инструмент мягкой силы, рассуждая о том, что массовый кинематограф, и в частности кинематограф американский (одним из самых популярных жанров которого как раз и является кинокомикс), «стал одним из самых эффективных инструментов “мягкой силы” <...> силы, способной повлиять на общественное мнение» [Темербаева 2022: 41]. На примере экранизаций комиксов «Marvel» Темербаева выделяет три основных идеи, транслируемых массовой культурой в жанре супергероики: 1) США – колыбель главных мировых событий и центр культурно-цивилизационного прогресса; 2) Америке

уготована особая, поистине мессианская роль в судьбе человечества, которое непременно должно принять политико-культурный дискурс этой страны как единственно верный и обязательный; 3) Америка может и должна противостоять всем мыслимым и немыслимым вызовам, решать все мировые проблемы в одиночку, чем, собственно, и занимаются Супергерои на страницах комиксов и в их многочисленных киноадаптациях, которые оказывают «максимально возможное <...> эмоциональное воздействие на “реципиента”» [Смирнов 2022: 117-118].

Выводы

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что жанр супергероики и комикс как формат массовой культуры, в лоне которой этот жанр возник и развивается, вместе предстают в качестве особого культурного феномена, в основе которого лежат древние, архетипические образы и мотивы. Будучи, на первый взгляд, чем-то сравнительно новым для культуры, чем-то нарочито несерьезным, супергероика, тем не менее, прочно стоит на архаичном, мифологическом и богатейшем культурном фундаменте, и в своем взаимодействии с аудиторией напрямую обращается к глубинам человеческого сознания, к первоосновам его социально-культурной жизни.

Воздействие супергероических сюжетов на человеческую ментальность осуществляется посредством воссоздания и манипуляций образами героев в состоянии полубогов и сверхлюдей. Успешность этого воздействия и востребованность Супергероев в современной культуре обусловлены

бессознательным стремлением человека к преодолению ограничений собственной природы и выходу за рамки привычной жизни. С другой стороны, это может означать и потребность людей в покровительстве и защите, осуществляемых кем-то более развитым, могущественным, стоящим выше человека и всецело несущим ответственность за благополучие, комфорт и неизменность жизни последнего.

Учитывая мифическую природу супергероики и тот факт, что, в связи с этой природой, данный жанр может быть в определенной степени убедителен в репрезентации реальности массовому сознанию (иными словами, в создании своей собственной реальности), можно увидеть большой потенциал этого жанра в сфере пиара, пропаганды, рекламы и других видах массово-медийной социокультурной коммуникации. Одним из ярких подтверждений тому служит имидж американского миллиардера Илона Маска, ставшего объектом культа собственной личности и предметом постоянного сравнения с Супергероем и Железным Человеком. Данный пример показывает, как коммерческая и медийная сферы используют мифологический характер супергероики в своих целях, убеждая массовую аудиторию в реальности комиксного Сверхчеловека.

Вместе с тем, будучи непосредственным порождением американской культуры и находясь в тесном взаимодействии с реальными мировыми процессами, мифология комикса обрывает актуальными контекстом и смыслами. Таким образом, миф о

заложенной в него концепции эстетизации насилия, можно утверждать настоятельную необходимость философско-культурологического изучения этого феномена не только в интересах науки, но и из соображений национальной и государственной безопасности.

Литература

- Борисов, С. И. (2010). Героический образ в жанрах «боевик» и «фильм-комикс» в начале XXI века в кинематографиях США и России [Кандидатская диссертация]. Москва.
- Грибовская, В. О., & Тухватуллин Р. Р. (2021). Американская мечта и супергерой в комикс-культуре золотого века. *Манускрипт*, 14(1), 85–90. <https://doi.org/10.30853/mns200598>
- Ионова, Е. В. (2008). Отношение населения России к ценностям западной культуры (по материалам г. Астрахани). *Вестник СГТУ*, 1, 248–253.
- Наумова, Т. Ю. (2022). Особенности супергеройского комикса как мифологической структуры. *Социально-гуманитарные знания*, 2, 312–317. <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51798>
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2022). Визуальные киномифы советской эпохи в идеологическом созидании «нового» человека. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 99–116. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Орестова, В. Р., Ткаченко, Д. П., & Карпук, В. А. (2019). Вселенная супергероев как пространство идентификации и социализации в условиях транзитивности. *Вестник РГГУ. Серия. Психология. Педагогика. Образование*, 4, 145–156. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-145-156>
- Очеретяный, К. А. (2020). Супернегерой: от суперсилы к ультранасилию. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3, 27–46. <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i3.109>
- Петрова, А. П. (2021). Культурный герой и экранный герой: сущностные характеристики образа. *Художественная культура*, 1(36), 244–265. <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2021-1-244-265>
- Пушкарева, Т. В., Иванова, Е. Ю., & Шемякина, Е. М. (2021). Феномен косплея: культурные прототипы и тренды. *Человек и культура*, 3, 1–17. <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2021.3.34966>
- Смирнов, В. А. (2022). Индустрия впечатлений как пространство аппликации «мягкой силы». *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 117–136. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-117-136](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-117-136)

- Темербаева, А. С. (2022). Американские кинокомиксы как инструмент мягкой силы США (на примере кинокомиксов Marvel). *Общество: политика, экономика, право*, 3, 40–44. <https://doi.org/10.24158/per.2022.3.6>
- Федина, О. В. (2022). С шоком по жизни: массовое потребление ужаса в современной интернет-культуре. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 213–232. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-213-232](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-213-232)
- Фетисова, Т. А. (2020). Супермен – герой нашего времени. *Вестник культурологии*, 2(93), 123–134. <https://doi.org/10.31249/hoc/2020.02.07>
- Шинтарь, Т. А. Архетипические образы современной социальной мифологии. *Философская мысль*, 5, 31–40. <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.5.38158>
- Adorno, T. W., & Bernstein J. M. (2020). *The Culture Industry. Selected essays on mass culture*. London: Routledge.
- Bednarek, M. (2018). *The Language of Pop Culture*. New York: Routledge.

Информация об авторе

Лосев Дмитрий Вячеславович – аспирант кафедры философии, культурологии и социологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Б. Санкт-Петербургская, 41), ORCID 0000-0001-9080-3250, Amber6408@yandex.ru

THE STUNNING AND TERRIFYING ASCENT OF THE AMERICAN SUPERHUMAN IN THE SUPERHERO GENRE

Dmitrii Losev

Abstract: the article explores and interprets the embodiment of the image of the superman within the framework of the superhero genre and American comics. The significance and degree of influence of Western culture on the cultural space of Russia is substantiated. A connection is made between such cultural symbiosis and globalization processes, as well as the development of the world information and communication environment. The influence of Western culture on the mass consciousness of Russians, on the formation of their worldview and on the standardization of the socio-cultural situation in Russia is emphasized. The article states the dominant status of mass culture and comics culture as its significant format, as well as the role of the Superhero figure as the central character of comics. The archaic, mythical and archetypal roots of superheroics are explored. The superheroic genre is considered as a field for the development of modern social mythology, in which archetypes, the central element of the Jungian theory of the collective unconscious, find their expression. A comparison and parallels are made between the modern Superheroes of Marvel and DC companies and the heroes of ancient myths. The status of the Superhero as a demigod and superman is substantiated, his corresponding qualities and cultural functions are analyzed. Violence is interpreted as a deep

component of superheroics, and comics as a wide and diverse cultural phenomenon, as well as a significant tool of "soft power". The demand of the mass audience for superheroics is explained and the potential of this genre in American propaganda and its global cultural expansion is assessed.

Keywords: Superhero, superhuman, demigod, American mass culture, myth, violence, soft power.

References

- Adorno, T. W., & Bernstein J. M. (2020). *The Culture Industry. Selected essays on mass culture*. London: Routledge.
- Bednarek, M. (2018). *The Language of Pop Culture*. New York: Routledge.
- Borisov, S. I. (2010). *Geroicheskiy obraz v zhanrakh «boevik» i «fil'm-komiks» v nachale XXI veka v kinematografiakh SShA i Rossii* [Kandidatskaia dissertatsiia] [Heroic image in the genres of "action movie" and "comic film" at the beginning of the XXI century in the cinematographies of the USA and Russia [Candidate Dissertation]]. Moscow. (In Russ).
- Fedina, O. V. (2022). S shokom po zhizni: massovoe potreblenie uzhasa v sovremennoi internet-kul'ture [With the shock of life: mass consumption horror in modern internet culture]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(1), 213-232. (In Russ). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-213-232](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-213-232)
- Fetisova, T. A. (2020). Superman – geroi nashego vremeni [Superman is the hero of our time]. *Vestnik kul'turologii* [Bulletin of Cultural Studies], 2(93), 123-134. (In Russ). <https://doi.org/10.31249/hoc/2020.02.07>
- Gribovskaia, V. O., & Tukhvatullin R. R. (2021). Amerikanskaia mechta i supergeroi v komiks-kul'ture zolotogo veka [American Dream and Superhero's Image in Comics Culture of the Golden Age]. *Manuskript* [The manuscript], 14 (1), 85-90. (In Russ). <https://doi.org/10.30853/mns200598>
- Ionova, E. V. (2008). Otnoshenie naseleniia Rossii k tsennostiam zapadnoi kul'tury (po materialam g. Astrakhani) [The Attitude of Russians to Values of the Western Culture (on Materials of Astrakhan)]. *Vestnik SGTU* [Bulletin of SSTU], 1, 248-253. (In Russ).
- Naumova, T. Iu. (2022). Osobennosti supergeroiskogo komiksa kak mifologicheskoi struktury [Similarities between superhero comics and myth structure]. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniia* [Social and humanitarian knowledge], 2, 312-317. (In Russ). <https://doi.org/10.34823/SGZ.2022.2.51798>
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2022). Vizual'nye kinomify sovetskoi epokhi v ideologicheskome sozidanii «novogo» cheloveka [Visual film myths of the Soviet era in the ideological creation of a "new" person]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1 (1), 99-116. (In Russ). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Ocheretianyi, K. A. (2020). Supernegeroi: ot supersily k ul'tranasiliiu [Super-non-hero: from superpower to ultra-violence]. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3, 27-46. (In Russ). <https://doi.org/10.46539/gmd.v2i3.109>

- Orestova, V. R., Tkachenko, D. P., & Karpuk, V. A. (2019). Vselennaia supergeroev kak prostranstvo identifikatsii i sotsializatsii v usloviakh tranzitivnosti [The universe of superheroes as a space of identification and socialization in conditions of transitivity]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [Bulletin of the Russian State University. The series "Psychology. Pedagogy. Education"], 4, 145–156. (In Russ). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2019-4-145-156>
- Petrova, A. P. (2021). Kul'turnyi geroi i ekrannyi geroi: sushchnostnye kharakteristiki obraza [Cultural hero and screen hero: essential characteristics of the image]. *Khudozhestvennaia kul'tura* [Artistic culture], 1(36), 244–265. (In Russ). <https://doi.org/10.51678/2226-0072-2021-1-244-265>
- Pushkareva, T. V., Ivanova, E. Iu., & Shemiakina, E. M. (2021). Fenomen kospleia: kul'turnye prototipy i trendy [The phenomenon of cosplay: cultural prototypes and trends]. *Chelovek i kul'tura* [Man and culture], 3, 1–17. (In Russ). <https://doi.org/10.25136/2409-8744.2021.3.34966>
- Shintar', T. A. Arkhetipicheskie obrazy sovremennoi sotsial'noi mifologii [Archetypal images of modern social mythology]. *Filosofskaia mys'* [Philosophical thought], 5, 31–40. (In Russ). <https://doi.org/10.25136/2409-8728.2022.5.38158>
- Smirnov, V. A. (2022). Industriia vpechatlenii kak prostranstvo applikatsii «miagkoi sily» [The experience industries as a space for the application of "soft power"]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovaniy (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(1), 117–136. (In Russ). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-117-136](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-117-136)
- Temerbaeva, A. S. (2022). Amerikanskii kinokomiksy kak instrument miagkoi sily SShA (na primere kinokomiksov Marvel) [American comic films as a tool of USA «soft power» (using Marvel comics as an example)]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, parvo* [Society: politics, economics, law], 3, 40–44. (In Russ). <https://doi.org/10.24158/pep.2022.3.6>

Author's information

Losev Dmitrii Vyacheslavovich – postgraduate student, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, B. St. Petersburgskaya ul., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID 0000-0001-9080-3250, Amber6408@yandex.ru

For citation:

Losev, D. V. (2023). Stunning and terrifying ascent of the american Superhuman in the superhero genre. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 168-193. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-168-193](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-168-193)

УДК 159.923.2 + 159.923.5

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-194-216](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-194-216)

ВОЗДЕЙСТВИЕ ТЕХНОГЕННОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ: ОТ ВПЕЧАТЛЕНИЙ К МИРОВОЗЗРЕНИЮ ЛИЧНОСТИ



Ольга Москвитина,
Психологический
институт РАО
(Москва, Россия)

Olga Moskvitina,
Psychological
Institute of RAE
(Moscow, Russia)

ORCID: 0000-0001-6717-3983
e-mail: mskvn-lg@yandex.ru

Для цитирования статьи:

Москвитина, О. А. (2023). Воздействие техногенной виртуальной реальности: от впечатлений к мировоззрению личности. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 194–216. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-194-216](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-194-216)

Аннотация: рассмотрен феномен виртуальной реальности, понимаемый как рукотворная, обеспеченная технологическим сопровождением и техническим оборудованием среда, способная создавать имитацию и симуляцию действительности: от графического представления окружающего мира до особенностей взаимодействия людей друг с другом и

объектами виртуального мира. Показана связь между массовой культурой и содержанием техногенной виртуальной реальности (ТВР), делающей эту реальность составляющей культурной индустрии. Выявлены различные положительные и отрицательные стороны техногенной виртуальной реальности, в связи с их воздействием на мировоззрение личности. Приводятся возможные искажения основных аспектов мировоззрения личности: содержательного, ценностного, структурного и функционального характера. В качестве условий для возникновения этих искажений выдвигаются своеобразие впечатлений, получаемых от воздействия ТВР и особенности работы головного мозга. Делаются выводы о том, что положительное или отрицательное воздействие техногенной виртуальной реальности на мировоззрение личности зависит от качества его содержания, цели использования и особенностей восприятия этой реальности личностью. Наряду с шаблонным, стандартизированным, утилитарным содержанием виртуальной реальности, предназначенной для массового потребителя, существуют её образцы, рассчитанные для узкого круга ценителей, которые могут быть приравнены к произведениям искусства. Подобное разделение общества в виртуальном техногенном пространстве, может дополнительно свидетельствовать о происходящих в нём процессах разделения, разобщения, упрощения общества и расчеловечивания людей.

Ключевые слова: мировоззрение личности, техногенная виртуальная реальность, влияние впечатлений, массовая культура, тиражирование, элитарность, культурная индустрия, смыслы, психические функции, головной мозг.

Введение

Расширяющаяся технологизация жизненного уклада общества, провозглашение его масштабной цифровой трансформации в качестве национальной цели развития до 2030 года, не могут не влиять на основные общественные значимые взаимосвязанные явления: культуру, образование и воспитание. Мировоззрение личности, понимаемое как ядро её образа мира, содержит в себе относительно связанную систему представлений о законах и правилах, подчиняющих человека, общество и мир, а так же об их идеальных характеристиках [Леонтьев 2003], представляет собой собирательное понятие, которое отражает непрерывность и целостность психического в области духовного и

заключает в себе познавательную, эмоционально-оценочную и волевою составляющие [Нехорошков 2014]. Мировоззренческие представления, являющиеся смыслообразующей частью обыденного сознания народов, имеют культурно-исторические особенности и этот факт важно учитывать при проведении, например, психологических исследований [Китова 2021].

Реалии современности одним исследователям видится как исключительно «виртуальные, цифровые, интерактивные, где главенствуют повседневность, ценности самовыражения, объединения, доверия и искренности» [Гусельцева 2018], а другие видят в них опасность киборгизации [Попов и др. 2017] и «интеллектуального расслоения» [Щукина 2018]. Технологический императив нашего времени, по мнению Д. В. Галкина, сводится к тому, что «всё, что можно технологизировать, должно быть технологизировано» [Галкин 2012: 13], но это инструментальная, техническая часть процесса; информационный поток разной модальности и качества, обрушивающийся на человека, может в будущем сформировать, например, некоего Homo medium, неспособного различать и распределять получаемую информацию, с истощенной нервной системой и отсутствующей самобытностью [Леонтьев 2003].

В научном и общественном осмыслении новой действительности возникает понятие «цифровая культура», к которой относят всю совокупность техногенной информационной реальности: компьютеры и другие гаджеты, сеть Интернет, программное обеспечение, оборудование, обеспечивающее действие искусственного интеллекта и сам искусственный

интеллект, оцифрованные культурные артефакты, технологическое искусство, видео- и компьютерные игры [Галкин 2012]. Однако, культура понимается и как инструмент, регулирующий человеческие сознание и поведение [Флиер 2012], следовательно, цифровая культура обладает как минимум таким же воздействием на эти человеческие проявления, как и обычная традиционная культура. Более того, благодаря своей возможности множиться и распространяться среди своих пользователей беспрепятственно, цифровая культура становится массовым явлением, и охват её воздействия на эти массы пользователей становится широким и управляемым со стороны создателей программного обеспечения и содержания – контента.

Современная виртуальная реальность является производной информационного общества и представляет собой техногенную информационную реальность, создаваемую техническими средствами, с помощью которых происходит компьютерное моделирование [Кошетарова & Лосинская 2019]. Эта реальность понимается также, как вместилище симулякров, которые не являются копией реальности, но, напротив, указывают на различия с ней и вызывают множественные симуляции [Емелин 2016]. Благодаря целенаправленной политике по распространению цифровизации, а, следовательно, виртуализации жизнедеятельности, наметилась тенденция восприятия киберкультуры как общественного сознания и человеческой культуры в целом [Летов 2012], которая еще не является их полной оцифровкой, но уже представляет собой «многообразие моделей, образовавшихся в результате

соединения цифровых технологий с иными формами деятельности и знаний» [Елькина 2018: 201].

Научно-техническая модернизация, позволяющая массово тиражировать и распространять культурные образцы и продукты, которые являются производящей основой современной массовой культуры, предполагает перенос на массовый уровень сознания рыночно-потребительские ценности и мироотношение [Сухина 2018]. Культурная индустрия выступает основой массовой культуры, а её продукты – усреднённые произведения кинематографии, журналистики и пр., используемые для манипулирования, поскольку не подразумевают обратной связи от потребителей. Однако, современные информационные технологии дают возможность распространять создаваемые информационные продукты для широкой аудитории и получать обратную связь, взаимодействовать с их потребителями [Самохвалов 2016]. Целью культурной индустрии является развитие, поддержание и обеспечение совместного характера устойчивой и продуктивной жизнедеятельности людей [Флиер 2012].

Индустрия развлечений, построенная на идеологии бизнеса, требует производства продукции массового спроса. К такой продукции относятся компьютерные и видеоигры, характеризующиеся яркостью, простотой, увлекательностью и остросюжетностью [Тендрякова 2008]; большую часть этих игр можно отнести к массовой культуре, не требующей утонченных переживаний от красоты, но рассчитанных прежде всего на широкий спрос и выгоду от реализации [Сухов 2015]. Поскольку

сутью культурной индустрии является стандартизация, тираж и охват как можно большего количества потребителей, то распространение игровой и сетевой виртуальной реальности имеет лавинообразный характер, когда растущее разнообразие и повсеместность медиа-форм и устройств, порожденные цифровыми и мобильными медиа, часто описываются как динамика, которая «лишает каждого человека и общество в целом базовой способности самостоятельно определять, когда обращать внимание и на что» [Stauff 2016: 194]. Это создаёт угрозу такому человеческому проявлению как личность. Феномен «личность» возможно рассматривать только во взаимодействии её носителя с обществом, а обезличивание в виртуальном мире или представление себя с помощью аватара ставит под сомнение возможность полноценного представления себя в этом качестве, более того, пребывание в виртуальном мире затрудняет осуществление единения с действительностью, с миром [Кошетарова & Лосинская 2019].

Информационная картина мира предлагается человеку в качестве социокультурной реальности, презентующей культуру и мировоззрение современного информационного общества [Басалаева 2016], которое стоит на том, что самым главным в жизнедеятельности, и человека, и общества являются информация и знания. Однако, мировоззрение не может быть сведено к ни к информации, ни к знаниям, поскольку сами по себе они безучастны по отношению к внутренней жизни человека, но его самосознание, то есть совокупность представлений о самом себе, о своей личности и её поведении, о своей жизни и её смысле, об

окружающем мире, становятся важнейшими его элементами. Поэтому сутью мировоззрения является выявление и представление взаимосвязи человека и окружающей его действительности [Нехорошков 2014].

Поскольку виртуальная реальность не тождественна окружающей действительности, её технологическая представленность по-разному влияет и на социобиологическую, и на духовно-культурную сущности человека, то представляется, что и на его самосознание, в частности мировоззрение, она будет оказывать особое влияние. Исследователи отмечают, что иногда имитация действительности в виртуальном мире практически неотличима от своего источника [Летов 2012], возможно, это происходит потому, что объекты виртуального мира нередко отсутствуют в действительности и симулякр создаётся только в сознании пользователя, а опоры на непосредственные чувственные реальные ощущения он не имеет. Возникает состояние сознания, которое можно назвать субъективной (вторичной) реальностью [Кошетарова & Лосинская 2019], то есть субъективность здесь представляет собой слияние виртуальной (психической) реальности самого субъекта и симулякра, при этом происходит «раздвоение», когда его тело принадлежит действительности, а большинство психических феноменов, например, высшие психические функции, воля, эмоции, «поглощаются» виртуальным миром и переходят в новое виртуальное тело [Емелин 2016]; происходит смешение, слияние реальностей: внутренней психической и техногенной виртуальной.

Проблема взаимодействия личности и техногенной виртуальной реальности может быть частично уточнена в ответе на следующий исследовательский вопрос: какое впечатление производит техногенная виртуальная реальность на человека, его личность и как это отображается на мировоззрении? Цель представленного исследования может быть определена как выявление особенностей влияния техногенного виртуального мира на мировоззрение личности.

Основная часть

Техногенная виртуальная реальность (далее – ТВР) является пространством, способным в полной мере удовлетворить потребности современного человека в получении им впечатлений (нередко в ущерб обычных физических потребностей), причем он эти впечатления собирает, экономя время, но не средства: получает их онлайн, зачастую не выходя из дома [Кошетарова & Лосинская 2019]. В психологии под впечатлением понимается психическое явление, состоящее из неясного восприятия сильно эмоционально окрашенного, что приводит к превосходству переживаний над познающей, рациональной его составляющей [Палагина 2002]. Потребность во впечатлениях связана с работой коры головного мозга, проявляется с раннего детства и является основой для развития мотивационной сферы личности [Божович 1968]. Значимые и сильные впечатления, полученные в особенно чувствительные периоды психического развития и оказывающие на него в дальнейшем решающее влияние, называют импрессионгом (от английского слова «impression» – впечатление)

[Викторова & Баткаева 2017]. Исследователями выделены четыре основные востребованные области получения впечатлений: во-первых, развлечение как пассивное получение положительных эмоций на уровне ощущений, во-вторых, обучение как активное получение впечатлений посредством учения, причем, совместный процесс предполагает большой интерес, в-третьих, так называемый «уход от реальности через действие, что требует погружение в происходящее», в-четвертых, получение впечатлений через прекрасное – находясь, пребывая в нём [Муртазина 2020]. Все эти области получения впечатлений представлены в ТВР в форме видео, аудио произведений, интерактивных обучающих программ, компьютерных игр, киберспорта, виртуальных выставок, дополненной реальности и пр.

Как у любого сложного и неоднозначного явления, у техногенной виртуальной реальности есть свои положительные и отрицательные стороны. К положительной стороне можно отнести использование виртуальной реальности в образовании, которая благодаря опоре «на достоверную информацию позволяет расширить объем знаний» [Хозе 2021: 70], используя сложные визуально-аудиально-пространственные модели, получить не возможный в обычных условиях опыт; в клинической психологии при «лечении тревожных расстройств, депрессии, аутизма» [Мейтнер & Селиванов 2021: 41]; в дополнительном профессиональном образовании, например, в автомобильных и авиатренажерах; для обучения спасателей, медиков; для создания сложных управленческих, экономических и

исторических стратегий [Сухов 2015]; для приобщения самых разных людей к культуре и истории, когда технологии виртуальной реальности и дополненной реальности могут переносить пользователей в определенный исторический период, «создавая ощущение того, какой была повседневная жизнь, в различных аспектах, от прогулок по городу или посещения храма до более сложных задач, таких как политика и война» [Kargas & Varoutas 2020]; культурного обучения в проектах виртуального наследия, учитывая, что «компьютерные игры не всегда являются культурными местами, но они раскрывают взаимодействие, которое может помочь понять культуру как процесс» [Champion 2020: 20]; кроме того, такая система может «вывести несколько культурных учреждений из изоляции и социальной изоляции, расширить доступность и обеспечить инновационные и демократические подходы к знакомству с культурным наследием, а также помочь в просвещении общества» [Nisiotis et al. 2020: 12]. Виртуальные технологии «расширяют количество людей, которых может заинтересовать получение культурного опыта» [Елькина 2018: 74], а также используются для создания виртуальных сообществ высоких идеалов или в качестве возможности и вести себя так, как неприемлемо в повседневной жизни – все это примеры особых человеческих отношений, которые содержат возможности для использования творческих и небывалых ранее реакций на новые условия [Jensen et al. 2012].

К отрицательным сторонам этих процессов можно отнести многочисленные, достоверно установленные факты, когда некоторые пользователи в ситуации тесного контакта с

виртуальной реальностью практически утрачивают способность различать действительность и её имитацию [Летов 2012], у них происходят субъективные искажения – преувеличение размеров областей тела, которыми «выполнялись» движения в виртуальном мире идентифицируемым персонажем [Яковлева & Варламов 2021] и «доминирование эмоционального начала над рациональным: так, в исследовании показано, как эмоциональные импульсы участвующей в исследовании выборки опережают их собственную рациональность» [Giraldo-Luque & Fernández-Rovira 2020: 11]; обратимость времени и правила игры приводит к утрате установления причинно-следственных связей [Сухов 2015]. «Комфорт и отсутствие приложения усилий для достижения желаемого» [Елькина 2018], а также алгоритмы программы или игры, созданные другими, приводят к ограничению свободы выбора и действия [Сухов 2015]. В содержании виртуальных игр существует разное отношение к привычным в обыденности нормам и правилам: так, например, отношение к мошенничеству неоднозначное. В многопользовательских играх обман приводит к преимуществу перед честными игроками. «Источником определенных норм служит социальное взаимодействие в игре, включающее в себя некоторые коммуникационные правила и пожелания виртуального мира» [Bylieva & Nam 2019: 372]. Нередко происходит замещение внутренней пустоты (из-за невозможности адаптироваться и обрести смысл жизни в информационном обществе) жизнью в виртуальных мирах [Кошетарова и др. 2018]. Происходит возникновение так называемого «постчеловека, лишённого антропологического и социального измерений»

[Елькина 2018]. Глобальной опасностью подобной ситуации является то, что с помощью техногенных виртуальных миров и созданных на их основе компьютерных игр возможно мощное манипулирование сознанием, интересантами которого являются крупнейшие корпорации. В частности, компьютерные игры тормозят развитие творческих способностей и вызывают зависимость у активных пользователей, содержат элементы воздействия, приводящие к побуждению определённых действий в реальности, таким образом они могут быть приравнены к инструментам информационной войны [Поликарпова & Поликарпова]. Происходит сведение на нет настоящей жизни, замена её имитацией и стимуляцией, что в свою очередь приводит к зависимости от виртуальной реальности [Новикова 2021] и может привести к утрате способности жить в подлинной культуре, обществе, которые неизбежно будут восприниматься как отмирающий придаток [Лешкевич 2019]. Неадекватное восприятие и понимание ценности жизни и смерти, отсутствие представления о конечности жизни и о необратимости определённых поступков и действий могут приводить к дезадаптации [Тендрякова 2008]. В целом, можно сделать вывод о том, что, если способность человеческого внимания к обработке информации переходит к машинам, это означает, что «не только развитие средств массовой информации дрейфует в сторону колонизации виртуального пространства» [Stauff 2016: 18].

Впечатления (импрессинги), благодаря силе воздействия на психику человека полученной информации и последующими за этим переживаниями, способны определять и оказывать влияние

на личностные смыслы и направленность сознания в различных предметных областях (нравственной, интеллектуальной и пр.) и развитие поведения человека [Викторова & Баткаева 2017]. Человеческому мозгу безразлично то, откуда пришло впечатление: из действительности или виртуальной реальности, однако, последняя устроена таким образом, что поддерживает биологическую характеристику мозга использовать наименее возможное количество энергии, а, следовательно, не развиваться ни когнитивно, ни эмоционально [Савельев 2022].

Вывод

Неоднозначное влияние техногенной виртуальной реальности на человека, может отражаться и на всех аспектах его мировоззрения. Аспекты мировоззрения, предложенные Д. А. Леонтьевым [Леонтьев 2003] сводятся к содержательному, ценностному, структурному и функциональному. Так, содержательный аспект мировоззрения, заключающий в себе представления о законах мироздания, может быть серьёзно искажён, если сведения об этих законах не носят научного характера, заведомо ложны или не позволяют создать правильных и устойчивых причинно-следственных связей. Нарушения ценностного аспекта мировоззрения может проистекать из неправильных представлений об основах человеческого общежития, отношения к окружающему миру, о том порядке вещей, который приемлем для человека; нарушение этого аспекта является результатом борьбы традиционных и трансгуманистических ценностей. Структурный аспект

мировоззрения сам по себе может быть охарактеризован по-разному: хорошо структурированным и неструктурированным, однако, перенос содержания, полученного в виртуальном мире в реальность в силу естественных сложностей его тождественности, может вносить хаос в структурированное мировоззрение и ещё более запутывать неструктурированное. Поскольку опыт, знания и представления, полученные в виртуальном мире неоднозначно переносятся во внешний, реальный мир, то функциональный аспект мировоззрения, отвечающий за особенности восприятия, осознания и осмысления человеком окружающей действительности и своих поступков, может испытывать наибольшие искажения из-за вынужденного пребывания человеком одновременно в двух мирах – реальном и виртуальном.

В мировоззрении личности отображаются её глубинные ценностно-смысловые структуры, основанные на его индивидуальном опыте и влиянии окружения; оно играет роль самосознания человека как личности [Леонтьев 2003], связанной с другими людьми, вступающей с ними в различные личностные взаимодействия и имеющая эмоционально-оценочные отношения к ним [Нехорошков 2014].

Особенно следует отметить, что в современном мире стали сильно заметны тенденции разделения людей по принадлежности к различным типам культуры: массовой и элитарной. Содержание техногенного виртуального пространства не является исключением, когда в него закладываются стандарты массовой культуры: шаблоны во всём, которые приводят к мировоззренческой профанации бытия человека [Сухина 2018].

Отсутствие творческого отношения к действительности в силу особенностей предлагаемого виртуального пространства, делает массовую цифровую культуру – культурой искусственной жизни [Галкин 2012], с её «искусственной формой» [Елькина 2018: 67].

Поскольку мозгу, как органу биологического существа безразлично, откуда идут стимулы – из действительности или виртуальности, а рациональная его деятельность чересчур энергозатратна, да к тому же ещё и требует приложения воли и разума (к чему мозг не особенно расположен) [Савельев 2022], то следует особенно следить за тем содержанием, которое предлагается человеку к ознакомлению и потреблению, как со стороны общества, так и отдельных его представителей. «Этот мир существует до тех пор, пока «там», в его центре, находятся сознательные существа» [Franck 2019: 18], поэтому наряду с виртуальной реальностью, предназначенной для непритязательного потребителя впечатлений, существуют образцы техногенной виртуальной реальности, имеющие эстетическую ценность и относимые к произведениям искусства [Сухов 2015] для людей, способных воспринять это без ущерба для своего мировоззрения, сохраняющих реалистичную картину мира, необходимую для управления широкими слоями потребителей типовых образцов массовой цифровой культуры.

Литература

- Басалаева, О. Г. (2016). Специализация информационного мировоззрения. *Гуманитарная информатика*, 11, 18–24. <https://doi.org/10.17223/23046082/11/3>
- Божович, Л. И. (1968). Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование). Москва: Просвещение.
- Викторова, Е. В., & Баткаева, Е. Р. (2017). Впечатление как компонента и фактор социализации в коммуникативном пространстве Интернета. *Коммуникология*, 5(1), 88–98. <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2017-5-1-88-98>
- Галкин, Д. В. (2012). Digital culture: методологические вопросы исследования культурной динамики от цифровых автоматов до техно-био-тварей. *Международный журнал исследований культуры*, 3(8), 11–16.
- Гусельцева, М. С. (2018). Метамодернизм в психологии: новые методологические стратегии и изменения субъективности. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*, 8(4), 327–340. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>
- Елькина, Е. Е. (2018). Цифровая культура как область междисциплинарных исследований: методологические подходы и тенденции развития. *Международный журнал открытых информационных технологий*, 6(12), 67–78. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36541874>
- Емелин, В. А. (2016). Симулякры и технологии виртуализации в информационном обществе. *Национальный психологический журнал*, 3(23), 86–97. <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0313>
- Китова, Д. А. (2021). Мировоззрение как психологический феномен в обыденном представлении россиян. *Психологический журнал*, 42(4), 106–117. <https://doi.org/10.31857/S020595920016045-5>
- Кошетарова, Л. Н., & Лосинская, А. Ю. (2019). Флуктуации виртуальной реальности: модели виртуальной реальности в контексте культурной динамики. *Ценности и смыслы*, 1(59), 62–77.
- Кошетарова, Л. Н., Крутой, О. Б., & Лосинская, А. Ю. (2018). Идейность информационного общества. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки*, 4(14), 12–18.
- Леонтьев, Д. А. (2001). Мировоззрение. *Сибирский психологический журнал*, 18, 152.
- Летов, Е. В. (2012). Сущность и основные черты интеграционного процесса виртуальной реальности и культуры. *Вестник МГУКИ*, 2(46), 43–46. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17734620> (дата обращения: 15.05.2022).
- Лешкевич, Т. Г. (2019). Цифровые трансформации эпохи в проектах их воздействия на современного человека. *Вестник Томского государственного университета*, 439, 103–109. <https://doi.org/10.17223/15617793/439/12>
- Мейтнер, Л., & Селиванов, В. В. (2021). Критический анализ использования виртуальных технологий в клинической психологии в Европе (по

- содержанию журнала «Киберпсихология, поведение и социальные сети». *Современная зарубежная психология*, 10(2), 36–43. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021000001>
- Муртазина, Г. Ф. (2020). Экономика впечатлений новая социально-экономическая ступень общества в мировой теории и практике. *Новые импульсы развития: вопросы научных исследований*, 1(1), 173–176.
- Нехорошков, А. В. (2014). Мировоззрение субъекта: сущность, структура, диагностика. *Образование и саморазвитие*, 4(42), 74–79.
- Новикова, О. Н. (2021). Игрозация пространственно-временного бытия человека в контексте виртуальной реальности. *Социум и власть*, 4(90), 128–137. <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-4>
- Поликарпова, В. А., & Поликарпова, Е. В. (2019). Компьютерные игры как инструмент мировой войны. *Манускрипт*, 12(8), 99–104. <https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.8.19>
- Попов, Л. М., Насибуллов, К. И., & Устин, П. Н. (2017). Проблемы российской психологии и пути их решения. *Психологический журнал*, 38(4), 115–118. <https://doi.org/10.7868/S0205959217040109>
- Савельев, С. В. (2022, 28 сентября). Создание дур@ков. Интернет зависимость. *Youtube.com*. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=nu34lc1S7bU> (дата обращения: 15.11.20122).
- Самохвалов, Д. С. (2016). *Историческая психология: основы историко-психологических исследований*. Минск: Изд-во БГУ.
- Сухина, И. Г. (2018). Массовая культура как глобализационный феномен. *Российский гуманитарный журнал*, 7(4), 260–272. <https://doi.org/10.15643/libartus-2018.4.2>
- Сухов, А. А. (2015). Погружение в виртуальные миры: междисциплинарное исследование современных компьютерных игр. Екатеринбург: Изд-во. ЦНОТ ИТО УрФУ.
- Тендрякова, М. В. (2008). Старые и новые подобные игры: игровая специализация виртуального пространства. *Культурно-историческая психология*, 2, 60–68.
- Палагина, Н. Н. (ред.) (2002). Учебный словарь и персоналии по возрастной и педагогической психологии. Бишкек: Изд-во КРСУ.
- Флиер, А. Я. (2012, май-июнь). Культурные индустрии в истории и современности: типы и технологии. *Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Уменье»*, 3. Режим доступа: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Fliyer_Cultural-Industriyes (данные обращения: 05.05.2022).
- Хозе, Е. Г. (2021). Виртуальная реальность и образование. *Современная зарубежная психология*, 10(3), 68–78. <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100307>
- Щукина, М. А. (2018). Прогнозы Б. Г. Ананьева и тенденции развития современной психологии. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*, 8(3), 258–270. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.304>

- Яковлева, Н. В., & Варламов, А. В. (2021). Искажения в восприятии человеком собственного тела после выполнения подвижных заданий в виртуальной реальности. *Вестник РГГУ. Серия: Психология. Педагогика. Образование*, 2, 130–146. <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-2-130-146>
- Bylieva, D. S., & Nam, T. (2019). Social Norms in Virtual Worlds of Computer Games. *Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*, 369–373.
- Champion, E. M. (2020). Culturally Significant Presence in Single-player Computer Games. *Journal on Computing and Cultural Heritage (JOCCH)*, 13, 1–24. <https://doi.org/10.1145/3414831>
- Franck, G. (2019). The economy of attention. *Journal of Sociology*, 55(1), 8–19 <https://doi.org/10.1177/1440783318811778>
- Giraldo-Luque, S., & Fernández-Rovira, C. Redes sociales y consumo digital en jóvenes universitarios: economía de la atención y oligopolios de la comunicación en el siglo XXI. *Profesional de la información*, 29(5). <https://doi.org/10.3145/epi.2020.sep.28>
- Jensen, S. S., Phillips, L. G., & Strand, D. L. (2012). Virtual worlds as sites for social and cultural innovation. *Convergence*, 18(1), 3–10. <https://doi.org/10.1177/135485651141991118>
- Kargas, A., & Varoutas, D. (2019). Industry 4.0 in Cultural Industry: A Review on Digital Visualization for VR and AR Applications. In Bolognesi, B. C., & Santagati, C. (Eds.). *Impact of Industry 4.0 on Architecture and Cultural Heritage* (pp. 19). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-1234-0.ch001>
- Nisiotis, L., Alboul, L., & Beer, M. D. (2020). A Prototype that Fuses Virtual Reality, Robots, and Social Networks to Create a New Cyber–Physical–Social Eco–Society System for Cultural Heritage. *Sustainability*, 2(12), 645. <https://doi.org/10.3390/su12020645>
- Stauff, M. (2016). Taming Distraction: The Second Screen Assemblage, Television and the Classroom. *Media and Communication*, 4, 185. <https://doi.org/10.17645/mac.v4i3.538>

Информация об авторе

Москвитина Ольга Александровна – кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник, Психологический институт РАО (Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4), ORCID: 0000-0001-6717-3983, mskvnlg@yandex.ru

THE IMPACT OF MAN-MADE VIRTUAL REALITY: FROM IMPRESSIONS TO A PERSON'S WORLDVIEW

Olga Moskvitina

Abstract: the phenomenon of virtual reality, understood as a man-made, provided with technological support and technical equipment environment that can create an imitation and simulation of reality: from the graphic representation of the world to the characteristics of human interaction with each other and the objects of the virtual world. The connection between mass culture and the content of technogenic virtual reality (TVR), which makes this reality a component of the cultural industry, is demonstrated. Various positive and negative aspects of technogenic virtual reality are revealed, in connection with their impact on the worldview of an individual. Possible distortions of the main aspects of a person's worldview are given: substantive, value, structural and functional in nature. As conditions for the occurrence of these distortions, the originality of the impressions received from the impact of TVR and the peculiarities of the work of the brain are put forward. It is concluded that the positive or negative impact of technogenic virtual reality on the worldview of the individual depends on the quality of its content, the purpose of use and the characteristics of the perception of this reality by an individual. Along with the template, standardized, utilitarian content of virtual reality intended for the mass consumer, there are its samples, designed for a narrow circle of connoisseurs, which can be equated to works of art. Such a division of society in a virtual technogenic space may additionally indicate the processes of division, disunity, simplification of society and dehumanization of people taking place in it.

Keywords: person's worldview, technogenic virtual reality, influence of impressions, mass culture, replication, elitism, cultural industry, meanings, mental functions, the brain.

References

- Basalaeva, O. G. (2016). Spetsializatsiia informatsionnogo mirovozzreniia [Specialization of information worldview]. *Gumanitarnaia informatika* [Humanitarian informatics], 11, 18–24. (In Russ). <https://doi.org/10.17223/23046082/11/3>
- Bozhovich, L. I. (1968). *Lichnost' i eeformirovanie v detskom vozraste. (Psikhologicheskoe issledovanie)* [Personality and its formation in childhood (Psychological research)]. Moscow: Education Publ. (In Russ).
- Bylieva, D. S., & Nam, T. (2019). Social Norms in Virtual Worlds of Computer Games. *Proceedings of the International Conference Communicative Strategies of Information Society (CSIS 2018)*, 369–373.
- Champion, E. M. (2020). Culturally Significant Presence in Single-player Computer Games. *Journal on Computing and Cultural Heritage (JOCCH)*, 13, 1–24. <https://doi.org/10.1145/3414831>
- El'kina, E. E. (2018). Tsifrovaia kul'tura kak oblast' mezhdistsiplinarnykh issledovani: metodologicheskie podkhody i tendentsii razvitiia [Digital culture as a field

- of interdisciplinary research: methodological approaches and development trends]. *Mezhdunarodnyi zhurnal otkrytykh informatsionnykh tekhnologii* [International Journal of Open Information Technologies], 6(12), 67–78. (In Russ). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36541874>
- Emelin, V. A. (2016). Simuliakry i tekhnologii virtualizatsii v informatsionnom obshchestve [Simulacra and virtualization technologies in the information society]. *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal* [National Psychological Journal], 3(23), 86–97. (In Russ). <https://doi.org/10.11621/npj.2016.0313>
- Flier, A. Ia. (2012, May–June). Kul'turnye industrii v istoriii sovremennosti: tipy i tekhnologii [Cultural industries in history and modernity: types and technologies]. *Informatsionny i gumanitarnyi portal «Znanie. Ponimanie. Umen'e»* [Information humanitarian portal "Knowledge. Understanding. Skill"], 3. (In Russ). Available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2012/3/Fliyer_Cultural-Industriyes (accessed: 05.05.2022).
- Franck, G. (2019). The economy of attention. *Journal of Sociology*, 55(1), 8–19 <https://doi.org/10.1177/1440783318811778>
- Galkin, D. V. (2012). Digital culture: metodologicheskie voprosy issledovaniia kul'turnoi dinamiki ot tsifrovyykh avtomatov do tekhnobio-tvarei [Digital culture: methodological issues of the study of cultural dynamics from digital automata to techno-bio-creatures]. *Mezhdunarodnyi zhurnal issledovaniia kul'tury* [International Journal of Cultural Studies], 3(8), 11–16. (In Russ).
- Giraldo-Luque, S., & Fernández-Rovira, C. Redes sociales y consumo digital en jóvenes universitarios: economía de la atención y oligopolios de la comunicación en el siglo XXI. *Profesional de la información*, 29(5). <https://doi.org/10.3145/epi.2020.sep.28>
- Gusel'tseva, M. S. (2018). Metamodernizm v psikhologii: novye metodologicheskie strategii i izmeneniia sub"ektivnosti [Metamodernism in psychology: new methodological strategies and changes in subjectivity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology], 8(4), 327–340. (In Russ). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.402>
- Jensen, S. S., Phillips, L. G., & Strand, D. L. (2012). Virtual worlds as sites for social and cultural innovation. *Convergence*, 18(1), 3–10. <https://doi.org/10.1177/135485651141991118>
- Kargas, A., & Varoutas, D. (2019). Industry 4.0 in Cultural Industry: A Review on Digital Visualization for VR and AR Applications. In Bolognesi, B C., & Santagati, C. (Eds.). *Impact of Industry 4.0 on Architecture and Cultural Heritage* (pp. 19). IGI Global. <https://doi.org/10.4018/978-1-7998-1234-0.ch001>
- Khoze, E. G. (2021). Virtual'naia real'nost' i obrazovanie [Virtual reality and education]. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya* [Modern foreign psychology], 10(3), 68–78. (In Russ). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100307>
- Kitova, D. A. (2021). Mirovozzrenie kak psikhologicheskii fenomen v obydenom predstavlenii rossiian [Worldview as a psychological phenomenon in the everyday perception of Russians]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological

- Journal], 42(4), 106–117. (In Russ).
<https://doi.org/10.31857/S020595920016045-5>
- Koshetarova, L. N., & Losinskaia, A. Iu. (2019). Fluktuatsii virtual'noi real'nosti: modeli virtual'noi real'nosti v kontekste kul'turnoi dinamiki [Fluctuations of virtual reality: virtual reality models in the context of cultural dynamics]. *Tsennosti i smysly* [Values and meanings], 1(59), 62–77. (In Russ).
- Koshetarova, L. N., Krutoi, O. B., & Losinskaia, A. Iu. (2018). Ideinost' informatsionnogo obshchestva [The ideality of the information society]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Obshchestvennye nauki* [Bulletin of the Tambov University. Series: Social Sciences], 4(14), 12–18. (In Russ).
- Leont'ev, D. A. (2001). Mirovozzrenie [Worldview]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological Journal], 18, 152. (In Russ).
- Leshkevich, T. G. (2019). Tsifrovye transformatsii epokhi v proektakh ikh vozdeistviia na sovremennogo cheloveka [Digital transformations of the epoch in projects of their impact on modern man]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University], 439, 103–109. (In Russ). <https://doi.org/10.17223/15617793/439/12>
- Letov, E. V. (2012). Sushchnost' i osnovnye cherty integratsionnogo protsessa virtual'noi real'nosti i kul'tury [The essence and main features of the integration process of virtual reality and culture]. *Vestnik MGUKI* [Bulletin of MGUKI], 2(46), 43–46. Available at: (In Russ). <https://elibrary.ru/item.asp?id=17734620> (accessed: 15.05.2022).
- Meitner, L., & Selivanov, V. V. (2021). Kriticheskii analiz ispol'zovaniia virtual'nykh tekhnologii v klinicheskoi psikhologii v Evrope (po sodержaniuu zhurnala «Kiberpsikhologiya, povedenie i sotsial'nye seti») [Critical analysis of the use of virtual technologies in clinical psychology in Europe (according to the content of the journal «Cyberpsychology, behavior and social networks»). *Sovremennaiia zarubezhnaia psikhologiya* [Modern foreign psychology], 10(2), 36–43. (In Russ). <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021000001>
- Murtazina, G. F. (2020). Ekonomika vpechatlenii novaia sotsial'no-ekonomicheskaiia stupen' obshchestva v mirovoi teorii i praktike [The economy of impressions is a new socio-economic stage of society in world theory and practice]. *Novye impul'sy razvitiia: voprosy nauchnykh issledovani* [New impulses of development: issues of scientific research], 1(1), 173–176. (In Russ).
- Nekhoroshkov, A. V. (2014). Mirovozzrenie sub"ekta: sushchnost', struktura, diagnostika [The worldview of the subject: essence, structure, diagnostics]. *Obrazovanie i samorazvitie* [Education and self-development], 4(42), 74–79. (In Russ).
- Nisiotis, L., Alboul, L., & Beer, M. D. (2020). A Prototype that Fuses Virtual Reality, Robots, and Social Networks to Create a New Cyber–Physical–Social Eco–Society System for Cultural Heritage. *Sustainability*, 2(12), 645. <https://doi.org/10.3390/su12020645>
- Novikova, O. N. (2021). Igrozatsiia prostranstvenno-vremennogo bytiia cheloveka v kontekste virtual'noi real'nosti [Gamification of the space-time existence of a

- person in the context of virtual reality]. *Sotsium i vlast'* [Society and power], 4(90), 128–137. (In Russ). <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2021-4>
- Palagina, N. N. (red.) (2002). *Uchebnyi slovar' i personalii po vozrastnoi pedagogicheskoi psikhologii* [Educational dictionary and personalities on age and pedagogical psychology]. Bishkek: KRSU Publ. (In Russ).
- Polikarpova, V. A., & Polikarpova, E. V. (2019). Komp'uternye igry kak instrument mirovoi voyny [Computer games as a tool of the world]. *Manuskript* [The manuscript], 12(8), 99–104. (In Russ). <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.8.19>
- Popov, L. M., Nasibullov, K. I., & Ustin, P. N. (2017). Problemy rossiiskoi psikhologii i puti ikh resheniia [Problems of Russian psychology and ways to solve them]. *Psikhologicheskii zhurnal* [Psychological Journal], 38(4), 115–118. (In Russ). <https://doi.org/10.7868/S0205959217040109>
- Samokhvalov, D. S. (2016). *Istoricheskaiia psikhologiiia: osnovy istoriko-psikhologicheskikh issledovaniia* [Historical psychology: fundamentals of historical and psychological research]. Minsk: BGU Publ. (In Russ).
- Savel'ev, S. V. (2022, September 28). Sozdanie dur@kov. Internet zavisimost' [Creation of fools. Internet addiction]. *Youtube.com* [Youtube.com]. (In Russ). Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=nu34lc1S7bU> (accessed: 15.11.2022).
- Shchukina, M. A. (2018). Prognozy B. G. Anan'eva i tendentsii razvitiia sovremennoi psikhologii [Ananyev and trends in the development of modern psychology]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psikhologiiia i pedagogika* [Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and pedagogy], 8(3), 258–270. (In Russ). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu16.2018.304>
- Stauff, M. (2016). Taming Distraction: The Second Screen Assemblage, Television and the Classroom. *Media and Communication*, 4, 185. <https://doi.10.17645/mac.v4i3.538>
- Sukhina, I. G. (2018). Massovaia kul'tura kak globalizatsionnyi fenomen [Mass culture as a globalizing phenomenon]. *Rossiiskii gumanitarnyi zhurnal* [Russian Humanitarian Journal], 7(4), 260–272. (In Russ). <https://doi.org/10.15643/libartrus-2018.4.2>
- Sukhov, A. A. (2015). *Pogruzhenie v virtual'nye miry: mezhdistsiplinarnoe issledovanie sovremennykh komp'uternykh igr* [Immersion in virtual worlds: an interdisciplinary study of modern computer games]. Ekaterinburg, TsNOT ITOO UrFU Publ. (In Russ).
- Tendriakova, M. V. (2008). Staryei novye podobnye igry: igrovaia spetsializatsiia virtual'nogo prostranstva [Old and new similar games: game specialization of virtual space]. *Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiiia* [Cultural and historical psychology], 2, 60–68. (In Russ).
- Viktorova, E. V., & Batkaeva, E. R. (2017). *Vpechatlenie kak komponenta i faktor sotsializatsii v kommunikativnom prostranstve Interneta* [Impression as a component and factor of socializations in the communicative space of the Internet]. *Kommunologiiia* [Communicology], 5(1), 88–98. (In Russ). <https://doi.org/10.21453/2311-3065-2017-5-1-88-98>

Yakovleva, N. V., & Varlamov, A. V. (2021). Iskazheniia v vospriatii chelovekom sobstvennogo tela posle vypolneniia podvizhnykh zadaniy v virtual'noi real'nosti [Distortions in a person's body perception after performing dynamic tasks in virtual reality]. *Vestnik RGGU. Seriya «Psikhologiya. Pedagogika. Obrazovanie»* [Bulletin of the Russian State University. The series "Psychology. Pedagogy. Education"], 2, 130–146. (In Russ). <https://doi.org/10.28995/2073-6398-2021-2-130-146>

Author's information

Moskvitina Olga Aleksandrovna – Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Senior Researcher at Psychological Institute of RAE (9, p. 4, Mokhovaya ul., Moscow, 125009, Russia), ORCID: 0000-0001-6717-3983, mskvnlg@yandex.ru

For citation:

Moskvitina, O.A. (2023). The impact of man-made virtual reality: from impressions to a person's worldview. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 194–216. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-194-216](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-194-216)

УДК 167.5+304.9

[https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-217-254](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-217-254)

ГОЛЛИВУДСКИЕ МОЛОДЕЖНЫЕ АНТИУТОПИИ: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЕКЦИИ СТРАХА СОВРЕМЕННОКОВ ПО ПОВОДУ БУДУЩИХ МИРОВ



Илья Сюзюмов,
Новгородский
государственный
университет
им. Ярослава Мудрого
(Великий Новгород,
Россия).

Ilya Suzumov,
Yaroslav-the-Wise
Novgorod State University
(Velikiy Novgorod, Russia).

ORCID: 0000-0001-7459-1489
e-mail: mr.sia99@mail.ru

Для цитирования статьи:

Сюзюмов, И. А. (2023). Голливудские молодежные антиутопии: социокультурные проекции страха современников по поводу будущих миров. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(2), 217–254. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-217-254](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-217-254)

Аннотация: в статье рассмотрен феномен антиутопических произведений XXI века, связанный с качественным расширением действия проекций страха современников на мир будущего. Актуальность темы обусловлена, как увеличением количества антиутопических произведений, так и ростом массового потребительского спроса на визуализированные антиутопии, повышением значимости антиутопий в идеологическом освоении

современного социокультурного пространства. Экранизированные Голливудом антиутопии, обретающие все большую потребительскую популярность, позволяют провести анализ спроецированных индивидуальных и коллективных страхов, выявить основные признаки «нежелательных» для авторов антиутопических миров, а также исследовать идеи, транслируемые их создателями в массы. В статье рассматриваются наиболее явные спроецированные Голливудом страхи, определяются причины их возникновения и мера их бессознательности, фиксируются основные социально-политические цели и идеологические сценарии внедрения выявленных страхов в пространства иных социокультурных традиций. Дается характеристика причин эволюции и трансформации страхов, свойственных послевоенным поколениям, определяются базисные причины их изменений и значимость для антиутопии как жанра. Проводится анализ приемов визуализации и ментально-идеологического воздействия на потребителя, используемых при создании антиутопических кинокартин. Статья непосредственно опирается на анализ современных голливудских молодежных антиутопий: «Голодные игры», «Дивергент», «Бегущий в лабиринте», имеющих не только традиционные литературные основы, но и дополненных масштабными и кассовыми киноверсиями.

Ключевые слова: антиутопия, визуализация, Голливуд, проекция страха, идеология, индустрия впечатлений, культурное влияние, идеология, пропаганда, капитализм.

Введение

В последнее столетие роль антиутопии сильно возросла, если до XX века антиутопии служили, в первую очередь, сатирой на современный авторам мир, во вторую, ставили вопрос перед утопиями, действительно ли они предлагают идеальный мир. В XX веке ситуация изменяется, потому этот век можно назвать веком жесточайшей идеологической борьбы, когда идеологии коммунизма и капитализма активно противостояли друг другу с наибольшей силой. После распада СССР и отхода большинства стран социалистического лагеря от идей действительного коммунизма, идеологическая война начала клониться к своему закату и большая часть современных конфликтов уже не является «войной идеологий» в ее классическом понимании и выражении, а

становится «войной интересов». При изменении мира начинают вновь меняться и характер антиутопических текстов (как традиционных, так и визуальных), которые все больше отступают от явно конфронтационных идеологических канонов, обращая все большее внимание на острейшие проблемы современного массового общества.

Так вместо явных антикоммунистических произведений начала или середины XX века, мы наблюдаем появление сначала традиционных, а затем и визуальных текстов культуры, которые направлены «на стремление охватить, выразить и осознать наиболее культурно и экзистенциально значимые смыслы» [Некита & Маленко 2022: 101], а также демонстрируют антиутопические черты как коммунизма, так и современного капитализма. Однако, в связи с тем, что масштабное идеологическое противостояние между этими конкурирующими идеологиями завершилось лишь относительно недавно, да и то еще не окончательно, то антикоммунистические элементы нередко преобладают и их смешивают с элементами фашизма, полностью приравнивая, таким образом, для читателей и зрителей две совершенно различные идеологии.

Стоит отметить, что фашизм является как раз абсолютно закономерным, логичным, фактически даже неизбежным итогом развития капиталистического общества. Тем не менее, в современном массовом искусстве мы продолжаем сталкиваться с трагическим заблуждением, порожденным еще пропагандой Геббельса и с явным удовольствием подхваченным всем современным западным миром, относительно того, что коммунизм

и фашизм суть одно и тоже воплощение Мирового Зла. Столь малое по меркам истории время, прошедшее с активного периода идеологической борьбы, и клубок заблуждений либеральных авторов приводит к тому, что антикоммунизм и до сих пор остается значимым элементом большинства антиутопических произведений. Однако, стоит отметить, что данная тенденция все-таки идет на спад и сравнивая антиутопии XX и начала XXI века и специалисты, и даже обычные читатели почти сразу могут определить к какому именно веку относится та или иная антиутопия. Таким образом, мы констатируем, что наибольшей идеологической наполненностью и активным противостоянием отличаются утопии именно XX века.

Как пример стоит вспомнить произведения антикоммунистического толка: «Мы» Е. Замятина, «Скотный двор» Дж. Оруэлла. По мнению некоторых исследователей, например А. А. Денисова, «в антиутопической концепции и в тоталитарном политическом режиме ведущую роль приобретает идеология, навязываемая и распространяемая государством» [Денисов 2021: 28]. В связи с тем, что такая позиция противоречит нашему тезису необходимо рассмотреть вопрос несколько подробнее, Денисов утверждает, что в тоталитарном режиме идеология навязывается государством, однако разве мы не можем сказать того же о демократических обществах, где навязывают идеи равенства, свободы, индивидуализма, заставляют признавать людей различных рас и наций за полноценных, запрещают осуждать однополые браки т. п., это же также является

идеологией, которая навязывается и распространяется государством.

Специально отметим, что речь вовсе не идет о том, хорошо это или плохо, правильно ли осуждать людей или унижать их по внешним признакам, речь идет о том, что внешнее, властное или корпоративное навязывание моделей поведения присутствует, при этом, они вам могут нравиться или же не нравиться, могут быть более или менее «демократическими» или же откровенно тоталитарными. Одной из задач государства является создание единых норм поведения и закрепление этих норм, то есть, в том числе, их навязывание. Что же касается идеологии в антиутопии, то ее может и не быть, например если речь идет об антиутопических произведениях, посвященных концу света и выживанию одного человека или малой группы.

Хотя вернее будет сказать, что идеология все равно есть и в таком произведении, поскольку его автор сам сформирован в рамках той или иной идеологии, а, значит, он будет (хотя бы и бессознательно) проецировать собственное мировосприятие на своих героев. Таким образом, даже в той антиутопии, где автор напрямую и не ставит задачу продемонстрировать несовершенство мира и несправедливость человеческого общества, все равно будет представлена модель поведения, которую либо одобряет, либо же, наоборот, не одобряет автор, и эта модель будет неразрывно связана с той идеологией, которую сознательно или же бессознательно разделяет и поддерживает автор.

Необходимо отметить, что подобная проекция – неотъемлемое свойство человеческой психики и сознания. Показательно, при этом, что она способна «приобретать как нормальные, так и патологические формы. Соответственно, нормальная форма проекции подразумевает наличие не защитных и конституирующих функций для психики человека. Патологическая форма представляет собой защитный механизм, с которым связано возникновение целого ряда психических заболеваний» [Жуань 2017: 304]. То есть, если при создании антиутопии автор занимается конституированием своего мировоззрения посредством бессознательной проекции, то такое произведение вполне может считаться порождением психически здорового человека и рассматриваться, как полноценное произведение, даже если подобное мировоззрение ошибочно в связи с низким, или же недостаточным уровнем его просвещенности и посвященности. Тогда как те антиутопии, которые создавались авторами, игнорирующими факт собственного «участия» в том, что они явно или неявно осуждают в своем произведении, уже стоит рассматривать как некоторую патологическую форму и результат творчества не вполне психически здоровых людей.

По мнению Р.С. Черепановой, «антиутопия конструируется на иррациональных началах» [Черепанова 1999: 106], однако и в данном случае согласиться с исследователем мы не можем: важно осознавать, что современные антиутопии – это не просто произведения обратные утопиям, а проекция страха. Можно ли считать страхи иррациональными? Некоторые, в определенном

смысле, безусловно можно, как например, страх огня, воды, бездны, пауков, если в регионе не проживают ядовитые виды, однако, и этот страх мог иметь в прошлом рациональные основания, которые со временем устарели. В качестве примера могла бы послужить иллюстрация из популярной молодежной франшизы «Дивергент», которая как раз и демонстрирует борьбу героини со своими глубинными страхами по поводу огня (рис. 1).



*Рис. 1. Франшиза «Дивергент». Беатрис Прайор преодолевает свои «огненные» страхи.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
https://media.filmz.ru/photos/full/filmz.ru_f_186501.jpg*

В антиутопиях же проецируются страхи иного порядка, это не страхи человека как индивида или личности, а страхи человека как члена социума конкретного типа. Потому сами эти страхи в некоторой степени рациональны, так как основываются на страхе того, что человек видел и что может увидеть. Как те, кто

боятся ядерной войны, имеют такой страх в связи с тем, что она может случиться в будущем и, если нам в антиутопии демонстрируют мир после ядерной войны, разве можно считать его иррациональным. То же самое касается и равенства: наблюдая отсутствие действительного равенства в обществе, человек опасается, что подобное неравенство может быть закреплено юридически, как было ранее, например, когда голосовать могли те, кто имел доход выше определенной суммы.

Таким образом, мы можем утверждать, что непрерывно проецируемые в антиутопиях страхи не лишены глубинных оснований, а значит не могут в полной мере считаться рациональными. Пример с зеркальным лабиринтом, в котором каждый человек может обнаружить свои неведомые доселе страхи, как раз и демонстрирует кадр из голливудской франшизы о «Дивергенте» (рис. 2).

В связи с этим, отчасти, мы можем наблюдать неизменную популярность антиутопического жанра на протяжении вот уже нескольких поколений, в силу его близости жанру ужасов, который изначально пользовался колоссальным успехом. Но если страхи в жанре ужасов, скорее, индивидуальные, в основном иррациональные и локальные, то в антиутопиях они уже общесоциальные, институциональные, рациональные и глобальные. Что делает жанр антиутопий более глубоким и значимым по сравнению с жанром ужасов, но, безусловно, связанным с ним. Стоит отдельно обратить внимание на



Рис. 2. Франшиза «Дивергент». Беатрис Прайор противостоит собственным бессознательным страхам в зеркальном лабиринте. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a72z>

традиционный страх смерти, ведь в большинстве антиутопий персонажи оказываются на грани выживания и даже теряют друзей и родных. Таким образом, происходит масштабная проекция универсального, а значит свойственного всем, страха смерти, которого в принципе «нельзя избежать, поскольку значительная его доля является неосознаваемой» [Филиппова и др. 2010: 157]. Внедрение идеи смерти в антиутопию как продукта массовой культуры существенно расширяет целевую аудиторию и наполняет само произведение не только сознательными, но и бессознательными инструментами манипуляции сознанием.

Таким образом, укажем, что далеко не все авторы рассматривают антиутопию как самостоятельный продукт, а в обязательном порядке привязывают ее либо к идеологии, либо к

обратной утопии, что, как мы уже доказали, в корне ошибочно. Поэтому антиутопия как проекция страха современности на мир будущего имеет самостоятельную культурную роль. Однако некоторые авторы отмечают зародившуюся самостоятельность антиутопических произведений, например, Д. С. Солобуто пишет: «В процессе развития жанра в антиутопии происходит смешение утопии и романа. Ввиду смешения обе составляющих деформируются, превращая его в независимое образование и заявляя право антиутопии на самостоятельное существование» [Солобуто 2022: 147].

В данном случае речь идет скорее о современных произведениях антиутопического жанра, в которых социальные проблемы нарочито вытеснены на второй план, тогда как на сцену демонстративно выходят личные переживания героев. Так, например, крайне популярные совсем недавно голливудские молодежные антиутопии «Голодные игры» и «Дивергент» являются скорее кинороманами или романами на антиутопическом фоне. Поскольку антиутопический мир хоть и визуализирован, но его проблемы не решены, да и герои в основном занимаются в первую очередь собой, своими отношениями и переживаниями, которые так или иначе связаны с окружающим ужасным и тоталитарным миром. Фактически, молодые бунтари противостоят антиутопическому миру не потому, что считают ужасной саму систему в ее основе, – это их волнует скорее лишь в связи с тем и в той мере, что они, так или иначе, оказались данной системой ущемлены. Родись главные героини во властной элите своего антиутопического мира, то крайне маловероятно, что они бы

начали бороться с существующей системой. Хотя стоит отметить, что если бы в произведении «Голодные игры» главным героем был бы Плутарх Хэвенсби, который был распорядителем семьдесят пятых «Голодных игр» и поддерживал мятеж, являлся жителем столицы Панема, занимая, при этом, статусное положение в обществе.

Стоит отметить, что изменение сущностного содержания антиутопий не происходит так же быстро как изменение мира. Сначала меняется мир, только затем, как ответ на мировые изменения, трансформируется и содержание антиутопий. Автор, как продукт прошлого, рожденный и воспитанный в прошлом, относительно момента создания своего произведения, остается подвластен страхам почти всей своей жизни, а значит и прошлому. В связи с этим даже в современных молодежных антиутопиях мы наблюдаем, например, панический страх авторов произведений перед коммунистической идеей и почти маниакальное стремление приравнять ее к фашизму. В произведении «Голодные игры» руководитель дистрикта 13, который ассоциировался, вероятно, западными жителями с тоталитарным коммунизмом из-за типовой одежды, строгих правил и иных признаков, после прихода к власти собрался проводить практически такую же политику, что и фашистский режим Капитолия до победы революции. И это неудивительно, ведь автор цикла романов о Сойке-Пересмешнице Сьюзен Коллинз 1962 года рождения, – значительную часть своей жизни она слушала страшные истории об ужасах коммунизма и о его тождественности фашизму, поэтому неудивительно, что страхи ее

прошлого максимально гиперболизировались и воплотились сначала в литературной, а затем уже и в триумфально визуализированной Голливудом франшизе.

На основании этого мы можем рассматривать антиутопию как проекцию страха, в том смысле, что сам автор проецирует свои страхи и опасения на описываемое им общество. Нередко изображённое общество является обществом будущего, либо же автор, описывая современное ему человечество, добавляет те черты, которые были бы нежелательны для автора и которые, как он опасается, могут проявиться в будущем. Таким образом, антиутопия, даже если она не описывает будущее, является проекцией современности на будущее. В связи с тем, что антиутопия есть не желаемый мир, то логично предположить, что автор описывает то, чего бы он хотел избежать в своей жизни, то есть свои страхи. Это, в свою очередь, подтверждает тезис, что антиутопия является проекцией страха современности на мир будущего: «Антиутопия изображает воображаемый мир как возможную модель ближайшего будущего» [Шепелева & Долгина 2015: 14].

Речь, в первую очередь, всегда идет о ближайшем будущем, ведь даже если события антиутопического романа или рассказа будут разворачиваться, к примеру, в четвертом тысячелетии, современный человек будет просто не способен предположить, что может быть с планетой, обществом, природой и людьми в настолько отдаленной перспективе. Но даже не это останавливает авторов, поскольку полет человеческой фантазии принципиально неукротим. Авторы предпочитают описывать

именно ближайшее, отстоящее от современников на одно или несколько поколений, будущее именно в связи с тем, что, как мы уже указывали выше, их страхи преимущественно связаны с коллективными и личными измерениями опыта и знания. А это значит, что их экзистенциальные страхи основываются на сравнении и противопоставлении условных «вчера» и «сегодня», что в свою очередь не дает возможности перенести их дальше, чем на условное «завтра». Потому что уже в условном «послезавтра» подобные страхи, вероятно, будут неактуальны (примерно так, как если бы житель европейской деревни в V веке боялся стать рабом после набега варваров и написал бы об этом произведение, но оно уже не было бы актуальным сегодня, даже на той территории, где некогда жил его автор).

Также стоит отметить, что развитие общества происходит параллельно и с развитием человека. В то же время «трансформация культурной парадигмы – процесс закономерный и неизбежный, но впервые в истории человечества он происходит такими темпами. Это ведет к трансформации структуры личности, ее аксиологических ориентиров» [Лавринова 2019: 91]. Изменение ценностей человека связано с изменением мира вокруг него, поэтому оценивать антиутопические миры с точки зрения нас сегодняшних, в определенной степени, представляется некорректным, а может быть даже и ошибочным.

Рассматривая и осуждая тоталитарные общества в необычайно популярных молодежных антиутопиях «Голодные игры», «Дивергент» и им подобных, мы исходим из нашего открытого или же по каким-то причинам скрываемого предубеждения и

явного нежелания такого мира, а не из того факта, что в той или иной киноработе мир персонажей изначально сильно отличается от нашего. Например, во всех вышеуказанных мирах произошли разрушительные войны и техногенные катастрофы, в результате которых оставшееся в живых человечество оказалось буквально на грани выживания. В связи с чем логично предположить, что качественно изменилась и сама культурная парадигма человечества.

Пространство современной массовой культуры насыщено произведениями всевозможных жанров, но особенный и поистине парадоксальный интерес люди проявляют сейчас к теме постапокалипсиса, которая, очевидно, является и антиутопической, поскольку мир, где практически окончательно рухнет человеческая цивилизация, а те достижения, к которым люди шли тысячелетиями, в одночасье обращаются в прах, однозначно стоит обозначить как мир антиутопический. Ведь сама по себе антиутопия – «это жанр предупреждения. Своей значимости она достигает, когда предупреждение сразу угадывается как воплощенный прогноз» [Черняк 2006: 55].

В последние годы количество таких кинопроизведений только лишь растет, а ведущие мировые киностудии одна за одной продолжают поставлять на мировой кинорынок такие фильмы как: «2012», «Время», «Добро пожаловать в Зомбилэнд», «Книга Илая», «Послезавтра» и др., а также соответствующие им по тематике сериалы: «Ходячие мертвецы», «Мир Дикого Запада», «Выжившие» и др. и аниме: «Атака титанов», «Евангелион» и т. д. При этом описываемые миры не обязательно дают явную оценку

или же более или менее подробную характеристику нежелательного политического или социального устройства общества, но, в сущности, на все лады демонстрируют фундаментальный страх человека потерять в одночасье вообще все, что он имеет. Страх смерти, которой не боялись, в такой же мере как современные люди, фаталисты викинги или искренне верующие христиане Средневековья. Наш атеистический мир, где человек после смерти просто физически прекращает существовать, делает саму жизнь высшей ценностью, а люди смертельно боятся умирать, потому как точно уверены, что после смерти уже точно вообще ничего нет, да и быть не может.

Страх перед возможной утратой вожделенного комфорта связан с тем, что современные люди, привыкшие пользоваться благами цивилизации, в большинстве своем абсолютно не способны выжить в мире, где им придется действительно бороться за свое выживание. Несколько неожиданно видеть сегодня и такой распространенный страх, как страх перед тяжелой и изнурительной работой. Однако он объясняется тем, что те, кто создает антиутопические и постапокалиптические произведения, сами далеко не всегда заняты такими видами труда. Поэтому они откровенно или же в тайне боятся, что вместо той работы, где они могут практически в любой момент устроить себе чаепитие, организовать перерыв, а нередко и откровенно побездельничать, им придется трудиться на тяжелых и беспросветных производствах, как это делали и продолжают делать представители рабочего класса.

Стоит вспомнить произведение «Голодные игры», где самые бедные дистрикты, с наиболее низким уровнем жизни, как раз и занимались шахтерским делом, заготовкой древесины и производством еды. Почему-то в антиутопических произведениях труд блогеров, рекламщиков, менеджеров, разносчиков и прочих не производящих что-либо материальное людей не попадает в главный фокус страха. Из чего следует вывод, что и сам автор, и те, кто с его легкой руки «нашел» относительно комфортные места работы, боятся оказаться в шкуре современных рабочих, поскольку для них такая жизнь откровенно страшна.

Еще один немаловажный аспект связан с проклятьем и роком «страха непреодолимого». Действительно, современное человечество с успехом покоряет небеса, океаны, замахнулось даже на космос, однако на самой земле продолжают возникать цунами, ураганы, болезни, а человечество все никак не может с этим справиться, что также является одним из важнейших поводов к возникновению и распространению коллективных и индивидуальных страхов современного человека, и нередко причиной апокалипсиса являются именно природные катастрофы. Следующим страхом, который стоит обозначить как глобальный страх всего человечества, всерьез опасаящегося того, что, продолжая развитие в таком же ключе, оно неминуемо, шаг за шагом, приближает день своей гибели. Так, например, типичной причиной конца света является техногенная катастрофа или иной трагический результат человеческой деятельности. Поэтому типичная антиутопия «в свою очередь является своего рода

предупреждением о возможных последствиях научного прогресса» [Шепелева & Долгина 2015: 14].

И это далеко не все коллективные и индивидуальные страхи, которые можно выявить в ходе детального философско-культурологического анализа антиутопических произведений, а только лишь малая их часть. Страх вообще является центральной экзистенциальной идеей антиутопии, вокруг которой и строится, и развивается ее сюжет. К примеру, если из таких популярных голливудских франшиз как «Голодные игры», «Дивергент», «Бегущий в лабиринте» и т. д. вдруг «изъять» сюжетную линию страха, то это приведет к полному обнулению идеи борьбы и утрате всякого смысла. Заменяв тоталитаризм «демократией», а мир после апокалипсиса на отдельное взятое (выдуманное) государство, в реальном мире мы ничего не изменим, страхи сущностно будут оставаться теми же. Голливудские мастера ужаса активно используют эти идеи, и на приведенном ниже кадре мы можем увидеть явно демонстративный «прогон» главных героев к месту их будущей смертельной битвы, которая, по мысли властей тоталитарного государства Панем, должна стать для них последней в жизни (рис. 3).

Поэтому по мнению многих специалистов, исследователей этого жанра, «категории «страх» и «совесть» определенно можно считать метакатегориями для антиутопий, так как данные категории играют сюжетообразующую роль в произведениях жанра антиутопии и репрезентируются через различные лексические единицы на протяжении всего произведения» [Гаврилова 2018: 121].



Рис. 3. Франшиза «Голодные игры». Китнисс Эвердин с товарищами под конвоем миротворцев отправляют на смертельные состязания. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: https://maxkobzev.files.wordpress.com/2015/05/hungergames2_19.jpg

Показательно, что большинство современных антиутопий демонстрируют критически низкий уровень и условия жизни, которые, тем не менее, парадоксальным образом примерно соответствуют уровню жизни бедняков в нынешних социальных реалиях, частично характерных для абсолютного большинства стран мира. Приведенная ниже иллюстрация демонстрирует убогость и безнадежность повседневной жизни людей в выдуманном мире франшизы о «Дивергенте» (рис. 4).

Зададимся далеко не праздным вопросом: а намного ли лучше жизнь обычного работника в маленьком провинциальном городке, чем условия обитания населения в дистрикте 12 из

«Голодных игр»? Конечно, его детей не забирают принудительно на смертельные шоу, где людей на потеху правителям и богачам убивают в прямом эфире, вероятно и дом у него будет лучше, никто не запретит переехать.



Рис. 4. Франшиза «Дивергент». Беатрис Прайор отправляется на обязательное тестирование способностей для распределения по фракциям. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://www.kinopoisk.ru/picture/2372897/>

Но только где взять денег на переезд, если зарплаты хватает только на налоги, еду и может еще чего-нибудь совершенно незначительное. Фактически во многих странах люди живут также или даже еще хуже, когда в столицах есть деньги, развлечения и т. д. (как, например, в Капитолии – столице государства Панем из «Голодных игр»), а в глухой провинции нет ничего, да и люди там живут на грани нищеты. Торжество уравнивающей нищеты и

одинаковости как раз и являет нам кадр из вселенной «Голодных игр» (рис. 5).



Рис. 5. Франшиза «Голодные игры». Китнисс Эвердин с родственниками и друзьями в дистрикте 12.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе:
<https://itsastampede615821596.files.wordpress.com/2019/11/hunger-games-films.jpg>

Так что и антиутопии, созданные в этих странах, будут актуальны именно в них, а не в мире. Стоит обратить внимание, что во всем мире подобные антиутопии изначально ориентированы на подростков и молодежь, которые еще во всех смыслах «пороху не нюхали», да и мировоззрение у них крайне не развито.

Отметим, что те свойства, которые нередко приписываются антиутопическим обществам, на самом деле, присущи и обычным социальным организациям, особенно кризисные периоды их развития.

В этой связи, «универсальные для любой культуры защитные механизмы ритуализации – навязывание индивидууму культурной

средой стереотипных образцов поведения, угнетающих спонтанное проявление его личностных черт, что достигается табуированием, известным с первобытных времен, и вытеснения – репрессии, исключения из области сознания индивидуума неприемлемых по какой-либо причине для данной культуры желаний и представлений» [Давыдов 2016: 23]. К тем же защитным механизмам относится и вождизм, то есть, авторитарная/тоталитарная система, которая в большинстве кризисных ситуаций, увы, оказывается эффективнее аморфной демократической. В этой связи особенно показательной выступает иллюстрация из «Голодных игр», показывающая казнь диктатора как высшую точку народной справедливости (рис. 6).



Рис. 6. Франшиза «Голодные игры». Китнисс Эвердин во время казни президента Сноу после победы революции. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://i.ytimg.com/vi/Df4yyVI6v4/maxresdefault.jpg>

Роль современных антиутопий серьезно трансформируется, как уже говорилось ранее, происходит структурированный отход от четкой идеологической основы. Все чаще возникают миры, где даже нельзя однозначно сказать, какая из классических в

прошлом идеологий является доминирующей. В любом подобном мире мы видим зашкаливающую эксплуатацию человека человеком или же мифическими и безликими корпорациями, а также чрезмерно жесткую власть, непрерывно и с избытком генерирующую политический и социальный страх. Потому стоит согласиться с мнением российских исследователей о том, что будущий «социальный порядок в ужасных антиутопических мирах Голливуда всегда связывается с вожденным вытеснением из поля зрения элиты тяжелого физического труда как материально-организационной основы низменной и позорной модели социального «благополучия», традиционно сопровождавшейся непрерывными войнами и страданиями тысяч и миллионов людей» [Некита и др. 2021: 3]. Вот и на приводимом ниже кадре из франшизы «Голодные игры» можем видеть феерическое начало смертельного шоу, связанного с презентацией нарядов будущих молодых смертников, согнанных в столицу Капитолий для кровавых визуальных потех знати Панема (рис. 7).



Рис. 7. Франшиза «Голодные игры». Шоу-представление трибутов перед смертельными играми.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе:

<https://www.slantmagazine.com/wp-content/uploads/2018/09/hungergamescatchingfire.jpg>

Стоит уточнить, что опасаются не просто эксплуатации, а эксплуатации всех узким кругом элиты, так в произведениях «Бегущий в лабиринте», «Голодные игры» даже те, кто живут в развитом городе, где жизнь в разы лучше, чем вне города, соблюдают строгие правила и могут быть убиты по произволу властителей. Кроме того, пугает, что в такие защищенные города, вероятно, они сами бы не попали, т. к. не обладают особыми качествами, которые бы могли заинтересовать владык города. В произведении «Бегущий в лабиринте» в городе проживали те, кто работал в научных лабораториях, кто их охранял и обеспечивал, а значит, что писатели и многие другие доступа в такой город точно не получают. Приводимый нами далее кадр из франшизы «Бегущий в лабиринте» дает наглядное представление о явно пугающем характере средоточия Зла, именуемом «Город порока» (рис. 8).

В случае же с жестоким и циничным антиутопическим миром «Голодных игр» в его столице – Капитолии надо было только родиться, чтобы иметь возможность стать его жителем, а значит тем, кто родился в любом другом не столичном дистрикте, даже если он/она очень талантлив/а не будет там места. Таков жизненный пример Бити Литье из дистрикта 3, который, став победителем голодных игр, был принят на должность изобретателя Капитолия, но прописки в столице Панема так и не получил, оставшись жителем нищего дистрикта, а в последствии даже вновь был призван на очередные «Голодные игры», то есть даже для настоящих талантов путь обретения счастья в тиранической столице наглухо закрыт. Следует признать,



Рис. 8. Франшиза «Бегущий в лабиринте». Город порока. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/33a7LB>

что слабость и недосказанность в освещении и интерпретации голливудскими молодежными антиутопиями извечных социальных язв эксплуататорского общества значительно обесценивает сами эти произведения, поскольку концепт общественного блага вновь оказывается не раскрытым, и частное/личностное побеждает, что вновь отсылает нас к уже озвученной проблеме проецирования личности автора на его произведение. Однако же стоит вернуться к вопросу способности обычного человека управлять государством и идеологической привязке.

Так, например, в произведении «Бегущий в лабиринте» олигархическое общество ставит опыты на подростках, чтобы получить лекарство для всего человечества, что безусловно безнравственно, но в то же время необходимо. На кадре из этой франшизы хорошо визуализирован маргинальный, критический

сценарий эксплуатации сил и способностей молодого поколения, которое в буквальном смысле слова находится на краю жизни и на грани выживания по прихоти теневых властей города (рис. 9).



*Рис. 9. Франшиза «Бегущий в лабиринте». Молодые герои противостоят невидимому злу.
Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://clck.ru/3za7ML>*

Однако, главные герои ценой риска и невероятных усилий подрывают преступную деятельность «невидимого правительства» по «спасению человечества», поскольку отчаянно хотят сохранить, в первую очередь, свои собственные жизни.

Будь такое общество капиталистическим или коммунистическим, это не имеет значение, т. к. любой руководитель государства должен заботиться не о человеке, а о государстве, то есть о большинстве. Вне зависимости от устройства общества главный герой идет против него, значит дело не в самом обществе, а в том, что принять то решение,

которое будет ущербно для себя самого, но выгодно для общества в целом, может далеко не каждый человек, при этом он может оказаться еще и неграмотным управленцем. Следовательно, доверять управление всем нельзя – должны быть те, кто ведут за собой и поступаются с чьими-то интересами, ради общего блага. «Государство – аппарат насилия в руках господствующего класса» [Ленин 2020: 208].

Естественно, что главной целью государства всегда будет самосохранение, а значит и выживание большей части населения. Весьма сомнительно, что каждый конкретный человек или же весь народ в целом могли бы принять необходимое и адекватное решение не зная, где, когда и кто умрет, где, когда и что произойдет. Бесконтрольное развитие индивидуализма в современном обществе, деформирование человека-личности приводит нас к новой эпохе, когда вне зависимости от обстоятельств все больше людей готовы предать, отступить, бежать ради сохранения своей жизни, судьба государства или общества волнует их лишь относительно судьбы самих себя. Современные антиутопии также указывают на это, однако, все они оказываются не в состоянии однозначно осудить или похвалить подобное, поскольку подобное общество находится в переходном состоянии, а потому и однозначная оценка оказывается невозможной. Антиутопия как продукт своего времени не предназначена для ответов, ее роль в социокультурном пространстве иная, она в основном только ставит острейшие и нужные вопросы, привлекая внимание индивида, общества и власти к застарелым или же совсем новым

язвам, невнимание или игнорирование которых может неминуемо обернуться масштабной социальной катастрофой.

Следует указать, что в молодежных антиутопиях, ставших визуальной основой настоящей статьи, есть множество общих черт, которые были нами отмечены и проанализированы, однако важным, стержневым элементом любого общества является его культура. Современные люди нашего мира, жители Капитолия из «Голодных игр», а также живущие в различных городах люди из «Дивергента» и «Бегущего в лабиринте» имеют одну важную общую черту, поскольку живут на закате информационного общества, но не имеют ресурсов и технологий для того, чтобы двигаться дальше, а значит оказываются в ситуации опасного застоя мысли. Поэтому, крайне важно «учитывать опасности для культуры и духовного развития, которые несет в себе само информационное общество. Оно содержит в себе большое внутреннее противоречие, заключающееся, с одной стороны, в возрастающей роли теоретического знания, в необходимости интенсивной и постоянной рефлексии общественной реальности, а с другой стороны, в девальвации смысла, превращении знаков в симулякры, в постмодернистском отрицании истины, знания, нравственности, науки и даже общества и самой реальности» [Неретин 2011: 69].

В перечисленных голливудских франшизах мы наблюдаем статичные в основе своей общества, в которых не наблюдается даже тенденции к изменениям, наоборот все максимально законсервировано. Так в «Голодных играх» есть дистрикты и Капитолий, роль каждого субъекта определена и изменению не

подлежит. Так же происходит и в «Дивергенте», где родной город главной героини Беатрис (Трис) Прайор является объектом громадного эксперимента власти и внешнее вмешательство в его жизнь отсутствует, даже когда начинают массово убивать дивергентов, ради культивирования которых изначально задумывался и проводился эксперимент. Да и франшиза «Бегущий в лабиринте» наглядно демонстрирует нам опасные последствия тоталитарного изоляционизма. Следующий кадр показывает зрителю, как обычно власть подобного типа поступает с недовольными или даже просто с теми, кто задет слишком много вопросов (рис. 10).



Рис. 10. Франшиза «Бегущий в лабиринте». Опасное противостояние героев и невидимой тоталитарной власти. Изображение размещено в свободном доступе на платформе: <https://mobimg.b-cdn.net/v3/fetch/8c/8c579d7a76c68d30a54822d93ad5e39c.jpeg>

завершение эпохи добра и разума с последующим наступлением новых «темных веков». Однако несмотря на то, что антиутопии рассматривают великое множество проблем современного мира и даже некоторые проблемы мира будущего, в основном, вся обозначенная проблематика локальна и не отвечает масштабу мировых проблем. Что, конечно, связано с развитием индивидуализма, а также стремлением власти к постепенному и неуклонному ограничению человека, которого старательно закрывают в рамках непосредственно окружающего его пространства.

Целый ряд важных проблем современного, глобализированного общества, к сожалению, практически не рассматривается в современных антиутопических произведениях. Уделяя много внимания критике информационного общества, авторы игнорируют другой не менее важный элемент – глобализацию, которая непрерывно «порождает новые формы единства/различия, развитие этнических и национальных культур требует сохранения самобытности, что находит выражение в этнических и прочих конфликтах. Нужны новые политические и институциональные решения проблем» [Гриценко 2013: 9]. Можно предположить, что это связано с отсутствием интереса к подобной проблематике целевой аудитории, да и самих авторов.

Роль антиутопии в современном культурном пространстве основывается на приобретающем все более и более формальный характер «демократизме» большинства современных обществ и наличии призрачной возможности населения хоть как-то «влиять» на изменения политики государства по различным вопросам. Все

эти факторы придают антиутопиям особую роль, ведь наглядно демонстрируя индивидуальные, корпоративные и общесоциальные последствия эскалации страха, антиутопия становится произведением, которое уже не просто критикует какой-либо государственный строй, а вынуждает потребителя задаться вопросом, хочет ли он жить в таком мире, а также готов ли он сделать что-то для изменения подобного мира.

По той же причине большей популярностью сегодня пользуются именно подростковые антиутопии. Ведь молодежь, как наиболее эмоциональная социальная группа, в большей степени стремящаяся к изменениям, потребляя подобные произведения так или иначе вырабатывает свою жизненную позицию. Безусловно, полного освобождения от идеологического влияния в антиутопиях не произошло, однако, постепенно, такой процесс все же идет. Антиутопия выполняет роль воспитательную, уже не в целях привития неприязни, а для того, чтобы научить отдельного человека и даже целые поколения думать принимать решения и действовать. Главные герои в антиутопиях зачастую вступают в борьбу с окружающим их несправедливым миром. Разумеется, каждый из них отстаивает свою «правду», мы можем соглашаться или же не соглашаться с их позицией, но в любом случае симпатизируем их мужеству и стойкости. Приводимый ниже кадр из фильма показывает революционный порыв молодёжной «народной демократии», которая горит желанием покончить с жестокой тоталитарной властью (рис. 11).



Рис. 11. Франшиза «Голодные игры». Китнисс Эвердин готова возглавить революцию.

Изображение размещено в свободном доступе на платформе:

<https://img3.goodfon.ru/original/1600x1200/0/53/golodnye-igry-6706.jpg>

Таким образом, антиутопия – это не только и не столько сатира на государство, власть, те или иные звенья тоталитарной системы, а роль продукта, то есть товара, на котором сегодня зарабатывают достаточно неплохие деньги, попутно выполняя и значимую культурно-воспитательную роль. Антиутопию можно в полной мере считать и культурным продуктом современного общества, актуальным, в полной мере, только в свою, строго определенную эпоху, что принципиально отличает ее от, например, героического эпоса. Стоит также отметить и значительное смещение акцентов, которые наблюдаются в

антиутопии и меняют ее роль. Наблюдается отход от главенствующих раннее масштабных событий, действий правительств, революционных сопротивлений гнету. Главным в антиутопиях становится человек, а следуя по пути индивидуализма человечество все более отдаляется от идеи общего блага, которая перестает быть основной социальной проблемой и идеалом. В современных «персоналистичных» антиутопиях мы все больше наблюдаем за одним человеком, за его попытками выжить, чем изменить мир к лучшему для всех. Неуклонно «меняется и модальность антиутопии. Обертон социальной критики уступают место предельно трагическим аккордам субъективного переживания действительности» [Лукашёнков 2010: 286].

Выводы

Таким образом, приходим к выводу, что антиутопия как особый жанр искусства прошла различные этапы своего развития и при этом качественно изменяла свои функции в социокультурном и политическом пространстве. В то же время, проведя анализ ряда современных антиутопий, мы можем очертить приблизительный круг этих трансформировавшихся функций антиутопии. И важнейшая среди них, анализу которой, в большей степени была посвящена наша работа – это всевозрастающая роль фантазийной, искусственно конструируемой проекции страха современности на мир будущего.

Антиутопия выступает ведущей формой социокультурного предвидения-предостережения, она учит человека не бояться неизвестности, но быть предусмотрительным, разбираться в самом себе и окружающем мире, думать и чувствовать, принимать сложные решения и нести за них ответственность. Она настойчиво, скрупулезно и последовательно учит тому, что человек сам творит мир вокруг себя и только в ответ на его подобные действия этот мир может и должен стать лучше. Потому вместо разрушительной, иррациональной роли антиутопия все больше приобретает роль созидательную, так сказать, «от противного».

Генерируя и проецируя индивидуальные и коллективные страхи, люди транслируют свои переживания другим, предлагают им вместе задуматься и попытаться остановиться у края пропасти, озаботиться вопросом дальнейшего существования мира, общества и человека, получить возможность увидеть свои страхи и проанализировать их, задуматься над тем, а того ли мы боимся. Естественно, нередко антиутопии вовсе не воспринимаются именно таким образом, но чем больше подобных произведений возникает, чем дальше они отходят только лишь от идеологического и контролирующего влияния, тем ближе оказывается завершение процесса формирования новой миссии антиутопии в культурном пространстве современной человеческой цивилизации.

При этом, важнейшую роль играет и проекция страха, которая вызывает у потребителя шок-эмоции, основная задача которых состоит в привлечении массового зрителя и более

эффективной реализации культурного продукта. Кроме того, шок-эмоции успешно «продают» не только само произведение, но и продвигают идеи, которые изначально заложены в них создателями. Так пронаблюдав ужасы тоталитаризма в анализированных нами голливудских франшизах, юный зритель учится переживать негативные эмоции от окружающего персонажей мира и осознавать тот факт, что он не желает жить в таком типе обществ. Проецируемый на потребителя страх, таким образом, не только напрямую связан со страхами самого автора и его среды обитания. Также намеренно генерируется страх, например, в молодежной среде, для умышленного подогревания ее интереса и коллективного приобщения к общей волне страха. Подобный прием, стоит отметить, значительно «осовременивает» подобные антиутопические проекты, выполняющие роль коллективной проекции страха наших современников по поводу кошмара будущих миров.

Литература

- Гаврилова, М. Б. (2018). «Совесь» и «страх» как содержательные категории произведений жанра антиутопии (на материале англоязычных текстов антиутопий XX–XXI вв.). *Политическая лингвистика*, 5, 116–122.
- Гриценко, В. П. (2013). Культура: взаимодействие глобализации и регионализации. *Культурная жизнь Юга России*, 3, 7–11.
- Давыдов, А. И. (2016). Защитные механизмы цивилизации. *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 4(13), 21–24.
- Денисов, А. А. (2021). Роль антиутопической концепции в изучении идеологии тоталитаризма. *SAF*, 24, 23–29.
- Жуань, Ч. (2017). Патологическая форма психологической проекции как защитный механизм человека. *АНИ: педагогика и психология*, 2(19), 303–304.

- Лавринова, Н. Н. (2019). Современное культурное пространство: концептуальный анализ. *Colloquium-journal*, 28(52), 90–92. <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-11159>
- Ленин, В. И. (2020). *Государство и революция*. Москва: АСТ.
- Лукашёнков, И. Д. (2010). Антиутопия как социокультурный феномен начала XXI века. *Ярославский педагогический вестник*, 4, 286–288.
- Некита, А. Г., & Маленко, С. А. (2022). Визуальные киномифы советской эпохи в идеологическом созидании «нового» человека. *Индустрии впечатлений. Технологии социокультурных исследований (EISCRT)*, 1(1), 99–116. [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Некита, А. Г., Маленко, С. А., & Широкова, О. В. (2021). Идеология суррогатного постапокалипсиса: биополитика киберпространства в голливудском фильме ужасов. *Векторы благополучия: экономика и социум*, 1(40), 1–13. [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/1\(40\)/1082](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/1(40)/1082)
- Неретин, О. П. (2011). Основные тенденции и противоречия в формировании современного культурного пространства. *Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств*, 17(2), 63–72.
- Солобуто, Д. С. (2022). Антиутопия: эволюция жанра и его особенности. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 3(858), 142–148. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_3_858_142
- Филиппова, М. Г., Чернов, Р. В., & Мирошников, С. А. (2010). Вытеснение угрожающей информации: изучение возможности измерения неосознаваемого страха. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*, 2, 143–158.
- Черепанова, Р. С. (1999). Утопия и антиутопия: типология и взаимоотношения. *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии*, 1(9), 96–108.
- Черняк, М. А. (2006). Страхи будущего в современных антиутопиях. *Universum: Вестник Герценовского университета*, 8(34), 54–55.
- Шепелева, Ю. Е. & Долгина, Е. С. (2015). Антиутопия как жанр фантастической литературы. *Вестник магистратуры*, 11–4 (50), 13–15.

Информация об авторе

Сюзюмов Илья Александрович – аспирант кафедры философии, культурологии и социологии, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Россия, 173003, Великий Новгород, ул. Большая Санкт-Петербургская, д.41), ORCID: 0000-0001-7459-1489, mr.sia99@mail.ru

HOLLYWOOD YOUTH DYSTOPIAS: SOCIOCULTURAL PROJECTIONS OF CONTEMPORARIES' FEARS ABOUT FUTURE WORLDS

Ilya Suzumov

Abstract: the article deals with the phenomenon of anti-utopian works of the 21st century, associated with a qualitative expansion of the projections of the fear of contemporaries on the world of the future. The relevance of the topic is due to both an increase in the number of dystopian works, and an increase in mass consumer demand for visualized dystopias, an increase in the importance of dystopias in the ideological development of modern socio-cultural space. The dystopias filmed by Hollywood, which are gaining more and more consumer popularity, make it possible to analyze the projected individual and collective fears, identify the main signs of "unwanted" dystopian worlds for the authors, and also explore the ideas broadcast by their creators to the masses. The article discusses the most obvious fears projected by Hollywood, determines the causes of their occurrence and the degree of their unconsciousness, fixes the main socio-political goals and ideological scenarios for the introduction of identified fears into the spaces of other socio-cultural traditions. The characteristics of the reasons for the evolution and transformation of fears inherent in post-war generations are given, the basic reasons for their changes and the significance for dystopia as a genre are determined. An analysis is made of visualization techniques and mental and ideological impact on the consumer used in the creation of anti-utopian films. The article directly relies on the analysis of modern Hollywood youth dystopias: *The Hunger Games*, *Divergent*, *The Maze Runner*, which not only have traditional literary bases, but are also supplemented by large-scale and box office film versions.

Keywords: dystopia, visualization, Hollywood, projection of fear, ideology, impression industry, cultural influence, ideology, propaganda, capitalism.

References

- Cherepanova, R. S. (1999). Utopiia i antiutopiia: tipologii i vzaimootnosheniia [Utopia and dystopia: typology and relationships]. *Magistra Vitae: elektronnyi zhurnal po istoricheskim naukam i arkheologii* [Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archeology], 7(9), 96–108. (In Russ).
- Cherniak, M. A. (2006). Strakhi budushchego v sovremennykh antiutopiiakh [Fears of the future in modern dystopias]. *Universum: Vestnik Gertsenovskogo universiteta* [Bulletin of the Herzen University], 8(34), 54–55. (In Russ).
- Davydov, A. I. (2016). Zashchitnye mekhanizmy tsivilizatsii [Defense mechanisms of civilization]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian studies], 4(13), 21–24. (In Russ).

- Denisov, A. A. (2021). Rol' antiutopicheskoi kontseptsii v izuchenii ideologii totalitarizma [The role of the dystopian concept in the study of the ideology of totalitarianism]. *SAF* [StudArctic Forum], 24, 23–29. (In Russ).
- Filippova, M. G., Chernov, R. V., & Miroshnikov, S. A. (2010). Vytesnenie ugrozhaiushchei informatsii: izuchenie vozmozhnosti izmereniia neosoznavaemogo strakha [Displacement of threatening information: exploring the possibility of measuring unconscious fear]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg University. Sociology], 2, 143–158. (In Russ).
- Gavrilova, M. B. (2018). «Sovest» i «strakh» kak sodержatel'nye kategorii proizvedenii zhanra antiutopii (na materiale angloiazыchnykh tekstov antiutopii XX–XXI vv.) ["Conscience" and "fear" as meaningful categories of works of the genre of dystopia (based on the material of English-language texts of dystopias of the XX–XXI centuries.)]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 5, 116–122. (In Russ).
- Gritsenko, V. P. (2013). Kul'tura: vzaimodeistvie globalizatsii i regionalizatsii [Culture: interaction of globalization and regionalization]. *Kul'turnaia zhizn' luga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 3, 7–11. (In Russ).
- Lavrinova, N. N. (2019). Sovremennoe kul'turnoe prostranstvo: kontseptual'nyi analiz [Modern cultural space: conceptual analysis]. *Colloquium-journal*, 28(52), 90–92. (In Russ). <https://doi.org/10.24411/2520-6990-2019-11159>
- Lenin, V. I. (2020). *Gosudarstvo i revoliutsiia* [The state and the revolution]. Moscow: AST Publ. (In Russ).
- Lukashenok, I. D. (2010). Antiutopiia kak sotsiokul'turnyi fenomen nachala XXI veka [Dystopia as a socio-cultural phenomenon of the beginning of the XXI century]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], 4, 286–288. (In Russ).
- Nekita, A. G., & Malenko, S. A. (2022). Vizual'nye kinomify sovetskoj epokhi v ideologicheskom sozidanii «novogo» cheloveka [Visual film myths of the Soviet era in the ideological creation of a "new" person]. *Industrii vpechatlenii. Tekhnologii sotsiokul'turnykh issledovanii (EISCRT)* [Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)], 1(1), 99–116. (In Russian). (In Russ). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1\(1\)-99-116](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2022-1(1)-99-116)
- Nekita, A. G., Malenko, S. A., & Shirokova, O. V. (2021). Ideologiya surrogatnogo postapokalipsisa: biopolitika kiberprostranstva v Gollivudskom fil'me uzhasov [The Ideology of a Surrogate Post-apocalypse: The Biopolitics of Cyberspace in a Hollywood Horror Film]. *Vektory blagopoluchii: ekonomika i sotsium* [Vectors of well-being: economy and society], 1(40), 1–13. (In Russ). [https://doi.org/10.18799/26584956/2021/1\(40\)/1082](https://doi.org/10.18799/26584956/2021/1(40)/1082)
- Neretin, O. P. (2011). Osnovnye tendentsii i protivorechiia v formirovanii sovremennoego kul'turnogo prostranstva [The main trends and contradictions in the formation of modern cultural space]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 17(2), 63–72. (In Russ).

- Shepeleva, Iu. E. & Dolgina, E. S. (2015). Antiutopiia kak zhanr fantasticheskoi literatury [Dystopia as a genre of fantasy literature]. *Vestnik magistratury* [Bulletin of the Magistracy], 11-4(50), 13-15. (In Russ).
- Solobuto, D. S. (2022). Antiutopiia: evoliutsiia zhanra i ego osobennosti [Dystopia: the evolution of the genre and its features]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities], 3(858), 142-148. (In Russ). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_3_858_142
- Zhuan, Ch. (2017). Patologicheskaiia forma psikhologicheskoi proektsii kak zashchitnyi mekhanizm cheloveka [The pathological form of psychological projection as a human defense mechanism]. *ANI: pedagogika i psikhologiya* [ANI: Pedagogy and psychology], 2(19), 303-304. (In Russ).

Author's information

Syuzumov Ilya Alexandrovich – Postgraduate Student of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (41, B. Petersburgskaya ul., Veliky Novgorod, 173003, Russia), ORCID: 0000-0001-7459-1489, mr.sia99@mail.ru

For citation:

Syuzumov, I.A. (2023). Hollywood youth dystopias: sociocultural projections of contemporaries' fear about future worlds. *Experience industries. Socio-Cultural Research Technologies (EISCRT)*, 1(2), 217-254. (In Russian). [https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1\(2\)-217-254](https://doi.org/10.34680/EISCRT-2023-1(2)-217-254)

experience
INDUSTRIES

SOCIO-CULTURAL RESEARCH TECHNOLOGIES

СЕТЕВОЕ ИЗДАНИЕ

индустрии
ВПЕЧАТЛЕНИЙ

ТЕХНОЛОГИИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

№1 (2), 2023